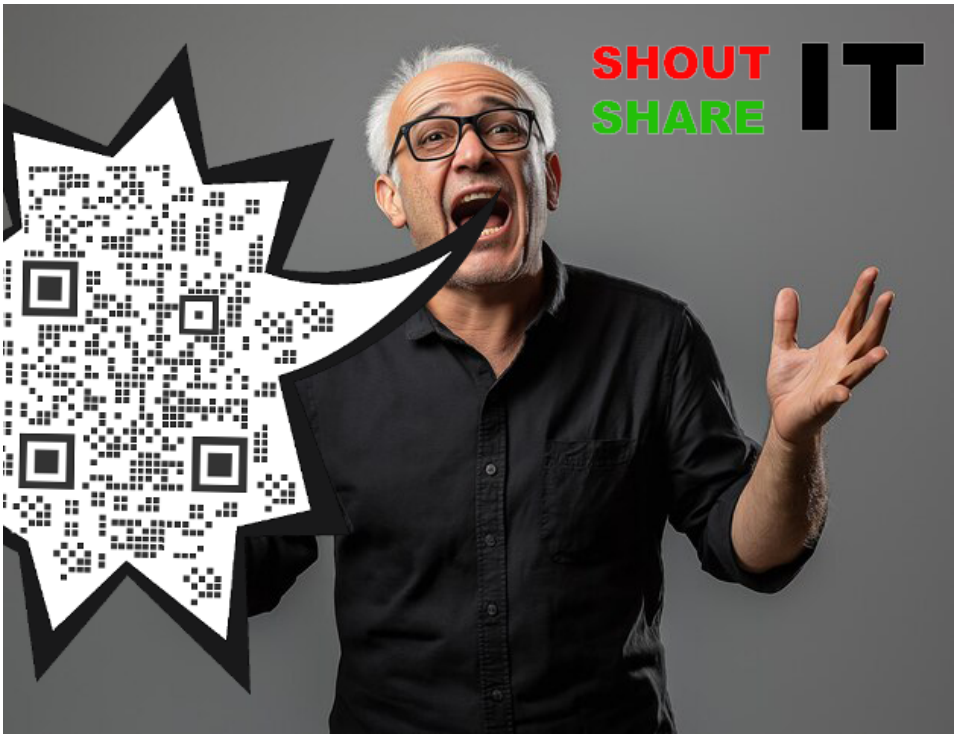
Анатолий Серов

Зинаида Акимовна Чалая


SHOUT
SHARE
IT

- Чалая Зинаида Акимовна

Чалая Зинаида Акимовна
Анатолий Серов

Чалая Зинаида Акимовна
Анатолий Серов
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Книга З. Чалой "Анатолий Серов" впервые вышла в серии "Жизнь замечательных людей" (издательство "Молодая Гвардия") с предисловием дважды Героя Советского Союза Я. В. Смушкевича в 1940 году и вызвала многочисленные отклики среди советской молодежи и в печати. В связи с появлением новых материалов о боевых действиях А. К. Серова в Испании, а также по просьбе читателей З. Чалая заново написала книгу о прославленном летчике-уральце для издательства.

Содержание
От автора
Часть I. Серовы
Раннее детство
Самолет
Пионер
Надеждинск
Мартены
Комсомольский билет
Комсомольская семья
Звездный лыжный пробег
Летать!
Часть II. Летчик-истребитель
Школа пилотов
Готов к полету!
Второе рождение
Вступление в строй
На Дальнем Востоке. Звено воздушных акробатов
Академия. Летчик-испытатель
Часть III. Испания
Есть рядовым летчиком!
Первые впечатления
Боевое испытание
Бой с ночным бомбардировщиком
Блестящий тактический талант
Штурм фашистского аэродрома

Под небом Барселоны
Нас было девять
Один против тринадцати
Мысль о самом дорогом
Салют, Испания!
Часть IV. Герой Советского Союза
Москва!
Женитьба истребителя
Встреча с Чкаловым
Серовская пятерка
На Тушинском аэродроме
Отдых не получается
Героини "Родины"
Чкалов разбился!
Новый год
Двадцатидевятилетие
Одиннадцатое мая
Народ дает бессмертие своим детям
К читателю (Б. А. Смирнов, М. Н. Якушин)
Наш любимый друг и боевой товарищ! (Я. Смушкевич)
Основные даты жизни Анатолия Серова
Примечания
От автора

Автор был связан с Анатолием Серовым долголетней дружбой, начавшейся еще на Дальнем Востоке, когда он служил командиром звена в эскадрилье М. П. Харитонова, и не ослабевавшей до последних дней его жизни. Ценные сведения автору предоставили родные и друзья детства и юности Серова на Урале - в Надеждинске, Свердловске, в Турьинске, на Воронцовском руднике. Неоценимую помощь оказали в работе над книгой боевые друзья Анатолия Константиновича, соратники в борьбе по защите республиканской Испании от фашистских мятежников.

Автор выражает глубокую благодарность всем, кто оказал помощь в создании этой книги.

Часть I.

Серовы

Раннее детство

Дед его застал еще крепостное право. Это было поколение крепостных уральских рабочих. Из всех слоев рабочего народа самая униженная, оскорбленная и зверски эксплуатируемая часть. Он был шахтером, рудокопом медных рудников с девяти лет. Как раз в этот год пришло "освобождение", "раскрепощение", и "вольный" ребенок был взят в шахту.

Мальчик не зачах, это был ствол от могучего корня. Старался, рубал руду не от зари до зари, а от темна до темна, по неделям не видя солнца. Вот так и вырос, женился на красивой девушке Дуне, труженице, мастерице на все руки. Да ведь Терентий и сам был красив, богатырской силы и доброго, верного сердца человек. Не заметил, как прошло время, а уж стали подниматься один за другим пятеро малышей. Отцу тогда еще и тридцати лет не было. Смотритель ему говорил:

- Трудненько приходится, Терентий Семенович?

- Ничего. По воскресеньям охотой промышляю, известно. Лес рядом. Дровишки на зиму заготовить, с ребятами грибов, ягод насбирать, а то и на Турье порыбалить.

- Способный ты работник. Послушай совета, бросай углубку. Помогу устроиться в технический надзор.

Терентий вежливо отказывался. Помимо других своих добрых душевных качеств, он был также преданнейшим товарищем и не мог пойти против своих. А быть надзирателем, надсмотрщиком за рабочими в то время считалось перейти в стан врагов. Правда, надсмотрщикам легче жилось - и усадебка, и коров парочка, и овцы, и свинья с поросем. И детей полегче в люди вывести. Но дед будущего воздушного рыцаря, небесного аса, по-прежнему спускался в шахту, когда рассвет еще не золотил дальние горные вершины.

Пользовался шахтер кайлом да матушкой лопатой и их подспорьем - ломом да клином. Вот и вся техника. Взрывы производились черным порохом, и лишь нескоро, впоследствии - динамитом. Нередко приходилось отбивать породу, лежа на спине, вытаскивать ее на себе и относить на свободное пространство. Молча, упорно углублялся он в черные недра. Горная вода, просачиваясь сквозь стены, непрестанно капала ему на спину, на голову, на плечи. Воздух был тяжелым. Углубщик с трудом переводил дыхание, тело покрывалось испариной. Изнемогая, выдюживал он каторжный "урок". Этого "урока" хватало на 12-14 часов. Да хоть и раньше управься, его все равно не выпустят на-гора до определенного часа. Пройдя по выработкам к стволу, он будет сидеть у "западни". Западней называли рабочие выход на клеть. Вымокший и дрожащий после ледяного душа подземной капели будет ждать. Ревматизм давно уже стал постоянным жильцом в организме углубщика.

Придя домой, старался размяться и согреться за колкой дров или починкой сарая.

Порой выходил на порог, присаживался на ступеньки, и тотчас его обсыпали играющие на дворе мальчишки. Вот тут-то проходил свою первую школу младший его сын Костя. Этот, еще

крошка трех-пяти лет, заслушивался чудесными сказами, былями и небылицами, передаваемыми у рудокопов из поколения в поколение. Жадному воображению рисовались богатства, таящиеся в недрах. Вставали богатыри - охранители недр, окаменевшие и спящие тихим сном. Кто разбудит богатырей и отгадает три загадки, тому откроют они сказочные кладовые матери земли. Но только такой же сильный богатырь сможет их пробудить.

Домик стоял напротив дремучего леса. Поселок, где жил Серов, назывался Фроловские Самосуды. Название шло, видимо, от. глухих времен кровавых расправ и диких нравов. Но и во времена углубщика Серова дичь и глушь царствовали в этих местах Северного Урала. Кое-где были школы и училища, кое-где селилась ссыльная братия революционеров - и свет знания редкими и тонкими лучиками пронизывал темноту. Кое-где!

- Учиться надо, - говорил Терентий старшему сыну.

- Буду шахтером, - отвечал Миша.

- Учись. Не шахтером станешь, а человеком.

- Разве шахтер не человек?

- Жизнь у него нечеловечья.

Костя-малыш угадывал:

- Богатырем будешь. Я вот стану богатырем.

- Ну, добро. Пожалуйста, хоть ты научись, стань большим богатырем и подыми братьев и мать к той самой человечьей жизни. С товарищами. Товарищества, сыны, не забывайте.

В темное утро летом 1885 года Терентий Семенович был поднят на-гора в бесчувственном состоянии. Он умер в тот же день.

"Шахтерский век - тридцать лет" - ходила горькая поговорка. Серов одолел этот рубеж, он прожил тридцать три года. Богатырю Илье Муромцу было тридцать три года, когда он отправился в свой славный путь. А вот миллионы других русских богатырей долгие века находили свою могилу, едва достигнув этих лет. Выдюживая свой жизненный "урок", они неизбежно надрывались, как надорвался Терентий.

Сыновья были еще малы. Но старшие пошли на шахту. Их труд оплачивался так низко, что мать, при муже оставившая было работу поденщицы, снова стала наниматься чернорабочей на сортировку руд за 30 копеек в день.

По давнему завету отца, Константин, едва подрос, пошел учиться. Старшие братья были настоящими шахтерами, когда он закончил народную школу. Он любил учиться. На книги, тетради и разные пособия зарабатывал черчением географических карт для более обеспеченных учеников, исполнял поручения

конторских служащих. Бывало, очень трудно приходилось семье, и вставал вопрос о том, чтобы и ему пойти в шахтеры. Костя еще более старался помочь матери - и по хозяйству, и немного денег заработать для нее. Он умел готовить обед, печь хлеб, шить и сапожничать.

Повзрослев, мальчик уже не говорил, что будет богатырем. Но твердо верил в свои силы, чтобы стать настоящим рудознатцем, искать дороги к тем подземным богатырям, о которых мечтал отец и которые одни укажут путь к правильной человеческой жизни.

В четырех километрах от Фроловского, в Турьинске, на средства Богословского горного округа было основано горное училище. Промышленная компания воспитывала в этом училище своих техников. Константин Серов, отличавшийся успехами, был принят в эту кузницу горных мастеров. С тех пор немало горных дорог и бездорожий, логов и берегов золотоносных уральских речек исходил молодой разведчик.

...Об отце своем, рудокопе, гордившемся тем, что перевалил тридцатилетний шахтерский век - на три-то годика! - о постоянной мучительной борьбе за кусок хлеба, за кроху школьных знаний, вспоминал сейчас молодой штейгер, стоя на пороге дома ранним весенним утром.

Ночь на 20 марта (по старому стилю) была вьюжной. Мороз перехватил брызнувшие накануне первые слезы капели и сковал их, одев крыши поселка в блестящий серебряный убор. Редкие домики поселка стояли тихо, еще люди спали, и все вокруг казалось заколдованным миром - ни звука, ни шелеста, ни единого движения.

И вдруг в доме раздались крики - не страшные, не пугающие, как в первую минуту послышалось Константину, а полные радости: "Мальчик!.. Мальчик!.."

Константин ринулся в дом, но дорогу ему загородила бабушка-повитуха.

- Нельзя, батюшка, нельзя. Потерпи чуток. Ну, да с сыном вас, Константин Терентьевич!

- А кричали почему? Как Люба?

- Да как не кричать - с радости-то. Молодец родился, богатырь. Крупный, здоровый, полный да белый, да сам кричит громче всех. Ты послушай... Только не заходи, батюшка. Ничего, ничего, Любушка вам кланяется.

Вытолкнув его легоньким толчком, она закрыла дверь. Константин успел услышать здоровый крик ребенка. Может, показалось? У него все кружилось и гудело в голове. Сын! Хороший, здоровый сын! И Любушка в полном порядке, слава

богу!

Только что обуревавшие его тяжкие воспоминания и тревога за жизнь Любы и новорожденного сменились таким полным чувством счастья, что он в растерянности осмотрелся кругом. И будто весь поселок ожил: задымили трубы, на отдаленных порогах появились женщины, издали махали ему руками, кричали, спрашивали, смеялись. Тяжело пролетела старая ворона, но крикнул-то раньше ее во дворе горластый петух, известный своим боевым нравом. Серов невольно рассмеялся сквозь выступившие на глаза слезы.

"Сын! Внук сказочника-рудокопа Терентия Серова! Уж ему-то достанется тайна гор златых, наказ богатырей, которых давно пора пробудить от каменного сна. Я помогу моему сыну. Положу все силы, чтобы у него спорей шла разведка. Вырастет спортсменом, грамотным, честным, замечательным, в общем, человеком. А что? Разве это невозможно? От уральского корня должен вырасти славный богатырь. И учиться ему будет легче, чем его деду, у которого все учение шахта, или отцу: за каждый день учения платил работой".

Вошел в дом, стараясь не стучать сапогами. Какова-то она, бедная Люба... Вспомнилось, как тяжело проходили первые ее роды. У Любови слабое сердце. Тревожно вглядывается в ее побледневшее лицо. На ее губах слабая улыбка. Константин ринулся к постели, нагнулся, припал к груди жены, шепча ласковые слова, целуя ее руку, растрепавшуюся косу. Из глаз брызнули слезы. Потом подошел к люльке, стал пристально и взволнованно вглядываться в личико ребенка, правда, крупного, двенадцатифунтового!

Рядом вертелась пятилетняя дочурка.

- Не тормоши колыбель, - сказал он. - Лучше отойди. - Но увидев ее огорченное, милое лицо, погладил по головке и пошел вон. Повитуха вышла следом за ним.

- За такого сына причитается с вас, Константин Терентьич, это же будет полковник!

- Где это видано, Анна Денисовна, чтобы внуки шахтеров ходили в полковниках! - усмехнулся Константин. - Дай бог, будет славный парень. Спасибо и за Любу, что уберегли ее. Подарок вам готов.

- Да я смеюсь, какие подарки. За Любушкой еще надобно приглядеть недельку-две. Сердчишко-то у нее все падает, все падает. Что ее поддерживает, так это любовь. Вас она любит, дочурку да новорожденного. Любовь эта и дает ей силу. Не зря нарекли ее при рождении Любовью.

Любовь Фроловну все знакомые звали Флоровной.

Константин как-то услыхал, что Флора была богиней цветов. И хотя он отлично знавал своего тестя, старого горняка Фрола Платонова, под окошками дома его не раз по вечерам певал "Стонет сизый голубочек" или проезжал мимо верхом, переглядываясь с той, что пряталась за кисейной занавеской, - ему нравилось, что она именно Флоровна: имя и отчество ее полны были радости цветения и любви.

Скоро весь Воронцовский рудник узнал о прибавлении семейства у штейгера Серова. Люди при встрече весело поздравляли, а иные сами приходили в дом и приказывали передать поздравление. Константина Терентьевича уважали. Он пользовался прочным авторитетом не только как знающий и опытный горняк. Его знали как близкого каждому рабочему человеку, справедливого и честного сына рудокопа. Константин не раз заодно с шахтерами и горными разведчиками добивался облегчения их адского труда, вместе с ними делил невзгоды, вступался за их права. И хоть на Воронцовском руднике служил недавно (в 1909 году работы по золоту сократились, новые месторождения открывать было невыгодно, и главное внимание было обращено на железное дело - поэтому Серова назначили тогда на железный Северо-Песчанский рудник, входивший в группу Воронцовских рудников Богословского округа), добрая его слава раньше его самого дошла до ушей рабочих. Да и приветливая жена его быстро сошлась с женской частью поселка. Все приняли участие в ней, все тревожились за ее жизнь, так как повитуха Анна Денисовна Нестерова помнила, как в первых родах чуть не умерла Любушка. А от Нестеровой узнали и другие. И, можно сказать, рождение сына Серова встретили почти как своего родного, и не одна стопка и не в одном доме была в тот день выпита в его честь!

Первые детские годы Толи Серова протекли на Воронцовском руднике. Природа здесь изумительная, хотя и суровая, северная. Константин Терентьевич после долгих лет кочевой жизни решился, наконец, обосноваться. Он и раньше настаивал, чтобы были выделены средства на строительство домов для рабочих и технического персонала, следил за стройкой, доставал материалы и сам учился у сибирских плотников, как строить дом, достаточно утепленный для северных условий. Рабочие и ему давали советы, помогли построить небольшой, крепкий, теплый дом. Окна выходили на реку Песчанку, рядом был лес, луга - приволье для детей. После Анатолия родился второй сын - Евгений. Казалось, для семьи наступило счастливое время благополучия.

Но недолго пришлось прожить в этом доме. Началась война. Толе тогда шел пятый год. Он видел, как отец приходил с работы

утомленный, с невеселым лицом.

Росла дороговизна. Обращение начальству с рабочими ухудшилось. Серову не раз уже приходилось ссориться с представителями компании из-за рабочих, которым и уйти было невозможно, так как все считались мобилизованными. А владельцы акций клали в свой карман огромные прибыли, наживаясь на поставках.

- Живешь, как в тюрьме, - с горечью говорил Константин. - Никто даже заикнуться не имеет права о том, что делается.

Любовь Фроловна с тревогой смотрела на него. Понимала: как у любого рабочего, у ее мужа не было уверенности в завтрашнем дне. В любую минуту его могли перегнать на другое место или снять с работы. Сколько раз он пытался обжиться, построиться, создать угол, как его бесцеремонно бросали в другой конец округа, гоняя по разведкам. Так и в этот раз. 17 сентября четырнадцатого года собирались праздновать день рождения Любови Фроловны, как пришлось справлять новоселье - Серова срочно перевели в северную тайгу, на Покровский рудник. Оттуда до ближайшего культурного центра, то есть до Турьинских рудников, надо было добираться по плохой узкоколейке 65 километров.

Но ребятам здесь было приволье. Рудник располагался на отрогах Урала, среди лесистых холмов, обегаемых рекой Колонгой. С высоких холмов видны были горные вершины Кумба и Золотой Камень.

- Мы пойдем туда, папа? Оттуда далеко видно, правда? - спрашивал малыш. - Там кто живет?

- На вершинах? Орлы живут. У них знаешь какие крылья? Во!

- Эх, вот бы нам такие крылья! Мы бы еще выше Золотого Камня поднялись.

Забраться на эти вершины стало заветной мечтой маленького Серова.

Рос Толя здоровым, веселым и любознательным мальчуганом. Нередко приходил к отцу на работу, с любопытством рассматривал машины и инструменты.

Особенно его интересовали паровозы. Рабочий состав, увозивший руду куда-то далеко за пределы рудничного двора, уносил с собой его затаенную мечту догнать паровоз, помчаться на нем в неизвестные края. Толя ходил с отцом на каменоломни, сам мастерил себе самодельные инструменты маленьким топориком, подаренным отцом. Константин Терентьевич охотно водил его с собой, рассказывал о работе горняка. Он приучал сына к самостоятельности, поощрял в нем храбрость, занимался с ним гимнастикой. У Константина Терентьевича была своя

давнишняя "мечта, может быть, близкая к мечте сынишки - развить в нем стремление к поискам и достижениям. Малыш и обещал быть таким, как хотел отец. В этом взрослые могли убедиться, например, в то пыльное летнее утро, когда по дороге мчалась казачья конница, возвращаясь с реки. Дети, игравшие посреди улицы, разбежались, лишь крохотный мальчишка, младший брат шестилетнего Толи, не замечая охватившей всех тревоги, целиком был поглощен строительством "крепости".

Толя схватил брата под мышки, но тот не давался, и тащить его было уже поздно. Конница, несущаяся в галоп, летела прямо на ребятишек. Казаки не успели их рассмотреть, чтобы свернуть в сторону.

Кто-то вскрикнул страшным голосом:

- Женюрку затопчут!

Толя опустил малыша на землю, выскочил вперед, загородил его, широко раскинув руки.

То ли кони сами отвернули, то ли гонщики сумели сбавить ход и объехать мальчуганов, только, когда опасность миновала, казаки оглядывались назад, одобрительно кричали:

- Молодец! От горшка два вершка, а уже казак! Мать, бледная как смерть, подбежала, схватила Женюрку на руки и, обняв Толю за плечи, еле проговорила:

- Толя, как же это ты...

- Я на минутку отошел от Женьки, а они уже выскочили на дорогу.

- Как ты смог, как не побоялся стать у них на дороге? Ведь они как бешеные, господи спаси... Могли и затоптать!

- Ну да как же?! Сами сдрейфили. Как припустят! Видела?

Константин Терентьевич иногда брал Толю с собой на рыбалку. Толя потом с жаром рассказывал Ксане и Женюрке, как он помогал вынимать рыбу из "морд" и какая замечательная эта рыба хариус. И за обедом оглядывал всех с торжеством, видя, что и уха, и пироги с рыбой, приготовленные мамашей, всем нравятся и все так веселы. С ранних лет для него было счастьем доставлять людям радость, видеть их лица веселыми.

Когда отец приходил с работы расстроенный и долго не мог успокоиться, Толя то крутился возле него, стараясь привлечь к себе внимание и чем-либо развеселить отца, то, чуть не плача, прятался в уголке, понурив голову.

Это было особенно часто в конце шестнадцатого, начале семнадцатого года, перед самой революцией. Рудничная администрация бесцеремонно придиралась к рабочим, и Серов то и дело вступал с ней в конфликты. Так, однажды он обнаружил, что штейгер на земляных работах замерял забои наобум,

преступно уменьшая показатели выполнения.

- Что вы делаете! - вскричал Серов. - Ведь рабочие возмущаются - вы отнимаете у них часть заработка.

- Не вмешивайтесь не в свое дело. Я имею указание от начальства. Лучше убирайтесь, батенька, пока вас не выставили.

- Нет уж, это мое дело. Рабочим запрещено жаловаться, вы и пользуетесь каторжными правилами военного времени. Штейгер хочет наживаться на шахтерах, как и его начальство. Не стыдно вам?

Рабочие были доведены до крайности невежественным и злобным штейгером, который обращался с ними, как с арестантами, штрафовал, грозил ингушами, крал продовольствие и вместе с кладовщиком варил самогон из дрожжей, муки, сахара, взятых со склада. Однажды люди не вышли на работу. Были вызваны солдаты. Серов предупредил рабочих, и они на время скрылись в лесу. Ингуши с саблями и плетками в руках носились по рабочему поселку и, не найдя никого, ускакали. Толя с другими ребятами сидел на заборе, орал и свистел им вслед. Мать еле затащила его в дом. Штейгер, налившись вином, орал на всю улицу, всячески кляня и грозя Серову, который стоял у своего порога:

- За двадцать рублей будешь мне служить. Даром будешь служить, разбойник. Вы все Серовы - этакие... разбойники. И ты, и братья твои пираты, бунтовщики. В полицию попадешь, имей в виду. Все вы в моих руках. Да постой, куда уходишь? Постой! Голубчик, скажи, куда они, черти, попрятались? Пошли к ним кого-нибудь, скажи, чтоб становились на работу. Ингушей нет, я все прощаю, что делать! Ведь с меня спросят.

Толя не мог понять всех этих сцен, но отец был прав, отец был справедлив, он не боялся страшного пьяницу и доносчика. И Толя гордился отцом. Что он хорошо понял, так это радость и торжество отца, когда все требования рабочих были удовлетворены, кладовщик и его компаньон на время перестали обвешивать и обворовывать шахтеров. Отца не тронула полиция, потому что компания дорожила этим знающим и опытным горным техником. Но через некоторое время отец снова приходил в отчаяние. Положение рабочих становилось все хуже. Администрация не обеспечивала взрывных работ, требовала больше и больше руды, а крепления валились, происходили завалы и взрывы в шахтах, случались человеческие жертвы.

Атмосфера была накалена. Ожидался взрыв уже другого - общенародного масштаба. Взаимная ненависть между рабочими и хозяевами достигла предела.

26 февраля 1917 года было низвергнуто царское

самодержавие. Полиция некоторое время скрывала от населения вести из Петрограда, и даже в Турьинске нельзя было достать газету, но от отдельных работников почты и телеграфа начала просачиваться необычайная новость; и вдруг потоком хлынули вести о революции, всколыхнув людей по всему Богословскому округу.

На митинге рабочие Покровского рудника открыто говорили об издевательствах над ними, разоблачали хозяйских лакеев и шпионов, обирал и взяточников-подрядчиков, штейгеров, надсмотрщиков. Константин Терентьевич Серов, хотя сам служил штейгером, был у рабочих на высоком счету. Ему одному они доверяли. Вся жизнь его прошла в тяжелых горных разведках, расшатавших его здоровье, и в стычках с администрацией он был на стороне рабочих и нередко добивался справедливости. Серова избрали в "деловой совет" и в другие выборные органы копей. Он был счастлив доверием, потому что всегда помнил, что кровно связан с народом, сын и внук рабочих.

- Раз ты прав, борись и не отступай до конца, и ты победишь. А остановишься, усомнишься в своих силах - тут тебя и сомнут. Все потеряешь, чего добился.

Но народ победил лишь в октябре! Прогремела Великая Октябрьская социалистическая революция.

С первых ее дней уральские рабочие под руководством большевиков принялись за строительство новой, лучшей человеческой жизни, о которой раньше только мечталось, за которую погибли их многие братья. Не дождавшись этой жизни, преждевременно умер добрый рудокоп Терентий Серов. Его сыновья Константин с братьями - должны были своими руками воздвигать эти новые, прекрасные отношения и условия жизни. Его маленький внук Анатолий, которому в апреле исполнилось всего семь лет, распевал с ребятами песню "Вышли мы все из народа" и "Сбейте оковы, дайте мне волю, я научу вас свободу любить" песни, оставленные им политическими ссыльными.

В августе 1918 года К. Т. Серова назначили заведующим Богословскими каменоломнями. Тамошние рабочие на своем собрании единодушно утвердили его в этой должности. С присущим ему воодушевлением и добросовестностью он целиком ушел в работу.

В Богословске Серовы прожили семь лет. Здесь пробежали дни светлого детства Анатолия, полные ярких впечатлений, которые, раз отложившись в сознании, не стираются в памяти и вместе с последующим опытом образуют основу душевного склада человека.

Серовы жили в поселке близ каменоломни и стекольного

завода, на правом берегу реки Турьи. В этом месте в Турью вливалась речка Антипка. Между ними раскинулось десятка два домиков стекольного завода. Он стоял тут же, на борту известкового карьера, и выпускал стеклянную посуду для химического производства.

Об этом увлекательно рассказывал Толе отец, когда водил его по новым местам и вспоминал, как сам работал, разыскивая и находя разнообразные ценные и драгоценные руды в богатейших недрах этого края.

Между устьями рек стояли два домика, где раньше жили главноуправляющий и протопоп. Теперь эти домики были отданы для детских садов богословских рабочих. Дальше, на запад, по левому берегу Турьи, на двух сопках раскинулся живописный городок Богословск, в зелени садов.

Из окон домика, где жили Серовы, открывался вид на речной простор, зеленые берега, покатые сопки и ближний лес, который подходил к самому берегу Турьи. Толя любил забираться на крышу и отсюда смотреть на широкое приволье. Перед домом шелестела серебристая листва высоких тополей. До самой реки тянулся огород с небольшим садом и банькой, на крышу которой частенько лазил не только Анатолий, но и младший - Женюрка, всюду бегавший за братом. А вон та живая стена вечнозеленого соснового бора волновала воображение мальчишек и манила к поискам приключений и опасностей. Интересовали Анатолия и озера на местах старых затопленных выработок.

Толя и Женюрка чуть свет были уже на ногах. Отец приучил их к ежедневной гимнастике, они росли выносливыми и здоровыми. Младший был худенький и подвижной, Толя - тот в детстве и отрочестве страдал от избытка веса и от своей неуклюжести, но был неутомимый в гимнастике, беге, стрельбе камушками по цели, которой служили то обломок жести, то рельс, подвешенные к сухому дереву. Он славился как заводила ребячьих игр и затей, командовал или комиссарил в мальчишеских войнах. С наступлением теплых дней Толя с ребятами рвался из дому. Отец разрешал сыновьям "учить ногами географию". Бывало, с товарищами по Стекольной улице Толя прибегал на каменоломню, смотрел, как опытный рабочий обучал молодого бросать долготье в печь:

- Чтобы не ты за ним, а оно по твоей указке летело. Во, гляди... Плечо подсобляет, нога упор дает, и рука не больно устает...

Толя потом и сам тренировался, кидая на определенное расстояние небольшие поленья.

Бывал он и у забойщиков и познакомился с молодыми

рабочими Антоном и Василием. Константин Терентьевич на примере этих рабочих учил других забойщиков:

- У них низ не отстает от верха. У вас же забой при почве не подбирается вовремя. Низ отстает, отстает и ваш заработок.

Толе хотелось стать забойщиком. И не на каменоломне, а в настоящей шахте, глубоко под землей, и выдавать на-гора уголь, медь, золото - много, целые горы! Он представлял в своем воображении фигуру человека, слабо озаренного светом лампочки, в глубине, во тьме, окруженного опасностями и добывающего золото, тепло, радость для жизни всех людей. Этот человек снился ему по ночам. Одной маме он рассказывал эти сны.

Но не скоро наступили дни спокойного труда для советских людей. Шла и все больше разгоралась гражданская война. Толе было восемь, девять, десять лет, когда в доме и поселке говорили о сражениях на Дону и на Украине, о Красной гвардии, в ряды которой уходили и молодые рабочие каменоломни, ушли в Красную Армию и умельцы-забойщики Антон и Василий.

В ребячьих играх отразилась гражданская война, шли нескончаемые битвы с "беляками", "махновцами", "колчаками", захватывались вражеские крепости. "Воевали" ребята со Стекольной улицы и с Пензенской, и все хотели быть красноармейцами, и никто не желал быть "беляками". Приходилось меняться ролями по очереди. Толя "мобилизовал" не только Женюрку в свои войска, но и Ксану, старшую сестру, играть пленных или сестер милосердия.

Между тем Колчак захватил Екатеринбург. На Урале начались расправы с рабочими. Руки белогвардейцев дотянулись и до Богословска. Явились какие-то люди на каменоломни. Они хотели завладеть казенной кассой. Константин Терентьевич позаботился выдать рабочим зарплату ранее назначенного срока.

Под нажимом колчаковцев рабочим снизили зарплату. Серов шел на разные ухищрения, выдерживая стычки с начальством, но до прихода наших войск сохранял уровень зарплаты, какой был достигнут при Советской власти.

В доме об этом говорилось тихо и не при детях, но и они понимали многое. Жизнь отца и матери была в опасности. Толя ненавидел белых и людей, которые прислуживались им. Страха он не испытывал и, если бы не предостережения мамы, натворил бы дел! Особенно остро переживал он вместе с Ксаной опасные дни, когда колчаковцы хотели взорвать мост через Какву. Представители белого командования потребовали у К. Т. Серова выдать динамит, угрожая расстрелом. Под всевозможными предлогами тот оттягивал выполнение приказа. В июле 1919 года

на Урале восторжествовала власть Советов. Центр северной части области был перенесен в Надеждинск. В состав Надеждинского металлургического комбината вошло и Богословское рудоуправление. К. Т. Серов вновь был утвержден заведующим каменоломней.

Район медленно возвращался к жизни. Были затоплены шахты, закрыт медеплавильный завод, потухла жизнь на Турьинских рудниках. Толя видел, как тяжело переживал отец эту разруху. По вечерам он часто расспрашивал его об Урале.

- Знаешь, сколько лет Уральскому хребту? Пятьсот миллионов лет. Можешь сосчитать до полмиллиарда? Это Великий пояс мира, так его называли древние географы. Этот пояс отделяет Европу от Азии.

- Нам говорили на уроке географии.

- А о кладовых уральских недр ты что-нибудь знаешь?

- Расскажи, - просил Толя, хотя отец не один раз говорил об этом.

Он не только пояснял, но и показывал на картах-трехверстках богатство одного только Богословского округа или Надеждинского района, как теперь говорили. Он водил сыновей по лесу, знакомил с различными породами деревьев.

- От мхов и лишайников северной тундры до дремучих лесов Южного Урала более тысячи пятисот названий деревьев, кустарников, трав.

И перед зачарованными глазами мальчиков, словно в безмолвном хороводе, проплывали, кружась, высоченные ели и сосны, темные пихты, горделивые лиственницы, рощицы берез, таких светлых и высоких, точно вершины их купались в летнем бледно-голубом небе. Отец превосходно знал родной край и мог рассказывать о нем часами, не утомляя детей. Они шли за отцом, собирая шишки и желуди, отыскивая птичьи гнезда, выбирая гибкие прутья для лука и стрел. Он знал лес, и ребята желали стать лесниками. Он был охотник, и мальчишки мечтали о настоящей охоте, хотели, как их дед, быть рудознатцами и шахтерами или, как отец, быть разведчиками золота, меди, сланца, угля, марганца... Когда отец говорил о фауне Урала, о буром мишке или рогатом лосе, о злой рыси, о росомахе, барсуке, бурундуке, у них глаза разгорались.

Отец научил их мастерить самодельные ружья-пистонки, луки, стрелы, метко целиться в подвижную и неподвижную мишень, чувствовать себя в лесу как дома.

В азартных поисках настоящей дичи Толя однажды подбил на опушке соседскую курицу. Мать заставила отнести ее хозяйке и просить прощения. Это было очень неприятно. Но, преодолев

муки стыда, мальчик пошел, извинился так искренно, что соседка не стала его бранить.

Константин Терентьевич водил ребят к берегам Каквы, рассказывая, как он разведывал золото, как работал на обогатительной фабрике, как ночевал в лесу морозной зимней ночью, выкладывая с товарищами "нодью" - заграждение из срубленных стволов - своеобразный костер.

Толя и Женюрка с захватывающим интересом слушали эти рассказы. В них не только была заманчивость приключения, но и выдержка, спокойствие и отвага их отца. Он не страшился ни всемогущих хозяев, ни полиции, был заодно с рабочими, был сильным. Константин Терентьевич и правда был красивый, высокий, с развитой мускулатурой, еще молодой человек. Ребята гордились отцом, учились у него всему.

Особенно они увлекались верховой ездой.

Толя и его приятели частенько летом пробирались на конный двор, где отдыхали рабочие лошади. Кто-либо прихватывал с собой мешочек с махоркой Серовы, как многие другие, разводили махорку у себя в огороде. Подходят к конюху:

- Дядя, хотите, мы с ребятами поведем купаться лошадей. Тут близко, на Турью.

- Ну, ловите, - конюх охотно брал махорочку. - Каких поймаете, садитесь и - айда. Искупаете, напоите, и марш обратно, значит.

Мальчишки ловили лошадей, взбирались на них и степенно выезжали из поселка. Но лишь только скрывалась из глаз кровля конного двора, как они ударяли пятками в конские бока, кричали, присвистывали, и кони во весь дух мчались пять-шесть километров до Илимки (все-таки дальше, чем до Турьи!). Проносились мимо сосны и ели, мелькали лесные полянки, скрежетал сухими ветками старый кустарник, шумели над головой деревья, порой заблестит под копытами и тут же пропадет лесной ручеек. Вперед, вперед! В этом смелом движении было столько радости, так полно в нем тратилась и возрождалась детская энергия.

Ребята въезжали верхом прямо в речку. Прыгали с коней в прохладную воду, ныряли, затевали шумную и крикливую возню. Купали лошадей, отдыхали на берегу, бессознательно отдаваясь веселой гармонии лесных звуков, свету солнца, блеску водяных брызг.

Возвращаясь на конный двор и прощаясь с конюхом, Толя говорил:

- Когда маленьким был - хотел стать машинистом на паровозе. А теперь думаю служить в кавалерии.

Конюх с любопытством смотрел на решительное лицо малыша.

- Это как пить дать. Настоящий конник, казак! Сказал - на Турью, а сам скакал до Илимки. И кони в порядке. Тебе хоть сейчас - в командиры эскадрона.

Однажды отец пришел домой мрачный. Любовь Фроловна встревожилась.

- - Что, опять там неладно? Неужели снова перебираться на новые места?

Толя прислушался. Он не понимал, почему родители так огорчаются перемене мест. Ему и Женьке это, наоборот, очень нравилось. Но любящее сердце забилось сильней, когда он понял беспокойство отца.

- Хотят закрыть каменоломню. Говорят, на Семеновском руднике известняк добывается вместе с рудой, и это дает экономию, а здесь надо затрачивать специальные средства на его добычу. Разве в этом дело? Я доказывал директору, что на Семеновском качество известняка гораздо хуже, да и доставка его в Надеждинск за 60 километров только затормозит работу завода. У нас же и ближе к заводу, и прямое сообщение. Но приказ получили сократить смету на вскрышку известняка. Меня вызывают на завод. Буду и там драться. Жаль, время уходит!..

Время действительно шло, наступили холодные дни, порода промерзла, работы остановились. К Серову приходили рабочие, давали советы. Отец уже добился разрешения продолжать добычу известняка, но оно запоздало. Что делать? Рабочие предложили:

- Достать бы топлива, мы почву отогреем. Субботник проведем. Не задержим.

Константин Терентьевич обрадовался. Он приложил всю энергию, достал три вагона каменного угля. Уголь разложили на поверхности породы и разожгли. Порода стала оттаивать. Немедленно собрались на субботник все рабочие каменоломни, и торфа были вскрыты.

Отец говорил, что вот как этим углем разогрета порода, так сердце труженика разогрето любовью к родному делу. На таком холоде, бесплатно, за так, все как один пришли и вот - побеждают нашу сердитую, но благодарную природу.

Толя прибежал на место работ. Он увидел, что отец работал наравне с другими; работали весело, дружно, несмотря на холодный ветер. С краю поля было укреплено и хлопало на ветру Красное знамя. Вот отец объявил перерыв. Все собрались под навесом.

- Ты зачем прибежал? - спросил отец Анатолия.

- Я покурить принес.

Серов хоть сам не курил, но разводил махорку для товарищей. И в этот раз он похвалил сына за умную догадку.

Толстый мешочек с махрой быстро был разобран на щепотки. Задымили, заулыбались добрые люди. Когда работы были окончены и Толя с отцом возвращались домой, тот сказал:

- Вот чего можно добиться, когда возьмутся всем народом. Все дело в крепком товариществе. Субботники - это и есть святое товарищество новых людей, тех, кто верит в силу народа. Всегда держись закона товарищества, сынок.

У Толи на Стекольной улице были два близких друга - Юра Щербаков и Коля Колин. Однажды он рыбачил с ними на своем любимом месте - под мостом, где река пересекала трактовую дорогу из Богословска на Турьинские рудники. Вдруг Толя обнял товарищей за плечи и, оглянувшись, не услышит ли кто, тихо сказал:

- Бежим в Америку.

Юра и Коля чуть не упустили свои удочки. Еле поймали их.

- Бежим! - сразу ответил Юра, смелый паренек, сын лесничего.

- Да вы что? - Коля покрутил пальцем у виска. - Со сна, что ли? Америка вон где! И деньги где возьмем? Да и мама не пустит.

- Я все обдумал. Слушайте. Отсюда пойдем - пешком до железной дороги, а там поедем. Конечно, без билетов, на что они! Беспризорники по всей России катаются без билетов.

- Я не беспризорник, - обиделся Коля.

- Мы тоже не беспризорники. Мы - товарищи. Если ты не товарищ, - можешь отправляться к маме, не держим... Ну, как? Согласен?

- Я - за товарищество.

- Так слушай. На большой станции можно будет слезть, поразмяться, город посмотреть и - дальше, и дальше! На другом поезде. До самой Москвы. Там пойдем в Кремль. Поглядим на Царь-пушку, на Царь-колокол, нас пустят на колокольню Ивана Великого, понимаешь? Ведь везде же наши люди, товарищи! Думаешь, не пустят? Посмотрим на Троицкие ворота, на них еще дырки остались от пуль, когда Красная гвардия выбивала юнкеров из Кремля.

- А Ленина увидим? - спросил Коля, затаив дыхание и еще Сомневаясь.

Толя с бьющимся сердцем кивнул.

- Во что бы то ни стало. А если не теперь, то когда вернемся из Америки и доложим ему про американскую революцию. Мы сами будем в ней участвовать.

- А если не дойдем до Ленина?

- Тогда поездом до Севастополя или до Одессы, оттуда на пароход, в море, потом через океан и - пожалуйста, Америка!

Младший братишка с удивлением и завистью следил за странным поведением Толи и его товарищей. Заговорщики чистили и смазывали свои ружья-пистонки, заготовляли сухари, сахар, кое-что из продуктов, которые разложили по мешочкам и сумкам. Запаслись чайником, спичками и даже карманным фонариком, который припас Юра Щербаков. На расспросы Женьки Толя отвечал:

- Собираемся в лес на охоту.

Родители Толи и его друзей разрешали мальчикам уходить в лес поохотиться, а под воскресенье даже ночевать в лесу. И в этот раз разрешение было получено. Тем не менее таинственность сборов заинтересовала Женьку. В субботу под вечер он устроился у слухового окна и стал наблюдать.

Неожиданно он увидел, что ребята оставили свои ружья под крыльцом. Значит, не на охоту! Потом посовещались, пошли к воротам, прошмыгнули на улицу и понеслись к реке. Разулись, подвернули штаны, перешли Турью вброд, вышли на тот берег, вытерли ноги о траву, сели, снова обулись. Вот они вскочили на ноги и пошли к лесу. Через минуту все трое исчезли, скрывшись в лесу.

Женя слез с сеновала и побежал домой. Занятый своими ребячьими заботами, он забыл обо всем и вспомнил лишь вечером на следующий день, когда Толю не дождались к ужину. Мать несколько раз вставала из-за стола и выходила на крыльцо. Отец успокаивал ее:

- Придут. Не в первый раз мальчишки ночуют в лесу.

- А ружья-пистонки они не взяли с собой, - сказал Женя. - Я сам видел под крыльцом бросили.

- Убежали! - Мать схватилась за сердце.

Отец бросился к лесничему Щербакову, отцу Юры. Начались поиски.

...Стемнело. Над лесом поднялась луна. Деревья толпились по сторонам просеки. И все эти мохнатые сосны, кудрявые березы, клены с листьями, как опахала, столь знакомые и простые при дневном свете, теперь казались будто ожившими и следящими за каждым твоим движением. Словно подстерегают тебя. Далеко позади остался поселок, но мальчики шли, не останавливаясь, не теряя времени на ранний привал. Наконец, забрались в такую чащобу, что лунный свет туда уже не проникал. Тропинка пропала. Тут Юра засветил своим фонариком и даже подпрыгнул от радости, когда свет упал на тропу. Но Коля засомневался:

- А что, если это другая тропинка и приведет она нас не на

станцию, а к леснику. Так и знайте, без всяких разговоров домой отведут. Неприятностей не оберешься.

- Я здесь ходил с отцом! - вспомнил Толя. - Это не к леснику вовсе, а к старым выработкам. Там были завалы, шахта давным-давно заброшена. Если залезть туда, и штреки можно увидеть, и забои. Сколько там задавлено было людей - пропасть. Некоторых не смогли вытащить, так и остались там. Под землей.

- Где? - пролепетал Коля. - Далеко отсюда?

- Да тут, прямо под нами, - нагонял страху Анатолий.

Ему и самому становилось жутко. Мальчики тихо ступали по ковру прелой листвы и прошлогодней осыпавшейся хвои. Порой проносился ветерок, обдувая лицо холодным дыханием и шевеля вихры на голове. Где-то, близко ли, далеко ли, казалось, кто-то шептал о чем-то, просил, издавал глухие стоны.

Эти звуки и шорохи вызывали в воображении фантастические картины, даже ноги подгибались от страха. Но никто из троих не показывал своей слабости.

Однако с некоторых пор Коля стал отставать. Вдруг он остановился и сел на траву.

- Ноги болят, - сказал он, вздохнув.

- А у меня фонарик перегорел! - вскричал Юра и уселся рядом.

Толя огорченно свистнул и опустился на землю возле них. Невдалеке шарахнулся какой-то зверек. Ребята вздрогнули, прижались друг к другу. Толе послышалось подозрительное всхлипывание. Это Коля упал духом. Толя братски обнял и прижал его к себе.

- Чур не хныкать! Клятву давали - не трусить, домой не проситься, товарищей не бросать: все за одного и один за всех. Теперь немного осталось. Совсем близенько, не реви.

- И не думал реветь. У меня насморк.

- Насморк? Что ж ты раньше не сказал, что у тебя насморк? Мы бы ни за что не взяли с такой эпидемией.

- Он только сейчас начался. Разве я знал?

- Ладно. Месяц взошел, смотрите! Нам дорогу освещает. Вот здорово! Вставайте, бежим!

- Домой? - невольно вырвалось у Коли.

- На станцию, чудак ты. За мной, вперед!

Он решительно двинулся вперед. Мальчики сделали несколько шагов и вдруг увидели огоньки. Дружно побежали к станции. Там, спрятавшись за будкой, решили ждать поезда. Толя сбегал за кипятком, ребята пили чай с сахаром и сухарями. Потом Юра и Коля уснули. Толя расхаживал возле них взад и вперед. Он видел, как светились окна у начальника станции - в белом домике

с палисадником. Луна озаряла домик и старенького сторожа, дремавшего на скамье. Слабо мерцая в лунном свете, рельсы убегали далеко во мглу. И чем дальше, тем черней казалась дорога. Невольно вспомнился родной дом, лицо мамы. К горлу подступил комок.

Но вот мальчик заслышал все нарастающий грохот поезда. Растолкал товарищей.

Это был рабочий состав, возивший смену на рудник. Приятели бросились к нему и побежали вдоль вагонов, подскакивая и заглядывая внутрь. Толя скомандовал:

- Лезем в этот. Да поживей, быстро!

Утром поезд остановился на незнакомой станции и дальше не шел. Ребята соскочили на путь, часа два прятались от глаз железнодорожных рабочих, потом забрались в пустой вагон другого состава, который привез их на станцию Верхотурье.

Выглянув из вагона, Толя увидел людей, направлявшихся к поезду.

- Ребята, ну-ка давай, прячься. За мной, потихоньку!

Мальчишки слезли, пробежали под вагонами и скрылись за водокачкой. Там долго сидели в ожидании нового поезда. Коля горестно заметил:

- Сало и сахар мы весь поели. Юра удивился:

- Когда это?

- Когда! И не заметили, как все слопали, - рассердился Толя. - Ладно, по дороге заработаем на обед. А сухари даже очень свежие, вкусные. И у меня еще куска три сахара осталось. Ничего, братцы. Не пропадем.

- Пассажирский! - негромко крикнул Юра. Подходил действительно пассажирский состав.

Мальчуганы побежали за ним.

Сзади незнакомый голос крикнул:

- Юра! Щербаков!

И только Юра обернулся, как чья-то сильная рука схватила его за шиворот. Это был незнакомый совсем человек, железнодорожник. Юра рванулся было прочь, но увы! Его повели к дежурному по станции. У дверей здания железнодорожник оглянулся и увидел, как и ожидал, остальных из тройки беглецов. Они понуро брели в отдалении. Он крикнул:

- Не отставай, братишки!

Через полчаса всех троих отправили домой.

Немалым утешением для Толи было то, что ехали они на площадке с углем, соединенной с паровозом. Помощник кочегара, седоусый, бывалый человек, с большой охотой рассказывал о своих дальних рейсах. Коля спал. Юра грыз краюху с колбасой,

полученную от поймавшего их железнодорожника. Толя не отставал от него, но с великим интересом слушал рассказы о многоверстных просторах родной страны.

- По-е-дем, по-е-дем!.. - ободряюще стучали колеса.

- Не грусти-и! - свистел паровоз, приближаясь к Богословску.

О поимке беглецов и отправке их в Богословск было дано сообщение из Верхотурья. Женька обежал весь поселок, передавая новость:

- Наших везут!

На станции собралось немало ребятни, приятелей по школе, пришли и родные. Вот и поезд. На платформу вышли лесничий и трое "американцев". Лица и руки - черны от угольной сажи. Только зубы сверкают. Толя чувствовал себя героем вроде Тома Сойера. Но, подойдя к матери и увидев ее осунувшееся, измученное тревогой лицо, не выдержал, кинулся к ней и, прижавшись к ее груди, разревелся.

Дома его повели умываться. Он съел все, что ему дали к обеду. Отец взял с него клятву, что обо всех своих решениях он будет ставить родителей в известность. Толя дал это слово и тут же умчался на речку. Скоро он уже выводил свой самодельный плот из заводи и, правя шестом, командовал:

- Полный вперед! Так держать! Есть так держать!

Самолет

Это был первый увиденный Анатолием самолет. Конечно, и раньше, бывало, пролетит стальная птица высоко над полем или городом, и глаза мальчишки провожают ее, пока она не скроется вдали. Толе тогда было меньше годков, и "аэроплан" еще не владел его воображением.

Но с некоторых пор мальчик стал интересоваться механизмами, техникой, изобретениями. У отца бережно хранились старые журналы вроде "Нивы" со многими иллюстрациями. В этих журналах он случайно нашел схемы и изображения воздушного шара, фотографии первых русских летчиков, историю гибели Уточкина, прочитал, как в одиннадцатом году разбились два брата Матыевич-Мацыевичи, и стихи, им посвященные:

Нет, вы не умерли, великие борцы,
Вы победители, вы воины, вы птицы,
Вы дети славы будущей царицы,
Вы Авиации великие птенцы!

Журналист того времени писал о погибших летчиках: "Человечество оплакивает тех, чья гибель для него - залог грядущей победы. Слава, слава героям-победителям!".

Толя узнал о русском летчике Петре Нестерове, его

бесстрашных полетах, его знаменитой "мертвой петле" и героической гибели в воздушном бою "на театре военных действий" в первую мировую войну в 1916 году. Толя ярко представлял себе австрийский аэроплан, несущий бомбы на русскую землю. И вот "штабс-капитан Нестеров полетел за ним, скоро догнал и ударил неприятельский самолет сверху своим аэропланом. Оба аппарата упали. Летчики разбились насмерть".

Целыми днями Толя ходил под этим впечатлением. Ведь это случилось недавно - пять или шесть лет назад. Им овладела страстная мечта всех мальчишек - летать, летать! Чем рискованнее и опаснее было это дело, тем притягательнее для детского воображения. Он делился с приятелями по школе, рассказывал им истории о летчиках. С особенным увлечением рассказывал он, что жил когда-то стрелец Иван Серов, который смастерил крылья из голубиных перьев. Он погиб, но имя его сохранилось и дошло до нас из далеких времен, и люди вспоминают его теперь, когда ими завоеван воздух.

И вот над Богословском, совсем низко, пролетел старенький "фарман".

Толя забрался на крышу сеновала и не спускал глаз с самолета. Мысленно он был на месте летчика, набирал высоту, снижался, снова тянул вверх - летел все дальше и дальше, а под ним, далеко внизу, хороводом проходили реки и озера, горы и ущелья, рудники и заводы. Летчик делает большие круги, будто фотографируя местность или приветствуя родимый край, кто ж его знает! Какими же маленькими кажутся ему люди внизу и этот дом и сеновал, а его, Тошку, небось и вовсе не видно. Хотя отец говорил, что у летчиков зрение самое сильное и точное. У Тошки тоже зоркие глаза, он не раз это проверил. Эх, научиться бы этому делу. Летать!..

Не пустят еще! Надо доказать им - родным, что он не трус и может стать настоящим пилотом.

На улице собрались кучки людей и ребят: провожают глазами залетевший самолет. Вот он помахал крыльями. Зачем? Что хочет сказать? Люди машут шапками и платками. А он удаляется, уходит из глаз. Людям его уже не видно, он исчез, а Тошка отлично различает его силуэт на синем небе. Вот он скрылся за маленьким облачком. И снова появился, только еще уменьшился. Он как в воду ныряет в синеву, и вот его уж совсем не видно! Люди давно разошлись по домам, а Толя сидит на крыше, устремив жадные глаза вдаль, ждет...

...Он выпросил у матери несколько полос старого полотна, толстую иглу, крепких ниток, приготовил клей, принес из сарая молоток.

- Женька, давай помогай. Держи за тот конец. Разрезал полотно на равные части, сшил их, потом они выстрогали из дранки гибкие длинные палки, сшитые полосы прибили к рамам. Получились широкие белые крылья. Трудились дня два. К рамам Толя приделал скобы, чтобы держаться. На ветру полотнище натягивалось и тащило вперед, точно парус.

- Лезем на крышу. Иди, я тебя подтолкну, а потом передам крылья. Чур я первый лечу.

Забрались на крышу баньки, которая чуть возвышалась над огородными грядками. Все-таки для мальчишки она была достаточно высокой, чтобы почувствовать всю манящую силу просторов. Толя развернул крылья за своей спиной во всю ширину. Он верно рассчитал размах крыльев по размаху своих рук. Крылья тянули и рвали вперед, он как бы оказался в челне и вот сейчас поплывет по воздуху, как по синему морю. Счастье риска охватило его, сердце замерло, зубы сжались в волевом усилии.

Взмахнул крыльями, ринулся вперед...

Произошло что-то ужасное. Он камнем свалился в огород, прямо в капустные грядки. Ошеломленный, сначала не мог пошевелиться. А на крыше Женька разревелся во весь голос и уже звал маму на помощь. Прибежали мать и сестры. Толя поднялся, но боль в ноге заставила его опуститься на землю. Женю сняли с крыши, он, продолжая реветь, подобрал с грядок летательный аппарат.

Долго пролежал Толя с вывихнутой ногой в постели. Женюрка проводил с ним целые часы, слушал про полет русского Икара - стрельца Серова, которого Толя решительно признавал своим предком.

- А летать я все равно научусь, так и знай.

Пока лежал в постели, смастерил большого бумажного змея. Потом, в своих воспоминаниях, он писал, что это был гигантский змей! Когда стало можно ходить и бегать, он вынес змея на улицу и запустил его. Змей взвился очень высоко, мотался по натянутой веревке, тянул и рвался, но "мастера" поднять не смог. Женя сочувственно крутился возле брата и бормотал:

- Ты очень толстый. Дай мне, что ли.

- Лети, ладно.

Однако и Женю змей не поднял с земли.

- Хватит. Пошли плот гонять. Чур, я за капитана.

Отец внушил ему, что летчик должен быть физически развитым, с хорошими мускулами, настоящим спортсменом. Толя и раньше любил гимнастику, но теперь прямо с азартом занимался спортом, как только мог. Плавал, бегал, прыгал с

возвышений, зимой сам соорудил себе лыжи: развалил старую бочку, доски, по совету отца, распарил в русской печи, из них наделал лыж себе, Женюрке, товарищам, сколько хватило материала. Короткие и широкие, лыжи все же служили неплохо. Отец обещал:

- Добьешься успехов в школе, куплю тебе лыжи настоящие.

- Добьюсь.

Оба сдержали слово.

Пионер

В Богословской школе первой ступени Толя учился то успешно, с увлечением, то ленился и пропускал занятия. Через некоторое время он налегал на учебу и догонял класс. Учительница считала его способным. Услышав ее похвалу, он так и загорелся весь желанием оправдать высокую оценку и старался изо всех сил. Но потом отвлекался и не замечал, как ребята перегоняли его. Самолюбивый от природы, он быстро снова выходил вперед, отлично сдавал проверочные испытания. К школе, к ребятам, к учительнице он душевно привязался. Толя всегда был привязчивым, отзывался на дружбу всем сердцем.

Как-то раз он заметил, что одна из учениц Люся Грудина, уткнувшись в тетрадку, тихо всхлипывала. Он знал, что у нее плохие отметки. На переменке подошел к ней.

- Оставайся после уроков, мы с тобой живо приготовим все задачи.

Девочка согласилась. На другой день она исправила свою отметку. Учительница похвалила ее и добавила:

- Ты плохо выглядишь. Надо больше бывать на воздухе, Люся.

После занятий Толя догнал ее по дороге домой.

- Иди с нами в снежки играть, Люся.

- В снежки? Когда это? У меня времени нету.

Она и правда торопилась. Толя пошел с ней и узнал, что девочка одна занимается хозяйством. Мать служила в надеждинской больнице и только по выходным могла приезжать домой. Отец Люси был партизаном на Дальнем Востоке и погиб в бою с интервентами.

Толя был потрясен и взбудоражен. Дочка красного партизана и так мучается! На другой день он с целой ватагой явился домой к Люсе. Ребята наололи дров, печь истопили, развлекали малышей, покамест Люся готовила еду. Пришли и на другой день, и на третий. Это стало обычаем. Ребята очень помогли девочке, и у нее оставалось время гулять и "дышать свежим воздухом", как советовала учительница Людмила Ионовна. В плохую погоду собирались у Люси и у камелька читали интересную книжку. Люся увлекалась всеми мальчишескими играми, играла и в

разбойников, и в партизан. Вместе дома у Люси готовили уроки. Людмила Ионовна поощряла эту дружбу, и в результате у ребят повысилась успеваемость.

Очень любили ребята ходить в кино. В Богословске был кинотеатр, но не всегда водились деньги. Ребята покупали билет Люсе, а сами засветло пробирались на галерку, спускались по столбам вниз и прятались под скамьями. Как только погасят свет в зрительном зале, они быстренько занимали свободные места.

В кино уже появлялись советские картины, фильмы о гражданской войне. И вот пошел новый, фильм "Красные дьяволята". Не только в маленьком Богословске он произвел впечатление. И в столице и по всей стране он шел долго и пользовался заслуженной любовью зрителей.

Повесть "Красные дьяволята" Павла Бляхина Толя Серов и его друзья уже читали. И не раз перечитывали. Книга дышала искренностью, ее герои ненавидели врагов советского строя и совершали подвиги в борьбе с бандитом Махно. Можно себе представить изумление и радость школьников, когда в Богословске появился одноименный фильм. Кино буквально осаждалось ребятами. Толя с Женей смотрели картину несколько раз.

В старой конюшне, с которой ветер сорвал крышу, ребята устроили свой собственный "театр". В спектакле приняло участие немало школьников. Они не удовлетворялись границами сцены и театральными условностями. По мере надобности действие переносилось на улицу, на лесную опушку, благо теплая веселая весна вступила в свои права. Зрители тоже перебегали из конюшни на улицу, а иногда и сами принимали участие в представлении. Толя играл Мишку-Следопыта, Люся - Дуняшу-Овода.

Но в доме Серовых вскоре радостное весеннее настроение сменилось тревогой. Толя заболел тифом. За ним свалился Женюрка. Заболели младшие сестренки Агния и Надя. Слегла и Любовь Фроловна. Константин Терентьич дольше всех держался на ногах, но тиф одолел и его. Толя уже к тому времени стал поправляться. Он сам отвез отца в больницу, навещал его каждый день, а дома ухаживал за всеми сразу. По ночам он или разговаривал с Женюркой, который плохо спал, или думал - об Оводе. Дело в том, что увлекаясь "Красными дьяволятами", он был исполнителем роли Следопыта, но нравилась ему больше роль Овода, которая предназначалась по повести девочке. Между тем в повести говорилось о том, как Мишка и Дуняша читали "Овода" и были покорены мужеством героя книги. Дуняша дала перед Мишкой клятву быть такой отважной, как Овод, и так же,

как он, пострадать, а если придется, то и умереть за свободу. Толе образ Овода больше был по душе: Следопыт только ведет разведку, а Овод нападает на врата, преследует и жалит. Когда имеешь дело с врагами, надо быть Оводом. И вот теперь перед тем, как уснуть, он рассказывал Жене об Оводе, историю которого успел прочитать.

Из-за болезни Анатолий пропустил много дней в школе и сильно отстал. До переходных испытаний оставались считанные недели. Но не оставаться же на второй год в классе даже по такой уважительной причине, как перенесенный тиф. Тем более его взволновала еще одна новость, которая подстегнула решение догонять класс: он узнал, что в Богословске создается пионерский отряд. В него войдут лучшие ученики. Толя с отчаянием в душе прислушивался к оживленным разговорам ребят о пионерском отряде. И тут сказалась сила товарищества. Люся Грудина, а за ней и другие ребята вызвались помогать Анатолию. Он и сам изо всех сил преодолевал свое отставание и сделал порядочные успехи.

На праздник 1 Мая приехали бойцы и командиры из воинской части. Торжественно прошел утренник - состоялся прием в пионеры. Был принят и тринадцатилетний Анатолий Серов, ученик четвертого класса. После торжественной части командиры рассказывали о Чапаевской дивизии - сами еще не так давно воевали в ее рядах. Разучивали со школьниками песню о Чапаеве.

Играя потом в войну и маршируя по улицам поселка, ребята громко распевали:

Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с полками на бой....
Вперед же, товарищи, не смейте отступать,
Чапаевцы привыкли смело умирать....
Блеснули штыки, мы грянули "ура!",
И, бросив окопы, бежали юнкера.

Рассказы о Чапаеве взволновали Анатолия. Особенно один рассказ, как Чапаев был ранен в голову при взятии Уфы, как ему советовали пойти на перевязку, а он - "как глянет! Уфа, говорит, еще не взята, они там наших людей, может быть, вешают. Вперед! И как, повязав голову куском кумача, взмахнул шашкой: "За мной!" Сигнал к атаке, мы не отстаем, врываемся в город, как буря! Никакая сила нас уж не удержит... Взяли Уфу и товарищей спасли от казни".

Наступили каникулы. Толя был сначала вожатым звена, потом отряда, и жизнь пионеров была полна интересных выдумок, игр, походов. Ребята с ним не скучали. Но порой он сам

нарушал порядок и дисциплину.

Однажды отряд отправился на несколько дней к Воленторскому озеру в тридцати километрах от Богословска. Ребята купались, ловили рыбу, занимались "шагистикой", которая стала им надоедать... Очень хотелось покататься по озеру в лодках или на самодельных плотах. И то и другое педагоги и старшие вожатые строго запрещали, опасаясь несчастного случая.

Анатолий уже не первое лето мастерил плоты и умел управлять ими и счел это запрещение необязательным для себя. Выпросил у сторожа плот и направился на середину озера. Его заметил старший вожатый. Окликнул, приказал подплыть к берегу.

- Кто дал плот?

- Сам нашел.

- Отведи этот плот на место и передай сторожу, что вожатый запрещает выдавать плоты и лодки пионерам.

Серов исполнил все в точности. Только очень обиделся на старшего вожатого, когда тот, одобрительно хлопнув его по плечу, сказал:

- Молодчина, Серов. Выполнил приказ в точности. Ну, да, я же видел, шел за тобой берегом.

- Подсматривал, что ли?

- Проверял, брат.

- А мне не поверил? Я же пионер!

Он ушел, страшно огорченный. Сам он был добр и доверчив, и эти чудесные качества никогда не обманывали его.

Некоторое время он с удивлением посматривал на старшего вожатого. Потом обида забылась, и между ними восстановились добрые отношения. Толя был памятлив на хорошее и забывчив на личные обиды. Это знали за ним товарищи его юных и молодых лет.

Осенью Толя расстался с Богословском: школа второй ступени находилась в Турьинске. Толя поселился там у бабушки Пелагеи Денисовны Платоновой, бывшей работницы кирпичного завода. Домик ее глядел на улицу маленькими окошками, заставленными геранью, как почти все окна в городке. Под окнами цвели палисадники. Перед домиками высоко поднимались тополя. Но в общем царила тишина. Турьинские рудники были затоплены. Жители уезжали на работу в Надеждинск или на угольные и железные рудники. Лишь позднее, в годы великих пятилеток, жизнь здесь возродилась, городок расцвел и разросся, получив новое имя - Краснотурьинск. А тогда, в 1923 году, на нем еще лежала печать разрухи.

На Толю Турьинск произвел плохое впечатление - скучно

было здесь после шумного Богословска. Да и школа занимала неопределенное положение между нормальной школой и фабзавучем. Тогда педагоги искали все новых методов обучения, экспериментировали, учителя подчас сами были не уверены в правильности метода, порой полагались на способности учеников, которые действительно при бригадном методе нередко проявляли инициативу и яркие способности. Толя Серов вначале жадно накинулся на учебники, увлекся "бригадным методом", потом остыл, стал пропускать занятия, озорничал, получал взыскания. Пресловутый "дальтон-план" обучения позволял и ему пропускать уроки, "ехать" за счет успевающих. Правда, к концу четверти, по своему обыкновению, Толя нагонял упущенное и на испытаниях шел хорошо.

Тишина Турьинска поражала мальчика. Не взбегала на вышку насыпи вагонетка с породой, не визжали лебедки, не слышались призывные рабочие гудки. Он убегал с товарищами на окраину поселка, взбирался на холмы, откуда открывался вид на реку. Турьинск был расположен у отрогов Уральского хребта.

Бабушку свою Толя очень любил. Была она уже стара и слаба. Заметив, как тяжело она ступает, неся полные ведра, он сам стал ходить по воду. Колол дрова, расчищал снег у порога, нежно заботился о старушке. Особенно привязался к ней за ее рассказы о прежней жизни, предания, переходящие из поколения в поколение - о Пугачеве. Толя читал ей книгу "Спартак", а она вспоминала, как ее деда продавали на завод, как его предки мальчиками бывали отданы на чистку паровых котлов.

- Спартаков? - переспрашивала бабушка. - Видать, наших кровей был, уральских. Орел, самого инператора не побоялся.

- Бабушка, он был из Фракии, грек.

- А-а... Интернационал, значит. Страдалец. Что дедушка мой, что твой дед Терентий Семеныч, что грек этот Спартак - мало ли их, страдальцев, прошло по земле! Этого не забыть, не вытравить из души. А сколько прошло через наши края страдальцев за народ, господи! Взять хотя бы дорогу от Свердловска - прежнего Екатеринбурга, Екатерининский тракт! То и дело шли каторжники, гремя кандалами. Гнали их, гнали... Далеко, до самых страшных морозов, в самые дремучие края сибирские....

- И Ленина тоже, бабушка, сослали в Сибирь - за Красноярск. Он и оттуда писал революционерам, учил их, он все время боролся: что с ним ни делали жандармы, а побороть его не смогли.

- Умница ты у меня, радость. Вот я скоро довяжу тебе новые варежки. Теплые-претеплые. А ты мне про этого грека почитай. Все-таки победили они, гладильщики эти?

- Гладиаторы?.. Не знаю. Наверно, нет, ведь это только в семнадцатом году первый раз наша победа была. Настоящая.

И он принимался за чтение, втайне надеясь, что гладиаторам удастся каким-либо чудом перехитрить историю.

Мороз стоял жестокий. А в комнате у бабушки было так тепло и тихо, так мирно. Переставая читать вслух, Толя различал песенку сверчка за печкой, громкое тиканье ходиков с изображением Льва Толстого за сохой. Читая, наблюдал и за котенком, игравшим у ног бабушки, и за бабушкиными пальцами, ловко и быстро орудующими вязальными спицами. Где-то за этими впечатлениями шла мальчишеская задумка - улучить момент, найти и поймать сверчка. Конечно, тут же его и отпустить, он не вредный!

В один из таких вечеров, когда ребят из-за мороза и в школу не отпустили и они сами готовили уроки вперед, послышался скрип шагов по снежной тропе за окном. Кто-то бросил в окно снежок.

Толя, накинув полушубок на плечи, выбежал на крыльцо.

- Кто это?

- Я.

- Володька? Иди к нам.

- Меня вожатый послал. Народ собирать. Пошли со мной.

- А зачем?

- Не знаешь? Телеграф передал известие.

По голосу Володьки Толя почувствовал что-то важное и очень тяжелое.

Первой мыслью было одно:

- Ленин умер?!

Уже не первый день тревожилась вся советская страна, все ждали, надеялись, что обойдется, отгоняли тяжелую мысль.

- Знаешь, Тошка... Смотреть тяжело. Взрослые плачут, как дети.

- Ленин!..

Бабушка выбежала на крыльцо. Дрожащими руками подала внуку теплую шапку.

- Беги, беги с товарищем. Я тоже пойду. Беги.

Толя топал по снежным улицам то позади приятеля, то обгоняя его и невольно вспоминал, как с самого раннего детства мечтал увидеть Ленина, посоветоваться с ним насчет побега за границу, "чтобы сделать там революцию", услышать его голос, проникнуться его взглядом до самого дна души. А потом вернуться к нему, уже совершив свои подвиги.

Поздно. Ленина уже нет. И не будет никогда. Сердце сжималось.

Мальчику было уже около четырнадцати лет, он умственно был довольно развит, а любовь к Ленину была впитана им чуть ли не с молоком матери. Он думал, что сейчас в поселке, на окраине Богословска, дома отец и мать тоже горюют со всем народом. Надо поехать к ним, хоть пешком добежать.

В школе - траурный митинг. Зал полон рабочих и их семей. Люди тянутся к партии, сливаются вокруг нее, как бы у несокрушимого утеса. Коммунисты и комсомольцы стоят в почетном карауле. Среди них и старые рабочие, беспартийные, они вот тут на месте заявляют, что у рабочих один путь, и просят принять их в партию.

Толя смотрел на большой портрет Ленина, увитый черными лентами и украшенный хвойными ветвями. После митинга один учитель-коммунист собрал вокруг себя молодежь и стал рассказывать им о Владимире Ильиче.

Потом комсомольцы расстелили на столах длинную полосу кумача и стали писать лозунг. Дали кисть и Толе. В лозунге "Ленин умер, но дело Ленина живет" он вывел белой краской последнее слово: "ЖИВЕТ!". Стало не то что легче на сердце, но в нем зажегся огонек новой силы, надежды, ожидания того великолепного, что он совершит, в будущем во имя Ленина - это будет продолжением дела Ленина.

Вдруг девушка-комсомолка сказала:

- Серов, твоя очередь.

Она приколола ему на руку красную повязку с черной каймой. Он шагнул вперед. Он стоит в почетном карауле у портрета Ильича.

Слышится дальний набат. Гудят заводские, рудничные, паровозные гудки. Люди идут по заваленным снегом улицам, между сугробов, по полям и занесенным дорогам, навстречу жгучему ветру, чтобы собраться в этот час вместе, сплотиться под надежными и славными знаменами партии большевиков.

Вторую половину года Толя учился почти по-взрослому серьезно и упорно. Но, перейдя в следующий класс и вернувшись на каникулы домой, решительно заявил отцу:

- В этой школе никакой профессии не получишь. Одна забава эти трудовые процессы. Я хочу, папа, поступить на шахту или на завод. Оттого я и толстый, что силу некуда девать.

- Твоя сила в рост идет. Учись, пока есть время. Потом будет поздно.

- Да ведь можно работать и учиться. Константин Терентьич подумал, что ни Толя, ни Женя, который в этом году собирался тоже в Турьинск, не будут там, вдали от родительского контроля, учиться как следует. Его уже не раз приглашали в Надеждинск на

работу по нормированию труда и заработной платы на предприятиях Надеждинского комбината. И, хотя ему пришлось проститься с любимым горным делом, которому он отдал двадцать пять лет жизни, он согласился. Ему любо было по роду своих новых занятий ездить, как бывало, по знакомым лесам и рекам. Надеждинский комбинат охватывал все предприятия округа - лесничества, рудники, копи, железнодорожные пути и, наконец, металлургический завод - гордость и жемчужину уральской промышленности того времени.

Надеждинск

Поселившись в Надеждинске и приступив к работе, Константин Терентьевич нередко брал с собой в поездки старшего сына. Толя побывал в лесничествах Всеволодо-Благодатском, Надеждинском, Турьинском, Богословском, видел лесосплав и углежжение. Лес транспортировали и по сплавным рекам, и по железной дороге, и гужем - прямо из куреней везли зимой санным путем, а весной иногда подвозили на волокушах. Толя, как говорил отец, ногами исходил географию родного округа. Полноводная Сосьва со своими многочисленными притоками образовала густую сеть дешевых водных путей - красивую Турью, быструю Волчанку, золотоносную Какву, Вагран, Колонгу. Толя и раньше поплавал в их волнах, потаскал рыбы, погонял плотов, поиграл в морские приключения. Реки, озера, леса этого района были спутниками его детства.

С новым интересом присматривался мальчик к трудовой жизни людей. Все они были, как родные - на рудниках, в копях, на карьерах, о некоторых он уже не раз слыхал от отца и знакомых, и все они составляли как бы единую рабочую семью, все стремились к одной цели - восстановить промышленность Урала, поднять ее на новую высоту. Это сквозило во всех разговорах рабочих и мастеров с Константином Терентьевичем. Люди порой спорили и ссорились из-за условий и норм труда, но все хотели одного - чтобы стало веселей работать, чтобы видеть добрые результаты своих усилий.

Толя воочию убеждался, что и лесорубы, и сплавщики, и угольщики, и железнодорожники, и водники, и рудокопы работают на Надеждинский завод, обеспечивают его всем, чем нужно, чтобы он выдавал стране столько стали, сколько ей было необходимо. Он расспрашивал отца о разных видах труда.

- Профессию себе выбираешь? - спрашивал отец.

- Ясно.

- Выбирай, мальчик. Когда-то паренек вроде тебя не имел этой возможности. Пришьют к котлам или к откатке на шахте, и еще благодари начальство. За сто пудов песка, который рабочий

грузил на прииске, платили восемь копеек. За ту же работу в забое, где люди стояли по колено в воде, на две копейки больше. Не полагалось ни рабочей одежды, ни медицинской помощи. Еще в молодые годы многие болели и умирали.

Наконец решение было принято: Толя сказал отцу, что хочет поступить в фабзавуч при заводе.

Отец дал согласие.

Занятия в ФЗУ начинались с осени. До тех пор Толя помогал семье устроиться на новом месте и, как всегда, быстро знакомился с надеждинскими ребятами. Подружившись с некоторыми из них, он сколотил команду футболистов и очень увлекся этим спортом. Подростки состязались на своем маленьком стадионе. Все это были будущие ученики ФЗУ.

Однажды на стадионе появились незнакомые парнишки, покрытые пылью и сажей, босые, без шапок, в рваной, потрепанной одежде - видно, пришли издалека. Они и походили на беспризорников, которых тогда еще немало бродило по дорогам страны. Но и чем-то отличались от них. Держались они открыто, с достоинством. Надеждинцы подошли к ним и услышали дельную критику игры футболистов.

- Сами-то умеете играть? - спросил Толя.

- Принимайте нас в игру, увидите.

- Как же вы будете играть, у вас и бутс нету.

- Обставим вас и без бутс, - насмешливо ответил старший из пришельцев, высокий, смуглый паренек с озорными карими глазами.

- А вы чьи же?

- Донецкие. Мы металлисты, у нас есть даже членские билеты профсоюза.

- Ух ты-ы!

Надеждинцы были покорены и приняли их в игру. Донецкие играли действительно неплохо. Толя заменил ими троих своих, уговорив тех покамест выйти из игры. Те даже разулись и отдали свои бутсы новым игрокам.

Несмотря на усталость и пустые желудки, новички привели надеждинцев в восторг. После финала их окружили и принялись расспрашивать.

- Где живете?

- Между небом и землей, - ответил высокий, который уже назвался Виктором Недосекиным. - Когда на буферах, когда под вагоном, а то и в чистом поле в стогу сена. Как придется.

- А зачем ушли с Донбасса?

- А что там делать? Завод законсервирован. Фабзавуч мы закончили по специальности слесарей котельного производства, а

работы нема. Нам сказали, на Урале слесари требуются. Мы и поехали. Ехали, ехали, два месяца, дальше некуда, железная дорога тут кончается, - Виктор улыбнулся хорошей белозубой улыбкой и опустился на траву.

Толя тотчас последовал его примеру. За ним и все бросились на землю.

- Как же вы ехали? Все зайцами, без билетов?

- Когда и без билетов. Прятались в угольных ящиках, где только не прятались! Бывало, нас и ссаживали.

- И что? В милицию?

- Это за что же? Мы не беспризорники. Мы организованные. Где только не были! От Краматорска до Златоуста пятнадцать суток тащились. Местность там, правда, красивая, гористая. А завод так себе, маленький.

- А в Челябинске?

- Какие там заводы! Мельница да электростанция. Хотя, говорят, будут и заводы. Мы там задержались, потому что вот его потеряли, - он показал на младшего парнишку.

Младший вмешался в разговор:

- Ив Карабаше были, про Карабаш забыл? Там еще медеплавильный завод. Тоже так себе, нам не понравился.

Виктор продолжал:

- На Нижнетагильский завод заехали, побывали на Лысьвенском, на Чусовском... Решили все заводы осмотреть и выбрать самый большой, не меньше, чем наш, Краматорский.

- Наш завод большой, очень красивый, - перебил опять младший парнишка.

- Наш, Надеждинский, тоже неплохой, - ревниво заметил Анатолий. - А ты, что, у них за старшего? - спросил он Виктора.

- Вроде выбрали, - улыбнулся тот. - Когда кого из нас ссадят, другие двое вылезают на следующей станции, дожидаются, пока наш не выскочит из какого-нибудь проходящего состава. У нас дисциплина - друг друга бережем. А то отстанет парнишка, еще свяжется с беспризорниками, пропадет...

- Как же вы кормились?

Второй мальчик вставил свое слово. Он был среднего роста, коренастый, спокойный паренек.

- Когда голодуха сильно подпирала, выходили на большой станции, шли прямо в свой профсоюз металлистов. Там давали немного денег на хлеб. Уж мы все с себя проели, и шапки даже. В общем тяжелое дело, - вздохнул он.

Младший продолжал:

- Из Карабаша мы - в Свердловск. Тоже там как-то не понравилось. Сошли, конечно, не на вокзале, не доезжая - на

Шарташе - вот громадное озеро! Сила! Зашли в профсоюз - ни черта. Говорят, с работой сейчас трудненько, разруха. Это мы и сами видели. Сколько заводов стоят - ужас! Дали нам по пять рублей на каждого члена профсоюза, то есть пятнадцать рублей в котел, мы поехали дальше. Так и не нашли такого завода, чтоб он равнялся Краматорскому.

- Что же, и у нас вам не понравилось? - удивился Толя.

Виктор невесело засмеялся:

- Ничего, завод большой, сильный. Да мы ему не понравились. Не пускают нас - босые, драные. Думают - так, шпана и все.

- На бирже не замечают, что мы босые, - обиженно сказал второй, - видят документы, дали бумагу, а в проходной даже на нее не взглянули, марш в наробраз, там вас направят в детский дом.

Толя взволнованно заговорил:

- Мы, ребята, с нашими батьками потолкуем, верно? Мы сделаем, что вас примут. Это же замечательный завод. У нас такие дела делаются! Золотые прииски, медные рудники... Да каких только нет! Марганцевые, железные, добывают и свинец, и олово, и уголь, ты что думаешь? А лес какой, смотри, отсюда виден, и нет ему края! Горы - смотри, видишь? Вершины за тучи задевают. А главное, конечно, завод. Его прозвали "жемчужина Урала".

- Жемчужина! - насмешливо усмехнулся Виктор. - Вытолкали нас из этой жемчужины. Видно, для них мы не та начинка для этой раковины. В профсоюзе дали по два рубля и все. Где жить, как одеваться, обуваться? - Он вздохнул. - Прямо загрустили. Забрели к вам, а вы тоже - куда, мол, босые, беспортошные!

- Ну, вот что, - решительно заговорил Толя. - Мы этого так не оставим. Идемте с нами. Вас трое, мы вас по одному устроим пока жить у себя. Кто возьмет к себе донбассовца?

- Я скажу отцу!

- Идемте, мои тоже люди, пустят.

- Пойдем, пойдем. Их первым делом надо накормить. А что? Это же наши товарищи. Они даже уже фабзавуч закончили!

Охваченные чудесным порывом понимания и товарищества, надеждинские подростки выполнили свои обещания. Донбассовцы были устроены на ночлег, им достали продукты, взрослые пустили их в баню. С обувью только не вышло. Не было обуви. Вместо башмаков ребята раздобыли новые лапти, принесли. Донецкие металлисты возмутились:

- Що це за боркасы? Мы сроду в лаптях не ходили.

Толя расстроился.

Виктор успокоил всех:

- Ничего, лишь бы на завод пустили. А там увидят. По одежке встречают, по уму провожают. Ну, давай, Тошка, эти березовые полуботинки...

Пересмеиваясь, ребята обулись, привели себя в относительный порядок и отправились на завод, провожаемые ватагой своих новых друзей. Вахтер удивился.

- Донбассовцы, а в лаптях. Может, мазурики?

Пропустил все-таки. В цехе им дали задание, испытали. Приняли в механический цех.

Через некоторое время Толя узнал, что Виктор работает бригадиром слесарей и уже показал себя как активный комсомолец.

- Ну, ты хоть и старше, - объявил он ему, - а я тебя догоню, вот только осень придет.

Так завязалась дружба двух юношей, чистым родником пробежавшая через всю жизнь Анатолия.

Мартены

В сентябре 1925 года Толя был принят в школу фабрично-заводского ученичества Надеждинского металлургического завода. Вместе с Женей он попал в группу, которой руководил Николай Сухоруков, сам недавний фабзавучник.

Сухоруков привел свою группу в мартеновский цех знакомиться с производством.

У одной печи стоял пожилой рабочий, невысокий, с рыжеватыми усами и строгим взглядом. Сухоруков подвел к нему учеников.

- Новое пополнение, Иван Алексеевич. Будущие сталевары.

Иван Алексеевич окинул ребят своим придирчивым взглядом. Не заметил робости или забитости, с какой в давние годы поступали на завод дети рабочих. Пареньки смотрели смело, их глаза горели любопытством. Сталевар усмехнулся в усы, опустил темные очки и припал к "глазку" в громадной заслонке, наблюдая, как там, за этой железной стеной, бушует белое пламя.

Николай между тем негромко говорил ребятам:

- Иван Алексеевич - лучший сталевар на заводе. Его знают не только в Надеждинске, а и в Тагиле, и в Свердловске. У него, братцы, на работе каждая минута рассчитана. Ужасно не любит лодырей...

- И дураков, - добавил сталевар, услышав последние слова.

Толя подошел ближе.

- Эта печь куда больше, чем напольная у нас, на каменоломне. А как в ней шуровать? Не покажете, Иван Алексеевич?

- Тебя как звать?

- Тошка. А это мой брат Женька. Тоже будет сталеваром.

- Ишь ты! А хватит упорства? Лодырей мы посылаем на канаву шлак счищать. А у нас, на мартене, ребята должны стоять сильные, во всем первые.

- Тогда мы подходим, Иван Алексеевич.

- Добро.

Печи того времени не могли бы сравниться с современными мощными мартенами, работа которых полностью механизирована. Они были меньше и примитивнее. Но ребятам эти мартены казались могучими и вызывали к себе уважение. Сухоруков на занятиях в классе говорил ученикам:

- Наш завод дает государству чугун, сталь, рельсы. Пока мы работаем на старом оборудовании, но в будущем превратим мастерские: прокатную среднесортную и мелкосортную - в большие цехи, где работать будут по последнему слову техники. Может, как раз вам и придется решать эту задачу.

Сухоруков водил учеников по заводу, показывал им, какой это силач и красавец, как слаженно работают его просторные цехи. Он приучал ребят к технике, постоянно будил у них интерес к ней, к будущему завода.

В классах говорили о добыче руды. А здесь Толя видел, как эта темная руда превращалась в раскаленную добела огненную реку. В мартеновском цехе для него самым волнующим моментом был выпуск стали. Внезапно, но минута в минуту, когда наступал срок, пробивалось отверстие в печи, весь цех озарялся огненным светом, жидкая, сверкающая лава лилась в изложницы, выбрасывая тысячи искр. Лица людей казались пламенно-красными, их фигуры чернели на фоне мартена. Все вокруг становилось в глазах подростка особенно значительным, тут совершалось таинственное дело - превращение огня и чугуна во что-то новое, сильное, нужное всем людям.

Толя желал овладеть мастерством сталевара, желал вместе с другими молодыми уральцами делать новое, чудесное, удивительное дело преобразования жизни. И вместе с отцом. Константин Терентьевич словно помолодел. Округ, которому он отдал всю свою молодость, жил заново, "по-комсомольски", и это увлекало всех - и пожилых людей, и зеленую молодежь.

- Молодеет наш "седой Урал", - смеясь, говорил отец.

Толя гордился тем, что отец говорит с ним, как с равным. Но, как ни был увлечен учебой в ФЗУ, едва выпал снег и от города к рудникам пролегли гладкие снежные дороги - зимники, интересы Анатолия заметно раздвоились. Каждый вечер он забирал лыжи и мчался по зимнику. Всякий раз прибавлял себе по одному, по два

километра, пока не стал добираться до Ауэрбаховского рудника - за тридцать километров от Надеждинска. Этот маршрут он установил для себя обязательным - шестьдесят километров в два конца.

С товарищами по фабзавучу он, как всегда по своей общительности, быстро сдружился. Часто по вечерам он ходил с целой ватагой, затевал песни и озорные забавы, игру в снежки, борьбу, когда противники валились в сугробы под общий хохот. Случались и ссоры с дракой. Ему стало не хватать времени для сна, он приходил в ФЗУ вялый, сонливый, а раз как-то улегся в пустой камере, газогенераторной коробке, а приятели прикрыли его дровами. Он уснул, а когда проснулся, увидел стоящего возле него инструктора. Сухоруков только сказал:

- Вылезай, брат.

Толя выскочил из камеры и молча стоял перед старшим товарищем. Потом, не выдержав тяжелого молчания, произнес:

- Прости, Никола, это последний раз.

- Значит, не первый?

- Нет, честно, это первый раз! Ну, прямо с ног свалило.

- По вечерам гулянки, а отсыпаешься на работе! И еще собираешься вступать в комсомол! Как же тебя рекомендовать?

Толя взглянул на него:

- Не поручишься?

- Подумаю. Как будешь учиться. Пусть лучший сталевар скажет о тебе доброе слово.

- Кто это?

- Знаешь сам. Я говорю об Иване Алексеевиче.

Иван Алексеевич был старшим сталеваром печи № 9.

Его уважали не меньше, чем мастера. Старые мастера советовались с ним.

В мартеновском цехе он двигался неторопливо, но все вокруг него делалось быстро и четко. Его бригада отличалась слаженностью в работе. Славился он в особенности умением "на глазок" определять степень готовности плавки. Для определения обыкновенно бралась проба: расплавленная сталь заливалась в металлическую форму, остуживалась, потом ее вынимали и разбивали болоткой: содержание углерода определялось по строению зерен металла, а степень нагрева - по плотности металла и скорости охлаждения. Анализ производился в лаборатории. Но раньше он делался лучшими мастерами "на глазок". Кроме опыта, здесь требовался и талант, способность дать быстрый и правильный ответ. Ошибка приводила к убыткам и потерям на производстве.

Не было случая, чтобы Кучин ошибся при определении

пробы. Он сердился, когда, несмотря на его оценку, пробу все-таки несли в лабораторию, и торжествовал, когда его приговор подтверждался. Из-под темных, задранных кверху очков гордо сияли его глаза.

На втором году обучения Толя проводил большую часть времени на практике, в цехе. Ученики практиковали на семи печах - по два на печь. Сначала работали третьими подручными, потом вторыми. Каждая печь обслуживалась старшим печи, первым подручным, двумя вторыми и двумя третьими. К концу обучения ученик мог работать первым подручным.

Толя привязался к Ивану Алексеевичу. Вместе с ним он заранее приходил в цех, чтобы подготовиться принять плавку у смены, заметить: чего не хватает, сделать запас магнезита и другого материала. Кучин, со своей стороны, полюбил "доброго паренька". Однажды спросил:

- Что, трудно учиться, брат?

- Нет, Иван Алексеевич. Не трудно. Даже интересно.

- А вот мне нелегко доставалось учение. И ведь не дурак был, и скоро мог бы стать настоящим мастером. Да ведь не учение было, а мучение. Гоняли за полштофом да за куревом, подгоняли затрещинами да еще с издевочкой. Принеси мне, мол, деру.

- Деру?

- Не знаешь? Ну, и я не знал еще. Приходишь к другому мастеру, к кому послали: "Дядя, дайте деру". Он и надерет тебе вихры и уши всласть, а другие посмеиваются, заступиться не решаются, боятся мастеров. После такого учения вернешься, бывало, домой, забьешься в свою конуру... Ляжешь на нару, с которой только что поднялся человек с другой смены. Голова трещит, все тело так и ломит, слезы сами льются - маленький ведь еще был. А за дер еще велели благодарить: спасибо, дяденька.

- Я бы им дал деру!

В разговоре с секретарем комсомольской ячейки Толя рассказал о "дере". От Свиридова он знал, что еще недавно один мастер попробовал измываться над мальчишкой-учеником, а им был как раз он, Коля Свиридов. Тот дал сдачи. Мастер стал гнать его из цеха. Коля напомнил ему о советских законах. Мастер сказал, извиняйся, мол, перед старшим. Свиридов ему: "Я извинюсь, только и вы извинитесь тоже". Мастер подумал и извинился. Потом уже сам повел борьбу против старых повадок.

Временами Толю охватывало беспокойство, что он мало знает, отстает от других, а время не ждет! Набрасывался на учебники, в цехе так и ходил за Кучиным, задавая ему вопрос за вопросом. Свой цех он полюбил, гордился им. Самым

увлекательным делом было для него следить через синее стеклышко, как в громадной чаше мартена бурлит белый, как снег, расплавленный металл.

- Здорово!

Иван Алексеевич замечал и стремление подростка сделать все правильно, и его азарт. Например, при завалке требовались и сила, и точный глазомер. Толя кидал чушки в печь так, что они падали как раз на середину пода или к задней стенке. У него чушки никогда не срывались на порог и не разрушали его, как случалось у неловких подручных. Сталевары говорили:

- Чертенок, играет чушками, как битками в городки.

- Я думал - толстый, неповоротливый, а он гляди-ка - силач!

- Этот будет сталеваром, - одобрительно шептал про себя Иван Алексеевич.

Большая сноровка нужна была и при ручной заправке мартена. Печь заправляется тотчас после выпуска металла. Первый подручный со стороны разливочной канавы прикрывает отверстие металлической трамбовкой полутораметровым стержнем с круглой пластинкой на конце. В этот момент другие подручные посыпают огнеупорным порошком (магнезитом) размытые металлом, подгоревшие места подины печи, бросая магнезит лопатами с завалочной площадки на определенном расстоянии от раскаленной мартеновской печи.

Нельзя было терять ни секунды.

Анатолию сперва не удавалось бросать магнезит, не рассыпая его. Товарищи его надеялись, что со временем приобретут навык. Но Толя не ждал. Во время обеденного перерыва он тренировался на дворе, бросая с лопаты снег в круг, нарисованный углем на стене. С каждым разом отходил на большее расстояние. Ребята подшучивали над такой "практикой", но, увидя, как ловко он кидает магнезит, опередив всех сверстников, тоже стали практиковаться по его примеру.

Кучин сказал ему однажды:

- Есть у тебя искра, Тоша. Сталевар из тебя выйдет добрый. Вырастешь, станешь на мое место.

- Я дальше пойду учиться, Иван Алексеевич.

- Кем же ты хочешь быть?

- Красным командиром. Летчиком!

- Что ж, иди... У тебя черепок варит.

- Не расстраивайтесь, Иван Алексеевич. Мое сталеварство не пропадет. У вас я прохожу настоящую школу. Мастерством овладею все-таки. И рука упражняется, и глазомер будет такой, какой нужен воздушному стрелку. И мускулы... Потрогайте, какие у меня мускулы.

Кучин думал про себя: "Врешь, меня не обманешь. Прирожденный сталевар. Есть у тебя искра, брат".

Вспоминая об этих днях через много лет, Иван Алексеевич говорил:

- Работал у меня Толя Серов. Сперва третьим, потом вторым подручным. Вот был парень! С полуслова понимал. Слегка только знак подашь, он уже делает, как надо. К выпуску плавки, бывало, заранее приготовит - и магнезит и доломит. Заправочный материал на месте. И на малых печах гребками орудовал исправно. Вникал! Интерес у него был к работе, к самому искусству нашего дела. Силы в нем было, я вам скажу, только давай работу, он сам радовался, когда мог на дело потратить ее - сила в нем так и кипела. Неуемный парнишка. И такой славный, открытый, такой сердечный, будто светится весь. Как вспомню... с ним работать было ну, вроде как праздник. Я даже беспокоиться стал, как бы он не ушел с завода, не бросил меня. Я ему шутя говорю, бывало, такие, мол, веселые в моряки идут. А он все свое: буду летать. Никак не мог я отвести его думу от этой профессии. Он еще в детстве "летал" с крыши на самодельном аэроплане, чуть не убился. Видя, что скучаю я от этих разговоров, он замолкал. Будто забыл про этот предмет. Но вот обратно в двадцать девятом напомнил про свое решение...

Конечно, Толя не целиком ушел в изучение своего дела. Он был живым, озорным, веселым и общительным парнишкой и участвовал во всех играх и затеях молодежи вне занятий в цехе и в классах ФЗУ. Во всем он стремился выйти вперед, сделать лучше, раньше, чем другие. В постоянном соревновании с ровесниками не забывал помогать им, тянуть вперед, приходил на помощь по первому слову.

Мечта об авиации не затухала в его душе. Бережно хранил он первые книжки о полетах, вырезки из журналов, еще ранее собранные им. Физически тренировал свое тело, чтобы сбить лишний жир, - он был толстоват, а знал, что в авиации нужны легкие, мускулистые парни. Он знал, что в авиацию берут лучших, и стремился быть одним из передовых во всем.

Когда-то, еще маленьким (хотя и теперь он еще был не взрослым), видел он пролетающий самолет. Помнил его все время, снова переживая свое тогдашнее волнение, будто он сам летел. Но ему довелось теперь близко увидеть агитсамолет, который пролетел над Надеждинском и приземлился неподалеку от города. Первыми заметили его ребята и гурьбой понеслись на место посадки. Потом прибежали и взрослые, беспокоясь, не случилось ли беды, не нужна ли помощь экипажу.

Летчик провел митинг, посвященный молодой советской

авиации. После митинга он позволил желающим подойти ближе к машине, объяснил ее устройство. Вот он собрался в обратный путь. Слушатели пожелали ему счастливого полета и обещали послать в авиацию кого поумней среди молодежи. Толя бросился к летчику:

- Мне можно научиться?

Летчика пленили доверчивые, ясно лучившиеся глаза паренька.

- А ты хочешь?

- Да!

- Ну, забирайся, покажу тебе машину.

Толя не стал ждать вторичного приглашения. В несколько минут облазил самолет, посидел в кабине пилота, подержался за ручку управления! Вот было счастье - испытать это первое прикосновение к ручке, впоследствии ставшей как бы слитой с его существом! Наконец, летчик приказал ему покинуть самолет. Толя выпрыгнул, переполненный чувством радости и надежды: объясняя устройство машины, пилот расспрашивал его, с интересом слушал о первом "полете" на самодельных крыльях, об учебе в ФЗУ, о занятиях спортом и по этой части дал и свои советы. Потом он крикнул окружающим, чтобы отошли от машины подальше. Завертелся винт, поднялся вихрь, летчик высунулся из кабины, помахал рукой, а Толе крикнул:

- Серов! До скорой встречи!

Самолет покатился по земле, набирая скорость. Вот он оторвался от земли и потянул вверх, выше, выше!..

Ребята бежали по полю, махая руками и возбужденно крича из всех сил. Самолет скрылся.

Толя возвращался в город, слыша еще голос летчика: "До скорой встречи" и веря его словам, как клятве. В душе он уже давал клятву - летать, летать!

Комсомольский билет

Стояли безветренные морозные январские дни. Толя после работы, уже к вечеру, шел на лыжах к лесу - до Ауэрбаховского рудника. Сзади послышался лыжный скрип. Нагонял Виктор, донбассовец-металлист, с которым Анатолий завел уже крепкую дружбу. Они пошли рядом. Виктор впервые стал на лыжи на Урале: в Донбассе этот спорт не был развит.

- Где ты был вчера? Я искал тебя на собрании.

- С ребятами. Ходили по улицам почти до утра, кидались в снежки, в снегу валялись, не скучали. На собрание не пустили. Ведь я не комсомолец еще.

- А я-то считал...

- Я ходил на собрания и делал, что поручали. А вчера было

закрытое. Я даже обиделся немножко. Хотя понятно. А что было, какой вопрос?

- Так я тебе и выложил сейчас! - засмеялся Виктор. - Тебе самому пора вступать в комсомол.

- Все ясно. Завтра же вступлю. Мне Никола Сухоруков дает рекомендацию.

- Завтра еще не примут. Потолкуй с вашим секретарем ячейки.

- Непременно. И пускай мне работы дают побольше. Ты им скажи, Виктор.

- Да уж навалим, только неси. Тебе и полезно. На другой же день Толя говорил со Свиридовым, идя с ним по узкому деревянному тротуару вдоль снежных сугробов.

- Я тут написал, - застенчиво проговорил Серов, доставая бумагу. Возьми заявление.

- Что ж на улице-то? - улыбнулся Свиридов. - В комитет приходи, поговорим как следует.

- Нет, давай здесь.

Шли некоторое время молча. Анатолий сказал:

- Я всегда считал себя комсомольцем.

- Для комсомола ты, пожалуй, мало подготовлен. Правда, учишься неплохо, в цехе на хорошем счету. Да вот слишком уж спортом увлекаешься, а газет не читаешь.

- Хорошо, я почитаю. Отвечу на все вопросы. Только, знаешь, я не один. Есть в цехе еще ребята - молодые рабочие, не фабзавучники. Бузотеристые тоже, как я когда-то - не знают, куда силу девать. Даже хулиганят некоторые. А присмотрись, ничего, из них получится, знаешь, какой славный" народ? Только их больше тянет после завода на воздух, на лыжи... А ведь можно их через это самое - через спорт, и организовать?

- А что, мысль правильная. Подумаем. Может, тебя и возьмем в работу по этой части.

Свиридов загляделся на чистое зимнее небо, усыпанное сказочно-яркими звездами.

- Тошка, а ведь ты собираешься в авиацию? Верно?

- Откуда ты узнал?

- А кто этого не знает? Я вот что думаю: не зря ты увлекаешься физкультурой. Для тебя это имеет определенный смысл.

- Ну, вот, сам понимаешь.

- И вообще надо развиваться всесторонне.

- Это правда, я понял. Я тебя теперь еще больше уважаю, чем раньше. Смотрю на тебя как на своего руководителя - с этой минуты.

- Зайдем-ка.

Они подошли к библиотеке. Прошли в читальню. Там сидело несколько человек в шапках и полушубках: читальня плохо отапливалась. Свиридов отобрал газеты, указал Анатолию, какие статьи нужно прочесть. Толя, не откладывая дело в долгий ящик, тут же принялся за чтение. Он нашел здесь те же вопросы, которые обсуждались и в цехе, и дома, попал в знакомую атмосферу политической борьбы 1926 года.

На другой день он снова занимался в читальне. Часто бывал со Свиридовым, расспрашивал его, увлеченно беседовали они о будущем Надеждинского завода. В свободные минуты он так же увлеченно втягивал в разговор Ивана Алексеевича.

Домой Толя приходил, переполненный впечатлениями, и щедро делился ими с отцом и матерью. Родители с надеждой смотрели на своего старшего. Какая-то обещающая, радостная сила сияла в его глазах. Мать подкладывала ему на тарелку. Он ел с аппетитом, на который никогда не мог пожаловаться. У него был отличный аппетит и к еде, и к работе.

- Вы только мускулы потрогайте, - говорил он отцу. - Мало у меня работы: я бы в три раза больше сделал.

Состоялось комсомольское собрание, которого с таким волнением ждал Анатолий.

Небольшой зал. Одинокая электрическая лампочка на потолке освещала стол президиума, покрытый кумачом, молодые лица за столом и в зале. Словно впервые Толя увидел давно знакомых товарищей по работе, по лыжам, по ФЗУ. Когда его вызвали, он вышел к столу.

Рассказал биографию, отвечал на вопросы. Спрашивали об индустриализации, о том, что знает по истории партии и комсомола, о дисциплине.

- Расскажи, как принес в цех картошку, чтобы испечь ее в мартене.

Грохнул смех.

- Как в газогенераторной коробке отсыпался!

- Почему в газетах читаешь только про физкультуру и спорт?

- А что такого? Он собирается в авиацию.

- В авиацию принимают развитых не только физически, а и умственно, идейно. Вот расскажи, Серов, как ты спорт понимаешь.

Толя, краснея от смущения, откровенно говорил все о себе, о своих недостатках. Потом стал слушать. Ребята разбирали его ошибки, но каждый заканчивал выступление тем, что рекомендовал Серова в комсомол. За него выступила и девушка-библиотекарь, сказав, что он очень думающий парень, в

последнее время читает газеты и книги, интересно говорит о прочитанном и у него хорошая душа. Свиридов дал слово Серову. Тот поднялся, вышел к столу и с такой подкупающей искренностью сказал:

- Досталось мне сегодня. Я понимаю, конечно. Это все верно. Очень трудно стать дисциплинированным. Но все-таки я своего добьюсь и обещаю, что одолею все это.

Единодушно он был принят в комсомол. После собрания ребята гурьбой шли по домам. Толя думал: "Вот они какие! Как это я раньше не замечал - умные, все понимают. Просто не задаются, не хвастают, как другие". Он с недовольством подумал, что другие - это он сам, любивший прихвастнуть. Правда, он никогда зря не хвастал, а что обещал, то и делал, хотя и не всегда успешно - вот как с полетом, например. Ткнулся в огородные грядки!

Он пошел со всеми и стал подпевать уральской песенке:

Под окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится
Да поют всю ночку соловьи...

Как ветер, влетел в дверь дома:

- Приняли! Я комсомолец!

Комсомольская семья

Через тринадцать лет, выступая однажды перед молодежью, Анатолий говорил:

"С любовью вспоминаю о годах, проведенных в комсомоле. Я горжусь тем, что вырос в комсомоле, что комсомол воспитал меня. Для меня особенно дорого воспоминание о том, что комсомол дал мне путевку в жизнь, что, благодаря комсомолу, я стал летчиком.

В детстве я был отчаянным мальчиком. В рабочем поселке на Урале мне казалось тесно и скучно. Хотелось поехать путешествовать, посмотреть другие страны. Однажды летом я вышел из дому и отправился... в Америку! Конечно, путешествие мое не состоялось. Затем, будучи учеником ФЗУ, я частенько увлекался улицей. Учеба и работа не поглощали всей моей энергии, и я тратил ее без пользы. Но вот в 1926 году в фабзавуче я вступил в комсомол. Коллектив начал направлять мои мысли в сторону учебы и общественном работы. Комсомольская работа целиком поглощала время, свободное от учебы. Появился большой интерес к коллективу... А спортом я так увлекся, что одно время держал по лыжам второе место по Уралу".

В комсомольской организации состояло около 150 человек, несколько ее членов были избраны в районный комитет

комсомола. Секретарями организации были последовательно Сухоруков, Свиридов, Туев. Толя дружил с ними всю жизнь.

Серову поручили клубную работу. По его настоянию пригласили инструктора физкультуры. Приятели Серова по лыжам один за другим потянулись в клуб имени Первого мая.

Руководил рабочим клубом артист Михаил Григорьевич Разумов. Он приехал в Надеждинск по договору на один год. Потом остался "на годик", потом еще "на годик". Каждый раз, когда истекал срок договора и можно было вернуться в Ленинград, возникало новое обстоятельство: то был затеян капитальный ремонт клуба и устройство отдельных помещений для кружков художественной самодеятельности, то поступало новое оборудование или музыкальные инструменты, о которых Разумов долго хлопотал, то, как теперь, в 1926 году, начался большой прилив молодежи в клуб.

- Приехал на годик, - шутливо жаловался он знакомым, - а уж пятый год не могу вырваться. Вот Серов притащил совсем зеленую молодежь, прямо с улицы. Хочу помочь комсомольцам обтесать эту ватагу, приучить к книге, к культуре, к коллективу. По правде сказать, славные ребята, и с ними приятно работать. Сам молодым становишься.

С помощью партийного бюро завода укрупнили библиотеку, появились новые книги. Стали устраивать коллективные чтения. Очень полюбились молодежи беседы о прочитанном. Собирались вечерами в одной комнате, читали, спорили, учились думать, искать правильные решения, ясно и связно высказывать свои думки.

Роман А. А. Фадеева "Разгром" многими молодыми надеждинцами перечитывался по нескольку раз. Драматический кружок поставил инсценировку "Разгрома" и в антрактах зрители - недавние партизаны и бойцы Красной Армии - вспоминали гражданскую войну в Сибири и на Дальнем Востоке. Родными казались образы Левинсона, Бакланова, Метелицы, который особенно увлекал их своим неуемным, бесстрашным характером. Зачитывались "Чапаевым" Дм. Фурманова, Беззаветная преданность Советской власти, Родине, народу, яркая одаренность комдива, исключительное мужество народного полководца, весь сложный и сильный характер Чапаева вошли в душу Толи как идеал, которому он будет подражать.

А вот "Мартин Иден" Джека Лондона вызвал споры и недоумение. Виктору нравились настойчивость и упорство Идена в достижении поставленной цели. Анатолий был возмущен стремлением героя войти в "высшее общество". Девчата восхищались Иденом, жалели, что он так бессмысленно покончил

с жизнью. Лучше бы погиб в борьбе с капитализмом. А такая смерть все равно, что сдаться врагу.

- Верно, Нюсечка, - подхватывал Толя. - Да и погиб он от своего одиночества. От одного берега, от своего класса, оторвался, отчалил, а к другому не мог пристать - он выше этой публики был по уму и таланту. А корни, которые связывали его с народом, пересохли.

Мысль у молодых людей оживлялась, возникали сравнения, высказывались мечты, назывались в глаза недостатки друг друга. Шумели, волновались, прямо и требовательно смотрели друг Другу в глаза, полные доверия и подлинной дружбы.

И когда прошло много лет, участники этих шумных, веселых, горячих сходок и споров с великой любовью вспоминали свой клуб.

Одна из активисток клуба, Т. Потеряхина рассказывала:

- Жили мы тогда хоть и в тесноте и занимались где попало, а все-таки замечательно было! Клуб у нас был маленький, а уютный. Книгу ли читали, была ли вылазка в лес или вечер самодеятельности - каждое дело мы проводили горячо, по-боевому. И это несмотря на то, что в клубе холод стоял, хоть собак гоняй. Сидим в ушанках, полушубках, валенках, закутываемся в платки... Один Толя приходил в свитере, в лыжных пьексах, румяный, смеялся так, что с улицы слышно, и уж там догадывались - Тошка пришел. А сколько спорили о том, каким должен быть комсомолец!.. В этих спорах мы росли, становились как-то богаче духовно, сильней.

Рос вместе со всеми и Толя. По окончании учебного года на первое место вышла группа, в которой учились братья Серовы. Впереди шел Анатолий. За ним тянулись остальные. У него было замечательное качество - подтягивать вперед других, помогать, быть заразительным примером в лучших своих стремлениях.

Инструктор серовской группы Николай Сухоруков давно и страстно мечтал поехать в Ленинград, увидеть там заводы и новую технику, поучиться новому, передовому. Он выписывал техническую литературу, следил по газетам и журналам за развитием техники в Советской России и за границей. Этот интерес он всячески прививал своим ученикам - почти своим ровесникам.

И вот пронесся слух, что лучший ученик ФЗУ будет премирован путевкой в город Ленина. Путевку вручат на вечере Первого мая. Собрались взрослые и молодые рабочие в свой клуб. Пришли и Кучин, и Сухоруков, и Виктор из доменного цеха.

Группе Сухорукова была вручена путевка в Ленинград, но Сухоруков не стал передавать ее какому-либо ученику, а отдал

всей группе: "Сами решайте, кто больше достоин". Фабзавучники сразу решили, что поедет Анатолий. Толя так и вспыхнул. Поехать в Ленинград - с билетом в кармане, как настоящий путешественник, а не зайцем, как они когда-то в детстве "бежали в Америку", или как юные донбассовцы искали работу по всем уральским заводам... Явиться на знаменитый Путиловский посланцем Надеждинского! Все это проносилось у него в голове, когда он случайно встретился глазами с Сухоруковым, улыбавшимся ему так дружески весело...

Толю вдруг осенило. Он встрепенулся.

- Слушайте, ребята! Да ведь кто должен ехать? Никола! Это же ясно. Он еще недавно был фабзайцем, а знает больше других инструкторов, занимается по ночам, лекции нам читает интереснее, чем инженеры. Помните, как он один раз проговорился: "Съездить бы мне в Ленинград, я бы вам, ребята, привез хорошую литературу по металлургии, записи сделал бы на тамошных предприятиях".

- Правда, говорил.

- Сухоруков весь тут. Он, может, и не соберется в Ленинград за всю свою жизнь. А мы поедем! И не один раз. Я считаю, что он больше заслужил, чем я.

Сухоруков не слышал этого разговора. Он издали следил за оживленными лицами ребят, подошел и обнял Толю за плечи.

- Знаешь, Анатолий, я рад за тебя и за коллектив, что тебе отдал путевку. Но не надейся на память, записывай все интересное, что увидишь. Запоминай. Какую литературу надо привезти - я тебе список подготовлю.

- Бери, Никола, она твоя. - Толя протянул ему путевку. - Мы так решили и не отказывайся.

Сухоруков нахмурился, покраснел.

- Это еще что?

- Поезжай, товарищ Сухоруков! Просим всей группой.

- Не сердись, Никола. Твой приз.

Фабзавучники бросились к нему, жали руки, хлопали по плечам, желали счастливой поездки. Сухорукову на всю жизнь запомнились эти минуты, славные парни, сияющие глаза Серова.

Вот такой он и был всегда - быстрый в решениях, порывистый и открытый Тошка Серов. Когда приблизился срок отчетно-выборного собрания комсомольцев, он обратился к Свиридову:

- Слушай, Никола, рекомендуй меня в секретари.

- Что, что? - поразился Николай.

- В секретари ячейки. Тебя переизберут, ясно? Да ведь и пора. Надо дать тебе время поучиться самому. Теперь давай, Никола, я возьмусь.

Свиридов с удивлением посмотрел на искренне воодушевленное лицо Серова и сам так же искренне рассмеялся.

- Вот чудак, посмотрите на него. Сам набивается. Да разве на этот пост напрашиваются?

- Думаешь, не справлюсь? Мне вообще вы мало даете работы.

На заседании бюро Свиридов рассказал товарищам о Серове.

- Диву даешься, как это у него: скромность, самоотверженность - вот, например, как в истории с путевкой в Ленинград. С другой стороны - этакое честолюбие, что ли, самоуверенность? Делай его секретарем, не меньше! И все же я думаю, это не честолюбие, а желание взвалить на свои плечи работы побольше. Это он от чистого сердца.

Комсомольцы выбрали Толю в бюро. Секретарем был избран Иван Туев. Серову поручили работу с молодежью.

- И возглавишь в клубе участок физкультуры и спорта, - сказал Туев. Пора нам создать крепкие команды и отстаивать честь Надеждинска на областных соревнованиях.

Толя оживился:

- Нам новый стадион вот как необходим! Старый мал да и стоит с подветренной стороны от заводских труб и печей углежжения. Построим новый за городом. Ведь нам обещали, а ни черта не делают.

На следующий день он вместе с инструктором физкультуры побывал в завкоме, у директора завода, в парткоме, всюду добился поддержки. И новый стадион вскоре был разбит близ реки Каквы у высокого соснового бора. Активисты с Серовым во главе помогали оборудовать спортивные площадки, строить павильон для конькобежцев, а на реке - станцию для тренировки по плаванию.

Была устроена и лыжная станция.

Образовались физкультурные команды.

"Я работал с хорошей, активной молодежью, - вспоминал потом руководитель клуба М. Г. Разумов. - Каждое новое мероприятие мы проводили по-боевому. Особенно оживилась и расцвела наша массовая работа примерно с 1926 года, когда среди активистов появились Анатолий Серов и его друзья-физкультурники. Серов, между прочим, оказал большое влияние на бывшего сорвиголову и безнадзорника Николая Петухова. Анатолий втянул его в заводскую жизнь, в клубный коллектив. У Петухова оказался хороший тенор. Через заводской комсомольский коллектив Петухов стал учиться, культурно вырос и просто стал содержательным, интересным парнем. После завода он служил в Черноморском флоте, потом окончил Московскую консерваторию".

Серов был ближайшим помощником Курылева - инструктора физкультуры, большого энтузиаста этого дела. Все комсомольцы того времени с любовью вспоминают Курылева. При нем физкультура в районе быстро развивалась, весь металлургический завод стал коллективным болельщиком за свои команды. На стадионе Курылев устроил и баскетбольную, и волейбольную площадки, и беговую дорожку, на которой происходили состязания по бегу и конно-лыжному спорту. С помощью Анатолия он добился, что лыжники, совершая пробеги, проводили на остановках в селах, деревнях, рабочих поселках доклады и беседы. Это росли спортсмены нового типа, горячие патриоты социалистической Родины, готовящие себя к борьбе и победам на фронте труда и обороны.

Оба брата Серовы были физкультурниками. Евгений считался хорошим вратарем-футболистом, отличался и в хоккее. Анатолий любил футбол, бег, лыжи. Особенно лыжи и конно-лыжный спорт, требовавший ловкости и большой физической силы. Ему по душе были крепчайшие уральские морозы, гладкое полотно зимника, лес в волшебном снеговом уборе, звериные следы на снежной целине, тишина, далеко слышный легкий треск ломающихся сучьев и бесшумный ход лыж. Он тренировался ежедневно. Во что бы то ни стало стремился догнать и превзойти своего друга Виктора Недосекина. По предложению секретаря партийного комитета завода он и начал культурно-просветительные лыжные походы по району. Тщательно уложив в сумки свежие газеты, журналы, книги, комсомольцы отправлялись в путь. Походы были нелегкие, но совершались они с воодушевлением.

Одна из участниц этих массовых вылазок Л. Пильщикова рассказывала:

- Серов вносил большое оживление в наши походы. В трудные минуты старался ободрить, развеселить, рассмешить каким-нибудь чудачеством. Особенно нравилось ему показывать нам прыжки на лыжах с естественных трамплинов, и при этом то сорвется с обрыва и покатится кубарем, то вдруг перенесется через забор, засыпанный снегом, и помчится дальше как ни в чем не бывало. А за плечами тяжелая сумка, набитая книгами и газетами. В поселках и деревнях быстро обойдет, бывало, молодежь, перезнакомится со всеми, разыщет рабкоров, в деревне - селькоров, соберет у них заметки для газеты. Поздним вечером, выйдя из душного помещения на морозный воздух, затевал с местной молодежью игры и песни, пляски под гармонь.

Появление лыжников стало праздниками для молодежи, их ждали, встречали с радостью. Эти походы обогащали надеждинцев самыми большими ценностями моральными.

Сознание единства и дружбы со всей трудовой молодежью рудников, сел, заводов района вызывало инициативу, творческий дух, общественную самодеятельность, и эти качества сохранялись потом в этих юношах и девушках как основные черты характера.

Маршруты лыжных культпоходов удлинялись, комсомольцы приникали в самую глубинку горного округа.

Звездный лыжный пробег

Началась подготовка к Всесоюзному соревнованию физкультурников по всем видам легкой атлетики. Летом и осенью 1927 года были проведены встречи пловцов, футболистов, бегунов, зимой - состязания конькобежцев, хоккеистов, лыжников. На январь 1928 года назначен был Всесоюзный звездный лыжный пробег с финишем в Москве.

Надеждинцы тренировались на Какве, на озере Филькино. Виктор вошел в сборные команды по плаванию и по футболу, Анатолия включили в сборную по футболу, но дальше окружного центра в Тагиле он не пошел.

Уральские победители в областных состязаниях, наконец, вернулись, но надеждинцы потерпели в Москве поражение. Когда их расспрашивали, Виктор с досадой отвечал:

- Надрали нам в Москве - и все. По плаванию - девятое место, а по футболу даже стыдно сказать... На этом история и кончилась. Что ж, подсчитаем наши потери, к зиме лучше подготовимся.

Толя уверенно поддержал его:

- Увидите, первые места заберем.

Виктор иронически спросил:

- Кто займет первые места?

- Мы. Значит, и я тоже. Ты не смейся, а то смотри, пойду зимой лидером.

- Сперва жирок с себя сгони. И не кричи "топ", пока не перескочил.

Толю обижала добродушная насмешливость Виктора, к которому он. давно уже сильно привязался. Их дружба была замечательной в своем роде. Виктор был уже секретарем комсомола доменного цеха, на производстве считался одним из лучших бригадиров, о его бригаде писали в газетах: она соревновалась с бригадой пожилых рабочих и стала их обгонять, а к концу квартала вышла вперед.

- Старички заволновались, - говорил он Анатолию. - Как же! Молокососы, а оставили их позади. Прямо беда, до чего папаши расстроились!

- А вы не очень задавайтесь. Старые металлурги разберутся, еще покажут вам.

Через некоторое время Виктор признал, что "старички" и вправду разобрались и натянули нос молодым.

- Теперь нам приходится подтягиваться. Уж я кланяться ходил к отцам: поучите! Ничего, дали посмотреть на их работу. Идем к ним на новую выучку.

Толя приходил в восторг от уверенности и в то же время скромности молодых доменщиков. Сам-то он преданно учился у Кучина и, рассказывая фабзайцам об успехах молодых и старых доменщиков, зажег всех в цехе желанием тоже "поддать жару", настоящего мартеновского жару в работе.

Бригада Недосекина между тем была объявлена первой на заводе ударной бригадой.

Не давал Виктор перегнать себя и в спорте. Забирал первые места по футболу, плаванию, лыжам.

Толя все сильнее налегал на физкультуру, "сбивая жирок". На футбольном поле он был уже довольно сильным центром нападения, его брат - неплохим вратарем. Мать с великим огорчением смотрела на их запыленную и разорванную на коленях одежду. Но сыновья, утолив аппетит, торопились дальше. Зимой Анатолий был возмущен, что его не включили в команду по первому лыжному пробегу. Товарищи убеждали его в правильности решения:

- Дело идет о чести всего коллектива.

- Я вам докажу.

В районных соревнованиях он разделил первое место с Виктором. В Нижнем Тагиле он, правда, отстал. На лыжной дорожке славно прошел на глазах у зрителей, и Виктор подумал, что Серов отнимет у него первенство. Но тут произошло маленькое происшествие: Толя увидел среди зрителей надеждинскую девушку, которая ему очень нравилась.

Смутившись, споткнулся и упал. Тотчас уже был на ногах и мчался дальше, но время было упущено. Вот тогда он и разделил первенство с Виктором.

Женя с упреком говорил брату:

- Мог же прийти раньше.

Надеждинская команда на тагильских состязаниях одержала победу и получила право представлять округ на состязаниях по области.

Виктор признавался Анатолию:

- Слушай ты, Тошка - зверь лыжный. Я понимаю, ты все силы вложишь, а своего добьешься. Прямо черт лыжный! И все же сомневаемся, брать ли тебя в команду на областные соревнования? Ты берешь рывком, а тут нужна система. Как бы нам не осрамиться. Весь город волнуется, понимаешь?

- Пройду, не бойтесь за меня.

- Да, пойдешь, пока не поешь. А поешь, так и сядешь.

Наконец команда была составлена. Вошли в нее: Виктор Недосекин капитаном, Анатолий Серов, Игорь Климов, Типикин и Пименов. Маршрут был: Надеждинск - Свердловск. Поход военизированный - в полном снаряжении, идти свыше четырехсот километров - через поля, замерзшие руки, леса и горы. Прийти всей командой, отставших не иметь.

- Отстанешь - всю команду подведешь, - предупреждал Виктор Анатолия.

- Не подведу.

- Дело нешуточное, подумай.

Толя с удивлением взглянул, на упрямого друга:

- Пройду до Свердловска лучше всех.

На встречу нового 1928 года в Первомайском клубе собралось много народу. Пришли отцы, старые и молодые друзья проводить команду в ответственный поход. Пришел и отец Серова. В дружной рабочей семье проводили старый и встретили Новый год. За несколько минут до полуночи вышли на улицу - некоторые даже с непокрытыми головами, но все - с полными бокалами в руках. Команда построилась - в теплых ушанках, полушубках, с винтовками за плечами.

Константин Терентьевич держал в руке секундомер, чтобы засечь время старта.

- Все ли у вас подготовлено? - интересовался старый горняк. - Мазь для лыж берите нашу, уральскую - ни в какие лютые морозы не подведет. Вазелин не забыли? А спирт, молодые люди, употребляйте только в крайнем случае, как я вам говорил. А ну, сынок, покажись отцу.

И сынок, как Остап у Гоголя перед своим батькой Тарасом,

выступил перед отцом, повертывался перед ним, поправляя ремни на груди, гордясь красноармейской винтовкой. В глазах нетерпение.

- Пора, пошли, Виктор?

В точно условленное время был дан старт, прокричали "ура!", и Лыжники сорвались с места, помчались по голубеющей в сумраке дороге и скоро пропали в полночной мгле.

Подготовка к выступлению заняла много времени, и перед стартом молодые люди не успели отдохнуть. Но воодушевленные дружескими проводами, они пробежали первые шестьдесят километров без отдыха. Шли хорошо, бодро, никто не отставал. Затем решили отдохнуть. Зашли в деревню, отметились в сельсовете, где их, конечно, ждали, засекли время привала. Когда стали разуваться в избе, обнаружилось, что у многих стерты ноги. Виктор сердился:

- Боялись поморозиться, намотали себе чересчур много, вот ноги и потерты. Да и у тебя, Тошка, ножки изуродованы. Ну, как ты дальше пойдешь?

- Хочешь, спляшу сейчас?

- Хотя выдержка у тебя имеется, вижу.

- Возьми мою выдержку, дай спиртику - ножки потереть!

Отдохнув, тщательно проверив, как наложены носки и портянки, помчались дальше.

Полагалось ежедневно давать в Надеждинск и в Свердловск телеграммы где идет команда, каково самочувствие. Первые телеграммы приходили аккуратно. Но потом лыжники попали в мороз 47-48 градусов, и было не до телеграмм. В одном селе нашли целую пачку запросов. Виктор смущенно качал головой:

- Нас немножко потеряли.

Были посланы успокоительные отчеты. Весь путь Толя держался превосходно. Порой он сменял Виктора и шел за лидера - прокладывал лыжню. Товарищи потом говорили, что Серов тянул весь пробег.

Однажды, когда, казалось, у самого Анатолия силы были на исходе, но до привала было еще далеко, им встретился странный обоз.

Одна за другой двигались по дороге уральские "кошевки" с сеном. Возы прикрыты тулупами. Лошади весело бежали по направлению к Свердловску, обгоняя наших лыжников. Последняя кошевка проехала мимо Серова.

Он прибавил шагу и бежал за кошевкой. Вдруг, заметив что-то необычное, окликнул возчика, сидевшего с краю:

- Постой, дядя! Сто-ой!..

Крестьянин остановил лошадь. Серов подошел к розвальням.

- А что это у тебя в кошевке?

- Сено, не видишь?

- А не дрова?

- Какие дрова?

- А вон из-под тулупа палка торчит.

Недолго думая, Толя сдернул тулуп. Пришлось употребить усилие, так как лежавший под тулупом человек крепко вцепился в него. Ребята бросились к передним кошевкам. Возчики с великой охотой отошли в сторону и, посмеиваясь, глядели, как на свет зимнего утра вылезали парни с палками и лыжами в руках.

Виктор, сверля ловкачей, своими острыми карими глазами, приветствовал их:

- С приездом!

Те, смущенно поеживаясь, становились на лыжи. На спине у каждого была лента с надписью: "Пермь - Свердловск".

Поднялся оглушительный смех. Виктор посоветовал возчикам продолжать путь. Те подхлестнули лошадей и унеслись вперед, оглядываясь и хохоча во все горло.

Один из пермяков не выдержал:

- Вот черти! Деньги взяли за провоз до Свердловска!

- Поделом вам, - крикнул Анатолий. - Еще не то будет, увидите в Свердловске. Больше уж вам не участвовать в пробегах. А каково-то дома вас встретят!..

- Да мы только чуток сдали, нам бы дух перевести...

- До самого Свердловска? Лихачи! Сдали... Так вот и на фронте будете сдаваться, орлики?

Раздалась команда Виктора:

- Вперед!

Команда понеслась.

Когда один отстал, Серов взял у него винтовку и сам пошел с двойной ношей. Отставший все-таки еле плелся. Анатолий насмешливо закричал:

- Ты что, весельчак, не можешь дойти и налегке? Надо тебе, что ли, как пермякам, сивку подать?

Под общий смех отставший товарищ собрался с духом и пошел быстрей.

Анатолий удивлял друзей бодростью, упорной, не изменявшей ему в самые трудные переходы, когда мороз достигал пятидесяти градусов. Невольно подчинялись его настроению, шли веселее, а он еще подбрасывал шутки. С высоких гор мчался впереди, у него дух захватывало. Спустившись, осматривали друг друга, не побелело ли лицо, энергично растирали снегом щеки и носы и шли дальше и дальше. Бывало, с высоты склона выбегали прямо на речной лед и пересекали речную гладь или мчались

вперед вдоль белых берегов до нужного поворота. Когда шедший позади Наум Пименов замедлял шаг и чувствовалась общая усталость, Толя начинал посмеиваться над ним. Наум был славный товарищ, его любили, хотя за некрасивое лицо прозвали Дугласом - по имени известного своей красотой американского актера.

И тут Серов давал себе волю:

- Ну-ка, Дуга, сосчитай, далеко ли отстал?

- Что врешь, я за тобой первым иду.

- Игорь, - кричал Толя Климову, - погляди, сколько километров от Дуги до последнего?

Шутка простая, непритязательная, но она действует, как электрическая разрядка. Немного посмеются ребята и - вперед, вперед!

"Когда ты тянешься за вторым или за третьим, - вспоминал потом Виктор Недосекин, - тебе не надо думать о пути, ты ничего не видишь, кроме лыж, за которыми идешь. А когда ты первый и ведешь команду, то должен пробивать дорогу, прокладывать лыжню. Так вот Серов большую часть пути шел лидером да еще подбадривал, поддерживал тех, кто сдавал. Мы поражались его силе и выносливости, хотя и сами были не последними среди уральских спортсменов. Так, в хорошей форме мы шли всю трассу, дважды пересекли Уральский хребет, шли проселочными дорогами, переходили через леса и реки. Когда летели по слалому, Серов, домчавшись до конца спуска, бормотал:

- Конкретная горка! - и растирал побелевший нос, В пути пристал к нам человек лет сорока, коренастый, могучий, одетый в теплую и удобную одежду лесника или охотника. Лесничий из Петропавловска! Он шел на лыжах за девятьсот километров прямиком в Уфу. "Собрался к родному дяде в гости, чайку попить с брусничным вареньем. Может, поохотимся вместе".

- Как же вы - в такую даль?...

- А что? Места знакомые еще по партизанским временам. Да ведь по зимнику - одно удовольствие!

В Свердловск надеждинская команда пришла первой. В гостинице им показали газету "Уральский рабочий", где была уже помещена карикатура на пермских лыжников, как они едут в кошевке, палка торчит из-под тулупа и сивка их тащит.

Надеждинцев свердловчане приняли как героев. Выдали им премии и крупные жетоны с изображением лыжника и с надписью "Первый уральский звездный лыжный пробег". Серов шутил:

- Ребятня за нами бежит по улице - узнают по этим бляхам. Здоровенные, бляхи, как у носильщиков.

- Ничего, будет что внукам показать.

- А покамест покажем нашим дедам, чтобы гордились внуками.

Надеждинская команда в полном составе была послана представлять Урал на Первую Всесоюзную спартакиаду. К ним присоединили еще трех лучших лыжников из Тагильского и Асбестовского рудников. Первоначальный маршрут намечался Свердловск - Москва, но Высший совет по делам физкультуры, проверив дистанцию, отменил его: в лесах и на трактах встречались тогда стаи волков. Новое распоряжение было - стартовать уральцам из Ярославля, куда они добрались поездом. По условиям состязания предстояло пройти 270 километров до Москвы за два с половиной дня.

Старт был назначен на первое февраля. В ожидании прибытия других команд уральцы поселились в гостинице. Знакомились с городом, дивились старинной русской архитектуре, ходили на лыжах в окрестностях и однажды неожиданно наткнулись на движущуюся снежную массу: казалось, ожившие сугробы стремительно идут на них по Волге. Приблизившись, сугробы превратились в людей.

- Вот это маскировка! - восхищался Анатолий. - Даже я не догадался, что это красноармейцы, а у меня ведь зрение сверхотличное, как у отца.

Со свойственной ему впечатлительностью, он впитывал в себя все новое, все, что имело отношение к его будущей службе в Красной Армии, о чем он не переставал думать. И теперь, как зачарованный, смотрел вслед удалявшемуся отряду.

В день старта повалил мокрый снег. Он прилипал к лыжам. Передвигаться было почти невозможно. Этого уральцы не предвидели. Мазь, взятая из дому, годилась при морозе не меньше двадцати градусов, а при теплой погоде была бесполезна. Все-таки двинулись. Пятьдесят километров до Ростова одолели с большим напряжением.

- В жизни такого не бывало, - возмущался Виктор, уже ставший как бы природным северянином-уральцем. - Ребята, что будем делать?

На ум пришла естественная мысль - взять мазь у ярославцев, у них должна быть подходящая, и они в порядке товарищества, конечно, выручили бы их. Но Анатолий напомнил:

- Поход военизированный. Тут могут быть всякие военные хитрости. Надо глядеть в оба. Соскабливайте мазь и пошли дальше.

Виктор согласился с этим. Идти было тяжело, да и дорога шла незнакомая. Горькой показалась уральцам минута, когда их обогнала команда ярославцев. Те насмешливо оглядывались на

пропускавших их уральцев и покрикивали:

- Валяйте по нашему следу! Завтра будете в переяславской гостинице. Мы там заказали отличные номера! Может, вы нас еще застанете. А нет, так займете номера после нас.

Помрачневшие уральцы, рискуя выйти из соревнования, остановились на ночевку в деревне.

Поутру, проснувшись раньше всех и выйдя на улицу, Анатолий ворвался в избу с известием:

- Подъем! Подъем, ребятушки! Погода наша. Морозец не меньше двадцати пяти градусов. И обещает еще усилиться. Ура!

- Ура! Ура! - заорали в ответ.

Быстренько подкрепились, смазали лыжи и пошли.

Хоть мороз и не совсем уральский, но ничего, идем, как дома.

Он и его товарищи испытывали большой душевный подъем, особенно ощутимый после вчерашнего невезения. В середине дня догнали ярославцев. Те порядком приуныли. Кое-кто успел поморозиться, у некоторых головы были закутаны полотенцами и шарфами.

- Поморозили носы? - посмеивались уральцы. - Ничего, приходите в Переяславль, мы вам носики разотрем!

- Угостим чайком с брусникой!

- Сердечно примем вас в лучших номерах... тех самых!

Ярославцы махали им вслед кулаками, хотя и сами не могли не усмехнуться: действительно, положение их становилось комичным.

Мороз все крепчал. Анатолий ушел далеко вперед и пропал из виду. На зов не откликался. Наконец, встревоженные товарищи нашли его лежащим на снегу возле крайней избушки деревни. Виктор озабоченно всматривался в него.

- Мы уж боялись, что ты пошел волкам на завтрак. А ну, вставай.

- Я уже встал! - поднялся Анатолий. - Вас дожидался.

В избе отдохнули и побежали дальше. Серов опять впереди, но уже не отрывается, идет хорошо. Так - до самого Переяславля. Там им дали "те самые" лучшие номера, заказанные заранее, - видно, их приняли за ярославцев.

- Чудные комнаты, - хохотал Серов. - Располагайтесь, ребятушки.

Здесь обнаружилось, что у него пьексы примерзли к ногам.

Виктор вскричал:

- Как же ты шел?!

- Вот почему ты "дожидался" нас, валяясь на снегу, - догадался Климов.

Пьексы надрезали и стянули с ног. Натерли Анатолию ноги

снегом, потом спиртом. На другое утро Серов проснулся как всегда первым и увидел, что ноги распухли. Смазав их гусиным жиром, он обулся. Разбудил друзей:

- Подъем! Финиш назначен на девять!

Все повскакали с постелей, привели себя в порядок и стали на лыжи. Виктор весело прокричал: "Вперед!", и команда полетела, обуреваемая золотой надеждой, что придет первой.

В пригород Пушкино, где был назначен финиш, они пришли действительно первыми. На месте финиша - ни души. Взглянули на часы, и загремел веселый хохот: стрелки показывали четыре часа утра.

- Вот это победа! Мы пришли на пять часов раньше назначенного часа! Даже судей еще нет на месте.

- Что делать? Если пойдем отдыхать, еще, чего доброго, заснем, а тут ярославцы припожалуют. Пропишут нам за то, что мы в Переяславле заняли их комнаты.

Послали Игоря Климова на поиски. Тот привел товарищей из местной заводской организации. Торжественно засекли время. Поздравили уральцев с победой.

- Однако не только ярославцы идут. Ждем лыжников из других городов. Будут учитываться условия пробега, так что окончательная победа может оказаться у другой команды.

В назначенное время судьи были на местах, стали подходить соревнующиеся команды. Когда объявили результаты, выяснилась полная победа уральцев. Они взяли первенство на скорость, а первое место на дальность разделили с архангельцами. Были вручены награды и дипломы победителям.

Несколько дней уральцы провели в Москве, ходили по ее улицам и площадям, любовались Кремлем и Москвой-рекой. На Красной площади стояли долго, полные большого, радостного чувства.

В Москве Анатолий встретился с младшим братом, принимавшим участие в хоккейных состязаниях, и разыскал старшую сестру Ксану. Вместе сфотографировались на память об этих чудесных днях.

Наконец воротились в родной Надеждинск. Команда была встречена с почетом. Все население Надеждинска гордилось победой своей команды, состоявшей из молодых рабочих-сталеваров, доменщиков, прокатчиков.

Лыжное искусство Серова было уже общепризнано. Анатолий добивался новых успехов, пока не прошла уральская зима. Он первый в Надеждинске организовал конно-лыжный спорт. В ряд становились три-четыре лошади с верховыми. Лыжники держались за длинные, привязанные к хомутам веревки, не

наматывал их на руки. Верховые подстегивали Лошадей. Начинался стремительный бег. Лыжники мчались за конями, держась за веревочные вожжи. Анатолий ни разу не оторвался от сильных коней и с необыкновенным увлечением летел вперед, сам как бы равный им по силе, да еще помноженной на ловкость и выдержку. И тут уж никто не мог его обогнать.

Летать!

Лыжный спорт вызвал в Анатолии жажду еще больших скоростей, мечта об авиации уже не потухала, а разгоралась все сильней. Впоследствии он как-то сказал:

- Стремительные спуски с гор на лыжах, прыжки с естественных трамплинов - не они ли первые пробудили во мне мысль о полетах?

Но, как мы знаем, он сам признавался, что эти мечты одолевали его с детских лет и еще тогда он искал осуществления их.

Отец ему давно внушал, что, если хочешь летать по небу, научись как следует ходить по земле. И Анатолий сам говорил, что "в жизни так не бывает, чтобы человеку ни с того ни с сего вдруг захотелось летать, когда он и по земле-то не умеет ходить как следует". Ходить по земле - это значило не только физически, но и духовно овладевать знанием техники, жизни, задач своего общества и своих собственных.

Серов писал: "Я принадлежу к тому поколению людей, которое с юных лет воспитывалось в стране социализма. В мир, завоеванный нашими отцами и старшими братьями, мы вошли как наследники, которым по праву принадлежат все богатства нашей Родины.

Передовые идеи века мы впитывали в себя с молоком матери. То, что рудники и заводы могли когда-то принадлежать маленькой горсточке людей, казалось нам диким и нелепым, - ведь при нас капиталистов уже не было! Мы жадно слушали рассказы о том, как большевики, партизаны, красногвардейцы сражались в гражданской войне, как они победили Колчака и прочих баронов и генералов. Мы хотели быть похожими на этих большевиков, которые завоевали нам свободную жизнь; мы мечтали о подвигах, о славе, и хотя в этих мечтах было много детского и смешного, но всегда они были связаны с мыслями о Родине.

В книгах мы искали любимых героев, которым можно было подражать. И сама жизнь учила нас и разжигала в нас стремление к мечтам и будущим большим делам".

Шел 1929 год - год великого перелома. Открывалась новая страница нашей истории. Уже определились решающие успехи

социалистической индустриализации. Совершалась революция в деревне - происходила ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Сельское хозяйство перестраивалось на колхозный лад. В стране вырастали новые города, заводы, строились новые вузы.

И по рекам, по железным дорогам и воздушным путям народ посылал своих детей осваивать необъятные просторы Родины. Молодежь приходила на новые места, чтобы строить и учиться.

Это был год великого перелома и в личной судьбе Анатолия. Он уже работал вторым подручным сталевара. Вместе с ним держал выпускные экзамены и его младший брат. Осенью в Надеждинске должен был открыться горный техникум с двумя отделениями - горным и металлургическим. Евгений решил поступить на металлургическое отделение и стать специалистом мартеновского дела.

Виктор Недосекин собирался на строительство Уральского машиностроительного завода. Он звал с собой Анатолия.

- Слушай, это же громадное дело, понимаешь? Гигантская стройка всесоюзного значения. Для нас, если хочешь, целый университет.

- Неужели мы расстанемся?! - с грустью отвечал Толя. - Ты же понимаешь, у меня другие планы.

- Да что с тобой говорить. Всем известно - только и мечтаешь о летной школе.

- Разве ты не хотел бы стать авиатором? В тебе есть все качества умственное развитие, физическая закалка, отличное зрение, ловкость, легкость замечательная - отсутствие лишнего веса. Виктор, идем в истребители! Идем!

Но решение Виктора было твердо. Он шел своей дорогой.

Оба грустили, ожидая, когда наступит час разлуки. Но молодые сердца были переполнены предчувствием начала чего-то большого и прекрасного впереди.

Однажды они сошлись на пути к заводу. Анатолия вызвали в райком комсомола.

- Не знаешь, зачем вызывают? - спросил он друга.

- Получены путевки.

- Какие путевки?

- Есть в Кунгурский машиностроительный институт.

- Я подавал заявление в летную школу, - сказал разочарованно Анатолий и замедлил шаги.

- Кажется, что-то есть, - загадочно улыбнулся Виктор. - Ты слыхал ведь - объявлен массовый призыв молодежи в авиацию.

- Что ты сказал?!

- Вот газета, читай. Комсомольский призыв.

Анатолий схватил "Комсомольскую правду". Несколько раз прочитал сообщение.

И бросился вперед бегом.

- Скорей в райком! Скорей!.. А есть путевки?

- Не знаю, - Виктор едва поспевал за Анатолием. В райкоме они попали в толпу молодежи. Толя, подняв газету, протиснулся к Туеву. Иван испытующе взглянул на юношу.

- Не раздумал?

- Не раздумал? Ты о чем?

- Летать!

- Иван! Что ты спрашиваешь!.. Надо о путевках узнать. Ведь мы черт-те как далеко, путевки могут не дойти до Надеждинска! Понимаешь? Их перехватят еще в Свердловске. Иван!

- Да скажи ему, Ваня, не томи, - крикнул Виктор.

- Пришли путевки. Целых три. Даем их - одну тебе, Анатолий. Вот, - он протянул Толе, не верящему своим глазам, драгоценную путевку, - и еще двоим товарищам.

Дрожащими руками Серов схватил бумажку и ринулся было к двери. Туев удержал его.

- Лучшим комсомольцам вручаем, помни. Комсомол за тебя ручается.

- Спасибо. Оправдаю. Я...

- Постой, Серов. Ты все-таки подумай. Посоветуйся с родными. Это уже не мечта, а серьезный шаг в жизни. Нелегко стать летчиком, а тем более таким, чтобы мы гордились им. А отступать будет неловко.

Завтра с ответом придешь. Сегодня и слушать не буду. Иди, друг.

Родители уже давно готовились к этой минуте. Внешне они были спокойны. Отец с бодрым видом шагал по комнате. Мать только гладила сына по крутому сильному плечу, стараясь удержать слезы. Он молча целовал материнское лицо, внезапно поняв ее тревогу.

Бабушка, мать Константина Терентьевича, всплескивала руками и качала головой:

- Ай да Серов... Ай да Серов!.. В авиаторы пошел!.. А помнишь, Костя, твой отец тоже сказывал сказку про Серова-стрелка, летал ведь! Что ли при царе Петре Великом?

Константин Терентьевич отмахнулся было: что это бабка вроде даже довольная сидит. Но бабушка настаивала:

- Был ведь, был такой стрелок. Летал. Сам и аэроплан смастерил.

- Бабушка, был. Стрелец, воин русский. Был! Спасибо, что напомнили. Он обнимал бабушку, опять возвращался к матери. -

Не бойся, все будет замечательно хорошо. Не волнуйся, мамашенька, я же себя знаю.

- Один Серов по воздуху летал, другой под землей руду царю добывал, задумчиво говорила бабушка. - Как же, мне ли забыть! Как заболел наш-то, все говорил: "Увидишь, Дунюшка, будем летать, мы, Серовы, мы таковские... Стрелец-де упал, а его не забыли, ученые его помнят! Спроси у школьного учителя, он знает, наверно. Наши будут и недра, и небо". Мне ли забыть? А сам-то все надеялся увидеть... Я, говорит, за тридцать перешел, я сильный. Другие - послабже... шахтерский век - тридцать лет, а я... Не дожил и до тридцати четырех мой Тереша.

Под ее тихий говор, отец, заглушая её и -как бы возражая, твердо внушал сыну:

- Я, Толя, всегда верил в тебя. Знаю, что из тебя выйдет настоящий уралец - летчик ли, сталевар, инженер... Ведь горное дело - великая вещь, интересная, ты знаешь.

- Знаю, папа. Я же с тобой все речки изъездил, во всех шахтах бывал. Мне горное дело нравится. И металлургия. Но если меня не примут в авиацию на этот раз, я все равно буду еще и еще готовиться и поступлю, наконец. Ты знаешь меня.

- Я тебя знаю, - отвечал отец с гордостью и затаенной печалью.

Мать с надеждой говорила:

- Еще экзамены впереди. Может, еще провалишься.

Заходили приятели. Некоторые отговаривали, другие радовались за Толю, гордились им:

- Эх, Тошка - зверь лыжный! Ты хоть карточку подари на память.

Толя отправился в цех. Старший мастер уже знал. Прощаясь с Серовым, спросил на всякий случай:

- А то останешься? Первым подручным.

- Это большая честь для меня, Иван Алексеевич.

- Будем с тобой греметь на всю страну. Слово даю - уральское!

- Иван Алексеевич! Я вам уже сколько раз говорил - ваша наука не пропадет. Может, самое главное, что мне нужно в жизни, я получил на заводе, у вас. Спасибо.

Он обнял Кучина так, что тот закряхтел.

- Силен, - сказал тот, переводя дыхание. - Что ж, Тоша, полюбуйся напоследок на нашу стопятидесятитонную. В другой раз увидишь уже не ее, пожалуй.

Идет новейшая техника... С заводом простился? Везде побывал?

- Никого не забыл, Иван Алексеевич.

- Улетаете, соколы, - качнул головой старый рабочий. - Жалко мне и Виктора, хотя и серчал на него - он отбивал тебя, не давал нам с тобой времени, таскал смотреть свои победы в доменном, подумаешь! А жалко все-таки. Улетаете.

- Да, расходимся в разные стороны.

- Ну, нет. Советская дорожка одна. Ведет она и через Надеждинский, и через Уралмашзавод, и через Москву, и через воздушный тракт - под облаками и выше их. Думаешь, я - в стороне от стежки? Как бы не так! Через мои руки прошла первая наша сталь для авиации, так? Теперь человека выпускаю, эта сталь должна быть высокого качества. Не забывай, Тошка.

Кучин проводил его до заводских ворот и долго глядел вслед своему любимцу.

Вступительные экзамены Анатолий держал в Нижнем Тагиле. Медицинский осмотр он уже прошел и был признан годным для службы в авиации. Анатолий усиленно занимался перед экзаменами, в особенности математикой.

С сияющим лицом ворвался он, как ветер, в комнату своего приятеля Игоря Климова, жившего в Нижнем Тагиле.

- Игорь, еду! В летную школу, Игорь, друг! Вот направление, смотри. "В Вольскую теоретическую школу пилотов". Ура! Дай я тебя еще раз обниму как следует.

- Нет уж, уволь! - Игорь увернулся. - Хватит тебе мои кости ломать. Пойдем лучше на воздух.

До поздней ночи они ходили по городу, вспоминая прошлое, забираясь в далекое будущее.

Часть II. Летчик-истребитель

Школа пилотов

Дождями и грозами встретил Вольск новичков летной школы. Шли с запада черные тучи с громами и молниями. Волга сердито катила помутневшие волны. Хлещущий ветер носился по высокому берегу. А на сердце было солнечно. Открывалась дверь в жизнь, в ту жизнь, какую эти юноши и считали настоящей. И сколь ни крутилась в воздухе непогода, сколь ни пытался сбить их с ног шальной ветер, они подставляли ему грудь и смеялись - молодые и полные сил. Впереди все будет прекрасно! Так, как и должно быть у молодости.

А там, глядишь, и в самом деле, Волга, ветер, небо сменили гнев на милость, засверкал май светом и теплом.

В эти переменчивые весенние дни входил Анатолий в обстановку военной школы.

Командование и курсантский состав по традиции тепло встретили новичков. Устроили для них вечер самодеятельности, познакомили с жизнью клуба, с его сетью спортивных и

художественных кружков. Анатолий сразу же записался в футбольную команду и, так как он неплохим был гитаристом, - в струнный оркестр.

Постепенно знакомили с уставом, давая осмотреться и освоиться. И, главное, начинали учить. Учеба была уже началом военной службы. "В общем, скучать нам не дают", - писал Анатолий родным.

Неугомонный и самолюбивый, он не скоро привык к уставным требованиям. Приходилось выслушивать строгие замечания, а то и получать взыскания. И поделом: однажды, например, ушел в город, не получив на то разрешения; в другой раз, получив увольнительную, вернулся с опозданием; или затеет шумный разговор и смех в столовой, или, еще хуже, вступит в пререкания с ближайшим начальством. Взыскания переживал тяжело. Но старался побороть обиду, и она переходила в осуждение собственной недисциплинированности. Уральский парень с душой нараспашку, привыкший к простоте обращения со старшими, озорной и увлекающийся "Тошка - зверь лыжный" должен был превратиться в собранного, подтянутого, образцового военного курсанта. Без этого нет бойца, нет командира, не получится настоящего летчика. Анатолий это уже понимал. Очень помогала в этом самовоспитании воли и выдержки комсомольская организация Вольской теоретической школы.

"Комсомольская семья всюду едина, - Серов вспоминал потом, - и на заводе, и в колхозе, и в воинской части, и на боевом корабле. Комсомол всегда и везде работает с каждым в отдельности, воспитывает в нем коммунистические качества.

В Вольской теоретической школе у меня бывали случаи недисциплинированности. Комсомольская организация и командование помогли мне устранить этот недостаток, привили любовь к воинской дисциплине. Так шаг за шагом комсомол воспитывал во мне новые, нужные каждому советскому гражданину черты: дисциплину, любовь к труду, знания, любовь к Родине".

Курсанты в шутку называли теоретическую школу "теркой", не только упрощая этим ее название, но и придавая ей значение своего рода чистилища. И потом, будучи уже заслуженными командирами, с благодарностью вспоминали своих учителей по "терке". Школа давала им необходимую подготовку к вступлению в воздушный строй.

Ко всему этому Анатолий не забывал напутствия секретаря своей комсомольской организации по фабзавучу:

- За тебя ручается комсомол.

В Вольской школе не было практических занятий по полетам.

Курсанты изучали материальную часть - авиамоторы, самолеты различных систем, слушали лекции по самолетовождению и аэронавигации.

Любимейшим предметом Серова была теория самолетовождения. Его увлекала также история развития авиационной мысли, прошлое русской авиации, первые летчики - М. Ефимов, Н. Попов, А. Васильев, Л. Мацыевич, П. Нестеров, которые на собственном опыте создавали науку о полетах, рискуя жизнью при каждом новом приеме в полете. Имя Нестерова было ему знакомо давно. Теперь же, в школе, он смог оценить значение его дерзких открытий в искусстве пилотирования. Многое из того, чему учили курсантов, восходило своими истоками к Нестерову, основоположнику высшего пилотажа. Как жадно Серов читал все, что находил в библиотеке о бесстрашном русском летчике!

По вечерам в общежитии курсанты обсуждали впечатления дня, лекции, особенности авиамоторов. Порой заходили преподаватели. Часто бывал Дашин, летчик одного из первых выпусков советской летной школы. Дашин был солдатом еще в первую мировую войну. До нее он служил механиком. Грамотный и технически образованный молодой человек, он несколько раз подавал прошение о зачислении его в летную школу, но неизменно получал отказы и даже угрозы наказанием за непозволительную настойчивость: в школы военных летчиков, как правило, принимались лица из дворян и офицеров. Прошел он гражданскую войну и по ее окончании добрался пешком в Егорьевскую летную школу - в рваных сапогах, с солдатской сумкой за плечами и с краюхой хлеба, завернутой в чистую тряпицу.

- Мы сами ремонтировали здание школы, раздобывали топливо и продукты, недоедали, мерзли. Время было трудное, разруха, нехватки, куда ни кинь. Но учились упорно! Учебников было мало, да и какие это учебники!.. Наши" учителя на практике показывали нам, "как это делается", и мы повторяли их уроки. Потом вечером собирались и делились всем новым, что поняли. Манипулировали руками, пальцами, изображая все стадии полета. На своих же ошибках совершенствовали свои познания. Выдержать это могли только те, кто действительно хотел летать. Со мной учились тогда Чкалов и Анисимов замечательные летчики!

А наши учителя - вот кто любил воздух, ручку управления, просто не мог жить без полетов. Дерзкие, совершенно бесстрашные люди. Про них говорили: летают, как боги. Правда, были и такие из них, которые считали сами себя "богами" и, пользуясь нехваткой специалистов, явно злоупотребляли своим

положением, нарушали дисциплину, летали по желанию, безбожно третировали нас, учлетов. Попадешь к такому - значит полностью будешь зависеть от его произвола. Захочет - научит, не захочет - завалит, т. е. до того вымотает в воздухе, что парень сам взмолится об увольнении "за отсутствием летных данных". Я знал одного такого "бога". Он, бывало, пьяный приходил на аэродром, взлетал и бил машины. И ему сходило. И еще приговаривал: "Тот не летчик, кто не бил машины".

- Нестеров же не имел ни одной аварии! - вспоминал Серов.

- И от вас народ требует бережного отношения к самолету. Ведь рабочие многих заводов строили его для вас.

- А правда, что летать могут только особо одаренные, что летчиком нужно родиться?

- Неправда! Мы научим летать каждого здорового человека.

Дашин сказал, что начался переход к массовой авиации. Эти слова поразили Анатолия. Ведь он сам в душе представлял себе авиаторов людьми особого склада, исключительно храбрых, дерзновенных героев, способных на любой риск. Не все же обладают такими качествами. Но, оказывается, эти качества можно воспитывать в человеке.

И его восхитила другая мысль - о создании многочисленной армии воздушных бойцов, стремительных и непобедимых, составляющих вместе грозную силу для врага.

Летная школа пестовала героев. И не героев-одиночек, а тысячи подлинных сынов народа, его гордость и славу. Тысячи! И не только в военной авиации. По всей стране возникали аэроклубы. Работая на заводах, занимаясь в вузах, молодежь в свободное время обучалась летному делу. Росла массовая гражданская авиация. Как раз в те дни Алексей Максимович Горький писал:

"Наша цель внушить молодежи любовь и веру в жизнь, Мы хотим научить людей героизму. Нужно, чтобы человек понял, что он творец и господин мира, что на нем лежит ответственность за все несчастия на земле и ему же предстоит слава за все доброе, что есть в жизни". Анатолий не раз перечитывал эти слова - они находили живой отклик в его бесстрашной и доброй натуре.

Именно здесь, в Вольске, Серов впервые узнал о Чкалове. "Мы тогда не летали, мы изучали мотор, - вспоминал Анатолий, - сидели над авиационными учебниками. И вот тут в мою жизнь вошла легенда о человеке с сердцем орла и умом ученого".

Имя Чкалова не раз произносили преподаватели школы. Дашин рассказывал, как учился с ним в Егорьевске. В газетах появлялось это имя, волнуя и будоража воображение молодежи.

Чкалов!

Кто был этот человек, откуда пришел в авиацию, в чем таились причины его успеха, славы?

Внук и правнук волжских бурлаков, сын мастера котельного цеха, Валерий Павлович родился 20 января (ст. ст.) 1904 года. Он был на шесть лет старше Анатолия Серова. Как и его "младший брат" (прозвище, которое впоследствии летчики дали Серову), Чкалов с детства любил русское приволье. Он был таким же лихим пловцом на Волге, как Серов - лыжником на зимниках Северного Урала. И так же с детских лет мечтал о самолете.

На шестнадцатом году Валерий был принят в авиационный парк слесарем по ремонту самолетов. Летчики иногда брали его в полет. Потом уж он учился летать в Егорьевске и Борисоглебске.

Серов все внимательнее прислушивался к этому имени, вызывал на разговоры о нем тех, кто его знал или видел, со жгучим вниманием слушал описания его необычных полетов, вычерчивал в своем блокноте схемы этих полетов и фигур высшего пилотажа. Дашин заметил это и однажды долго ходил с Анатолием по берегу Волги, рассказывая о Чкалове.

- В Егорьевской школе Валерий, как и все мы, выполнял разные работы: мыл и чистил машины, строил ангар. Мы переоборудовали для него старый кавалерийский манеж - и... он летал! Сначала с инструктором, потом самостоятельно. Летным искусством овладел быстро. Сразу стал проявлять характер в полете. Стиль управления у него был всегда решительный. Посадка безукоризненная, а это уже класс! Высокий класс овладения летным делом.

- Почему некоторые считают, что он зря рискует машиной и собой?

- Рискует?.. Да знаете ли вы, что никто так точно, до конца не знает возможности самолета, как Валерий -Павлович? Многие считают его полеты озорством. С ним спорят, его ругают порой. А он может с математической точностью доказать правильность своего самого невероятного эксперимента. Чкалов продумывает и точно рассчитывает свои новые полеты. Только позавидовать можно такому знанию и искусству. Он сам учился в летных школах - изучал высший пилотаж, технику воздушного боя... И вот мы и вы будем теперь учиться на его экспериментах.

Так Чкалов стал для Серова идеалом летчика. Через десять лет он писал об этом:

"Факты из его жизни представали перед нами, неоперившимися птенцами, как подлинные чудеса... Его пример воспламенял нас, молодых авиаторов, открывал перед нами увлекательные перспективы, вызывал желание учиться у него, подражать ему... Величие и обаяние Чкалова давно уже пленили

нас, молодых летчиков. Я и мои товарищи, летчики-истребители, росли и формировались под влиянием Чкалова. Не скрою, что желание подражать Чкалову когда-то овладело всем моим существом настолько, что одно время даже и ходить-то я начал по-чкаловски - медленно и слегка раскачиваясь..."

К изучению самолета Серов подходил с непередаваемым чувством острого, страстного интереса. Помня о Чкалове, которого он еще не видел, он понял уже, как важно точное и полное знание машины - материальной части, законов конструкции самолета, взаимодействия его составных частей, технических секретов управления летной машиной.

В специальном помещении, где курсанты изучали авиатехнику, Анатолий работал как заправский моторист. Попадались молодые курсанты, которые посмеивались над ним:

- На механика учишься? Наше дело летать, управлять самолетом.

- А Нестеров? Хотите быть настоящими пилотами, как он? Так вот он сам конструировал самолет. А Чкалов - его биография начинается с ремонтных работ в авиационном парке.

- Когда это было! Теперь эту работу производят техники и мотористы.

- И получится из тебя жалкий гробарь. Вот эта сталь варилась моими руками, в машину такой труд вложен! С какой стати мы будем ее гробить? Нет, аварийщикам я не подражаю. Вот, смотри.

Он показал свои записи, которые вел систематически, - о различных системах машин, разной степени их грузоподъемности, управляемости, скорости. Об этом, конечно, было в лекциях, учебниках, но была еще и живая мысль в словах лектора, моториста, авиатехника, инженера, которую талантливый юноша схватывал на лету.

Многие курсанты уважали Серова и следовали его примеру, перенимали его горячность в учебе и работе.

Он же радовался их успехам, помогал, подтягивал. Он уже тогда умел внушить товарищу чувство уверенности и локтя друга. У Серова был дар веры в человека, и присущий ему, и воспитанный в хорошей заводской школе.

На него уже находила тоска по полету. Да и остальные курсанты, освоившись с техникой, с нетерпением ждали испытаний и перевода в практическую школу пилотов. Анатолий негодовал, что так долго тянется "терка", бывал вспыльчив и несдержан, но только получал за это нарекания начальства. Друзья, полюбившие Серова, старались остудить его пыл, чтобы лишний раз не подвести под взыскание. Напоминали курсанту его собственные слова:

- Сколько школ прошел Чкалов, прежде чем вступить в строй! А тебе уже в "терке" не терпится. Это тебе не конек-горбунок, которого только хвать за гриву и полетел в поднебесье. Конечно, Иванушка-дурачок "терки" не проходил.

Анатолий смеялся. На шутку он не сердился, умел понимать юмор. Снова брался за учебник.

Выпускные экзамены прошли успешно. Было отмечено, что Серов хорошо усвоил военные и общественно-политические предметы, проявил самостоятельность в выполнении тактических задач, решения принимал быстро и правильно, при рулежке самолета на земле (один из видов практического ознакомления с самолетом в теоретической школе) не обнаружил ни растерянности, ни тормозности.

Несколько портила характеристику графа о взысканиях. Но они были уже в прошлом. Командование дало заключение, что курсант Серов переводится в практическую школу военных летчиков.

Толя получил отпуск и поехал домой.

Как стучит сердце в это раннее утро! Какими милыми и маленькими кажутся невзрачные улицы рабочего города. "Наверно, я уже вырос, - думает Анатолий, - раз они показались мне меньше, чем прежде!"

Рабочие идут на завод. Многие знают Тошку, приветливо окликают его, останавливаются, оглядывают его с головы до пят - ишь, изменился ведь, совсем другой! Выправка! Откуда у тебя эта военная косточка, а?

В окне родного дома показалось лицо матери. Она с самого рассвета поджидает его.

- Сын!..

- Толя приехал! Толя приехал!.. - бегут навстречу сестры и младший брат. Евгений тоже подрос, подтянулся - молодой сталевар!

Мать угощает Анатолия пышками. Уже готовы его любимые сибирские пельмени. Сестры - Ксения, Агния, Надя, Маргарита, узнав, что он еще даже и не летал, разочарованно и удивленно смотрят на него.

Где же отец? Ушел на завод? Анатолий срывается с места и убегает туда, в цех, походить по заводу, всех повидать.

Отец. Высокий, прямой, издали увидел сына. На ходу остановился, подождал его. И опять:

- А ну, покажись, сынку. Жирок-то поубавил? Вроде стал мускулистее.

- Правда? - вспыхнув, переспрашивает сын. - Мы там здорово налегали на физкультуру.

В мартеновском цехе у печи № 9 - у той же родимой старушки! - стоит все тот же светлоусый Иван Алексеевич. "Давай шуруй", - говорит он любимому ученику после горячего объятия. И Анатолий остается, помогает первому подручному. Сильным и точным ударом пробивает Летку и радостным восклицанием приветствует поток расплавленного металла. Как все это прекрасно, как близко его душе! Яркий свет пламени, темная глубина цеха, спокойные и уверенные движения рабочих - знакомая картина, врезавшаяся в душу на всю жизнь. Анатолий закрывает летку, ловко бросает магнезит с лопаты... Как будто снова стал подручным - все правильно...

Сталевар глядит на своих молодых помощников - смотрите, какого сокола я вырастил в мартеновском!

Толя побывал в ФЗУ, поговорил с новыми фабзайцами, и они с сожалением простились с ним - еще и еще просили их глаза рассказов о самолетах, о Валерии Чкалове. Вечером он встретился с товарищами на комсомольском собрании и там дал полный отчет об успехах и неудачах, о заслуженных взысканиях. Его пожурили, но в общем были рады высоким оценкам его учебы и на прощание дали наказ в следующий отпуск привезти еще более славные результаты. Звали на вечеринки, в новые молодежные походы. Но ему не сиделось в родном городе, и, едва дождавшись конца отпуска, он умчался к месту назначения - в Оренбургскую школу военных летчиков.

Готов к полету!

Раннее утро. Тихо в курсантской спальне. Крепок сон молодежи. Но в установленный час в дверях появляется фигура дежурного.

- Подъем!..

Через полминуты курсанты уже на ногах. Строем идут на аэродром.

В голубоватой мгле рассвета вырисовываются очертания ангаров.

Курсанты останавливаются. К ним подходит старший техник. Старшина докладывает:

- Товарищ старший техник! Курсанты подразделения прибыли в ваше распоряжение для подготовки материальной части.

Техник делает расчет, дает указания.

- Еще темно. Будьте осторожны. Машины сопровождайте внимательно, смотрите, чтобы они не столкнулись в темноте.

Самолеты выводят из ангаров. Курсанты с особой тщательностью готовят машины к полету. Сегодня новички впервые поднимутся в воздух с инструктором. В каждом сердце

волнение и тревога: как ты поведешь себя в полете? Узнаешь ли сверху свой аэродром? Правильно ли ответишь на вопросы инструктора? Не растеряешь ли ясность и четкость наблюдения? Ведь это твой первый экзамен в воздухе!

Серов давно уже готовился к этому испытанию. Машину он знает хорошо, насколько ее можно знать, еще не летая ни разу. "Кажется, изучил ее до последнего винтика", - думал он в последние дни. Но вот инструктор ставит новые задачи, и опять оказывается, что еще не все знает, не совсем подготовлен...

Машины на "красной линии". Отсюда, управляемые инструкторами, они перелетают на старт. Тем временем курсанты скорым шагом, строем проходят это расстояние и располагаются у старта, каждая группа - на своем месте.

Инструктор Василий Бушев подходит к группе. Молодежь подтягивается. Бушев говорит:

- Товарищи курсанты, сегодня я буду летать с каждым из вас. От вас требуется в полете прежде всего внимательность. Следите за машиной и за горизонтом. Учитесь быть по-настоящему бдительными в воздухе. Летчик управляет машиной руками и ногами, видит работу приборов и следит за ее положением в отношении горизонта. Его ухо улавливает малейшие изменения в работе мотора. Всем своим существом летчик чувствует и контролирует машину. Чуть зазевался - машина, как зверь, тотчас вырвется из-под управления. Тогда пеняй на себя. Задача летчика - полностью подчинить машину своей воле. Окинув пытливым взглядом своих подопечных, он добавляет: - Сегодня будем летать по кругу. Товарищ Серов, приготовьтесь к полету с инструктором.

- Есть приготовиться к полету.

Они подходят к машине. Это учебный самолет "У-2". Только учебная... Но это самолет. Первая птица, которая поднимет его на своих крыльях. Толя, не вспомнил ли ты в эту минуту свой "полет" с полотняными крыльями или тот громадный змей, который так и не поднял тебя над землей? Вспомнил! Но нельзя отвлекаться, друг. Учебная только. Но пусть ее "потолок" всего 2500 метров, а максимальная скорость - 130 километров в час. Не в этом дело! Скорость "фармана", на котором учился летать Нестеров, была не больше 50 километров... Дело в главном - в полете!

Бушев занимает свое место в передней кабине. Серов - в задней. Инструктор строго предупреждает:

- Управление не трогать. Следить за показаниями приборов.

Серов повторяет слова Бушева. Но голос заглушается ревом мотора. Машина как бы оживает. Анатолий чувствует своим

телом, сердцем это биение пульса машины, еще чужой... Да, она вдруг стала чужой, незнакомой. Одно дело книги и лекции, другое - живое общение с этим летающим, крылатым коньком!

Инструктор поднимает руку. Стартер взмахивает флажком. Мотор ревет все сильнее, яростней, машина катится вперед быстрей, быстрей. Анатолий с удивлением замечает, что она уже удаляется от земли. Как это он пропустил то мгновение, когда самолет оторвался от взлетного поля? Порыжевшая трава уходит назад, будто выскальзывает из-под ног ковровая дорожка. Самолет набирает высоту. Вдруг покачнулись справа ангары, земля встала дыбом! Ого! Это машина делает правый крен, вираж? В ту же минуту она выравнивается, и Серов видит ровную линию горизонта: самолет идет по кругу.

Вспомнив указания инструктора, Анатолий смотрит на приборы, отмечает в памяти показания высоты, скорости, температуры масла. Потом впивается глазами в землю, стараясь разобрать "ориентиры", т. е. здания, деревья, все знакомые предметы, которые возвышаются на равнине.

Земля развертывается перед его глазами широкой подвижной панорамой. Непривычная картина! Ничего невозможно узнать. Толя сердито сдвигает брови. Неужели не ответит на вопросы и осрамится на общее осмеяние? Ага, вон, кажется, церковь... А за ней должна быть и летная школа. Вон она! Здорово!.. Точно модели, расставленные на макетном поле, четко выступили все строения, холмы, блеснула лента реки. Анатолий усмехнулся, узнав даже чахленький скверик, - место вечерних прогулок молодежи, которое курсанты прозвали "козьим загоном".

Анатолий выпрямляется, облегченно смеется, уже свободно, уверенно осматриваясь. Славно как!

Раздается голос инструктора, убавившего газ:

- Укажите ориентиры.

- Слева школа. Еще левее - козий загон... то есть... сквер! Прямо аэродром, старт. Дальше - город.

Он увлечен. Радостно перечисляет все, что видит на земле, словно делает открытия. Бушев кивает головой, весело подмигивает. До чего нравится ему этот открытый, сильный юноша!

Анатолий выпрямляется, в его глазах настоящая гордость. Он в воздухе!.. Летит!.. Правда, еще только учеником. Но и его час придет, и он возьмется за ручку, теперь это уже несомненно. Вот она, эта ручка управления. Но... "Управления не трогать!" Пока!.. Тоша, Тоша, имей терпение.

Полет по кругу. Еще раз по кругу. Эх, сейчас все кончится, начнет снижаться. Нет! Опять, спасибо, пошел по кругу. Может,

покажет хоть один вираж?

Опять рев мотора сбавлен, инструктор спрашивает:

- Какая высота? Температура масла?

Обычно эти вопросы задавались после полета. Но Бушев видел в зеркало: глаза блестят, выражение лица такое, точно курсант завидует инструктору видно, не терпится самому взять управление!

Анатолий дает быстрые и правильные ответы.

- Следите внимательно, Серов. Покажу вам в последовательном порядке фигуры пилотажа. Левый мелкий вираж...

Мотор включен. Машина с ревом накренилась на левое крыло, и сразу поднялись по левому борту поля и рощицы. Серов отмечает про себя: "Линия горизонта проходит под углом к козырьку кабины".

Правый глубокий вираж... Анатолий встрепенулся, подобрался весь, закусил губу... И вот он уже захвачен красотой другой фигуры - боевого разворота (крутой поворот с набором высоты). Боевой разворот - это начало атаки, изготовка к страшному удару. Он грозен и певуч, страшен и радостен.

Потом, уже на земле, Серов делился впечатлениями: "Стало весело жить!"

После каждой фигуры, выровняв самолет, инструктор бросал внимательный взгляд на Серова и видел на его лице только жадное, неусыпное внимание, горящие, устремленные на Бушева глаза - еще, еще!!!

Инструктор продолжал играть машиной, выжимая из нее все, что она могла дать. Наблюдавшие с земли за полетом хмурились и пожимали плечами.

- Что выделывает! В первом полете с курсантом! Замотает до тошноты, отобьет охоту летать...

Впоследствии отказались от показа курсанту в первом полете каких бы то ни было фигур пилотажа. Молодого человека стали постепенно подводить к фигурным полетам, чтобы не создавать в процессе подготовки ненужных затруднений. Но в то время допускался известный минимум фигур для ознакомления и испытания новичка. Этот минимум был Бушевым превышен.

Серов, наконец, перевел дух. Машина пошла на посадку. Анатолий - весь внимание. Знает, что посадка - один из самых ответственных моментов. От того, как пилот сажает машину, зависит оценка всей его работы.

Бушев показывает, с какой высоты нужно рассчитывать снижение, чтобы не "промазать" и не сделать "козла" (когда при неверно рассчитанной посадке машина подпрыгивает на колесах),

как брать ручку на себя, как следить за землей. Ошибка в расчете на посадку влечет за собой аварию, если "промазавший" не уйдет вовремя на второй круг.

Самолет приземлился. Отпустив Серова, инструктор вызвал другого курсанта, приказав ему занять место Серова, и снова поднялся в воздух. Выполняя приказ Бушева, Серов бегом направился к командиру звена и доложил ему о полете. От него - к командиру отряда. Затем бросился на площадку, где его ждали товарищи. Его волнение заразило всех, и они ждали, что и им Бушев покажет все фигуры. Но, к их разочарованию, инструктор с каждым следующим ходил только по кругу и ограничивался мелкими виражами.

Закончив полеты, он направился, как все здесь, бегом к командирам. Они выслушали его рапорт.

- Весь состав обещает стать летным. Никто не проявил страха, растерянности. Полеты проводил с учетом индивидуальных данных курсантов, последовательно усложняя полет или внезапно нарушая эту последовательность.

- Что можете сказать о Серове?

- Курсант Серов будет хорошим летчиком... - Помолчав, добавил: - Горяч еще. Вообще недостаточно дисциплинирован. Но в первом полете держал себя отлично.

Бушев провел с курсантами разбор учебных полетов, указал каждому его недостатки, объяснил, почему надо избегать напряженности, как необходимы летчику хладнокровие, выдержка, быстрота соображения. Один не мог вспомнить, на какой высоте находился, другой не узнал ориентиры. Все это - результат излишнего волнения или даже мимолетной растерянности, а такое состояние может привести к тяжелым происшествиям!

Среди тех, кто хорошо держался в воздухе, инструктор назвал Серова. Анатолий был счастлив. Он не только побывал в воздухе, но и заслужил одобрение Бушева! Всем своим существом он понимал, что находится на верном пути. Теперь он признался товарищам:

- Раньше мне казалось, что я чуть не с пеленок готовился к авиации. И с крыши прыгал на крыльях, и спортом занимался только для этого, но потом решил прославиться как металлург. Сегодня только я по-настоящему понял, что должен стать летчиком. Тут я весь. Это моя жизнь.

Второе рождение

Будущие летчики должны быть знающими и хорошо образованными людьми. Курсанты изучали не только самолетовождение и аэронавигацию, но и радиосвязь, физику,

математику. Много часов в программе уделялось истории, политэкономии, русскому языку и литературе. Скучать было некогда, как говорил Анатолий. Нагрузка учебного дня солидная. В программу входили занятия по тактике, военные игры и учебные стрельбы. Тактические задачи курсант обязан был решать самостоятельно. В нем всячески развивали инициативу и находчивость.

Анатолий учился серьезно, но и всей душой отдавался спорту, самодеятельности, увлекая других своей неистощимой энергией.

Больше всего, конечно, его интересовали полеты и часы, проведенные на аэродроме. В другое время он жил тем, что перебирал в памяти прошедшие полеты, обсуждал их с товарищами, готовился к новым. Василий Бушев, сам по натуре увлекающийся человек, хотя и не выделял Серова из общей среды, но очень его полюбил и боялся, что его заберет к себе доучиваться более старший командир. В своих рапортах он старался не очень его расхваливать.

Уже много раз поднимался он с Серовым в воздух и доверял ему ручку управления. Все дольше Серов мог управлять машиной один. Все реже Бушев кричал ему:

- Отпустите ручку!

Теперь Бушев брал ручку для того, чтобы показать ученику более высокий класс управления самолетом. Как всегда, он был строг и требователен. На разборах не щадил его, и, может быть, Анатолию доставалось-таки от инструктора больше, чем другим.

- У вас есть необходимая уверенность в управлении, но стиль вам дается с трудом. Грубо работаете, Серов. От вашего управления машину швыряет. Между тем вам нужно знать, что пластичность и красота полета - не праздный шик, а доказательство мастерства, будущего превосходства в бою.

Серов расстраивался, давал себе слово выработать эту пластичность.

Приказывая произвести расчет на посадку, Бушев следил за каждым движением курсанта, ежеминутно готовый взять у него управление.

- Тут нужен абсолютно точный расчет. И именно то изящество, та пластичность, о которой я вам твердил столько раз. Иначе будем бить машины. Вам этого не хочется, мне тоже. Так давайте же еще поучимся. Посадка серьезное дело, тут все проверяется.

Снова и снова делал Серов расчет на посадку. Это значило сделать глазомерное определение момента перехода от горизонтального полета к планированию, настолько точное,

чтобы приземлиться неподалеку от посадочного знака "Т". Наконец удалась ему эта посадка "на три точки", то есть умение при посадке коснуться земли одновременно колесами и третьей точкой опоры костылем. По разрешению Бушева он сделал самостоятельную посадку и произвел ее на отлично.

Бушев стремился досрочно выпустить свою группу и усиленно тренировал ее. Для того чтобы вылететь в первый самостоятельный полет, курсант должен был иметь не меньше 60 учебных полетов с инструктором. Большинство курсантов группы Бушева имели по 40-45 полетов. Серов же - еще меньше: подтягивая других, Бушев реже летал с Анатолием.

Командир звена, заинтересовавшись успехами Серова, сам слетал с ним и доложил командиру отряда о хорошей подготовке этого курсанта. В тот же день и командир отряда проверил Анатолия в воздухе. Полет и посадка были выполнены Серовым отлично. Серов помчался к Бушеву и доложил ему, что старшие командиры считают его подготовленным для самостоятельного полета.

Бушев ничего не ответил.

Серов знал уже, что курсанту никогда не объявляли накануне о том, что завтра его выпустят в самостоятельный полет. Ожидание этого полета могло бы излишне взволновать курсанта и вызвать нежелательную нервозность. Все же, догадываясь о решении начальства, Серов не спускал глаз с инструктора весь день, приставал к нему с вопросами до того, что вывел Бушева из терпения.

- Послушайте, вы мне надоели, Серов!

- Товарищ инструктор, только один вопрос, разрешите!

- Все узнаете в свое время.

- Один вопрос, за что вы сердитесь на меня? - Серов посмотрел на Бушева жалобно, снизу вверх, хотя был выше его ростом.

Бушев, скрывая улыбку, отвернулся.

- Время спать, Анатолий. Идите! А то ни мне, ни себе не даете покоя. Вам надо хорошенько выспаться.

Ага! Значит, может быть, это и случится завтра!.. Как не понять намека! Да кто его знает! Он всегда это говорит - чтобы сну отдавали положенное время, чтобы утром быть в порядке.

И Серов, никогда не страдая бессонницей, сразу уснул, как только прикоснулся щекой к подушке.

Наступило это завтра. Утро было ясное, розовое, бодрое. Болтавшийся на веревке пузырь, подвязанный к высокому шесту, показывал безветрие.

Бушев приказал Серову приготовиться к полету. Анатолий

занял переднюю кабину. Моторист вручную поворачивал винт перед запуском мотора. Бушев сказал:

- Я - за пассажира. Не вмешиваюсь. Ведите полет сами.

Мотор заревел. Ветер поднял легкую пургу травинок и пыли. Анатолий привычно рассчитал предметы, расположенные по сторонам взлета и впереди, поднял руку, прося старта. Взмах флажка. Самолет ринулся вперед, оторвался, стал тянуть вверх. Набрав нужную высоту, Анатолий пошел по кругу. На четвертом развороте он уже заходил на посадку, с сожалением думая о том, что на земле ждут очереди другие курсанты, а ему в этот день едва ли удастся полетать.

Потеряв высоту, выровнял машину, подвел ее прямо к посадочному знаку и безукоризненно посадил. Взялся за ремень, чтобы отстегнуться.

- Не отстегивайтесь. Сейчас полетите один.

- Есть лететь одному, - ответил машинально Анатолий, но тотчас с недоверием оглянулся: правильно ли понял инструктора? Не шутит ли тот?

Бушев выпрыгнул из кабины. Туда положили мешок с песком. У Серова сердце забилось. Инструктор подошел к нему, стараясь перекричать рев невыключенного мотора:

- Высота четыреста метров. Полет по кругу. После третьего разворота убирайте газ. Правильно, как со мной, рассчитайте потерю высоты. Выбирать из угла начинайте плавно, с семи-восьми метров. Заканчивайте выравнивание на три четверти метра от земли, сажайте легко на три точки у "Т". Повторите.

Серов повторил.

Бушев кивнул ему головой и отбежал в сторону. Анатолий поднял руку, прося старт. Дежурный быстро взмахнул флажком. И снова самолет устремился вперед, оторвался от земли и стал набирать высоту.

Серов все еще не верил и не решался оглянуться на кабину инструктора.

А на земле курсанты и командиры напряженно следили за первым самостоятельным полетом в этом году. Самолет шел плавно. Невольно смотрели в сторону Бушева: здесь ли он, не улетел ли вместе со своим птенцом?

Серов, сделав первый разворот по кругу, не удержался и посмотрел назад. Уж больно послушна машина. Не тут ли милый Вася?

На месте инструктора мирно покоился мешок с песком - "за пассажира". Значит, Серов один на один с машиной! Один!

И теперь, уверенно ведя самолет по заданному курсу, он вдруг запел песню своего озорного детства:

Гулял по Уралу Чапаев-герой,

Он соколом рвался с полками на бой...

Вот бы перекувырнуться в воздухе, покрутить самолет! Теоретически он изучил фигуры пилотажа и не сомневался, что мог бы кое-что сделать сам. Победило чувство дисциплины. Нарушить приказ - значит надолго лишиться права на самостоятельные полеты и опять мотаться с инструктором, повторяя азы - по прямой, по кругу, по прямой, по кругу!..

Четвертый разворот, заход на посадку. Серов весь подобрался: ошибешься - поправить некому. Только бы не подломать шасси, не перевернуться на земле, да и не скозлить бы, вот был бы позор!

Сжав губы, четко выбирая и отдавая ручку, следя за землей, Анатолий приземляется так, как приземлялся только что с инструктором. И сразу видит поднятую руку дежурного по старту: летите во второй полет. Дал газ, снова взлетел.

Во втором полете он спокойнее. Пустили во второй полет, значит, все идет как надо. Серов смотрит на приборы. Старые летчики в шутку называют приборную доску иконостасом. Сейчас Анатолию кажется, будто приборы глядят на него строго, как, может быть, святые глядели с икон на того древнего Серова-стрельца, который сделал себе крылья из голубиных перьев. Ты, мол, делай по-нашему, озорник, не то мы тебя!.. Анатолий смешливо подмигнул, потянул носом, встряхнул головой: хо-ро-шо! Он чувствовал начинающуюся близость с машиной, радовался ощущению своей власти над аппаратом. Мастерство владения этой прекрасной штукой только рождалось в нем. От него зависело довести это мастерство до совершенства.

Снова разворот на посадку. Серов уже на земле. Выпрыгнул из машины, подбежал к инструктору. Бушев, выслушав короткий рапорт, пожимает руку Анатолию.

- Отлично. Доложите командиру звена.

Эти слова - прекрасная музыка, честное слово. Какой он красивый, этот Вася Бушев! Вот он надевает летные очки, готовясь летать с другим курсантом. За стеклами очков блестят его глаза.

- Отлично, Серов, - повторяет он и добавляет: - Горжусь вами.

Серов бросился к командиру звена, от него - к командиру отряда. Его поздравляют со "вторым рождением", как называют летчики день первого самостоятельного полета.

Побежали дни дальнейшего обучения. Бушев проходил с Серовым занятия по маршрутным полетам и самолетовождению в различных условиях. Серов набирался знаний и опыта. Первоначальное нетерпение сменилось жаждой всестороннего

познания всех возможностей современного самолета, поисками новых задач и их решения.

Бушев заражался его страстью и напористостью и испытывал редкое счастье работать с талантливым и обещающим учеником.

С Серовым летали на испытаниях старшие командиры - командир отряда, командир эскадрильи.

Окончена учеба. Прошли напряженные дни выпускных полетов - настоящая страда для всей школы. Серов блестяще выдержал экзамены и получил то назначение, которого добивался: он был выпущен в звании летчика-истребителя.

Руководство Оренбургского военного училища любезно предоставило нам данные о бывшем курсанте летной школы Анатолии Константиновиче Серове. Приводим этот документ.

"Тов. Серов в школу прибыл 29 июня 1930 года. Инструктором, у которого учился тов. Серов, был тов. Бушев.

Тов. Серов вылетел самостоятельно на 42-45 полете, вместо положенных 60 полетов, оценка первых полетов была отличная.

Взысканий Серов имел, по данным учета, за время учебы 2, поощрений и наград имел много, получил часы.

Характеристика при выпуске, данная Серову:

Инициативен, имеет силу воли, энергичен, настойчив, решителен, сообразителен, утомляемости нет, знание материальной части прекрасное. Общее развитие хорошее, физически развит хорошо.

В общественно-политической и культмассовой работе участие принимал.

Участвовал во всех физкультурно-спортивных соревнованиях, работал спорторганизатором в эскадрилье, занимался легкой атлетикой, лыжным спортом, футболом, теннисом.

Степень усвоения пройденного курса - показатели на экзаменах:

Специальная подготовка - отличная

Военная - хорошая

Общеполитическая подготовка - хорошая

Усвоение летной программы - отличное.

Из школы Серов выпущен летчиком-истребителем 17 декабря 1931 года с отличной оценкой по технике пилотирования.

Начальник штаба училища

капитан Кленин.

Начальник отделения кадров

батальонный комиссар Давыдов".

Вступление в строй

Снова отпуск, родной Надеждинск, встреча с родными и друзьями. Все признавали, что Толя стал более подтянутым,

повзрослел, был более сдержанным, но все же остался таким же увлекающимся, хорошим товарищем; его звали в каждый дом, он принял участие в делах надеждинских комсомольцев, в металлургическом техникуме по просьбе горкома комсомола провел цикл занятий по военному делу. На его часы занятий собиралось много парней и девушек, и они открыто гордились "нашим Тошкой", который стал "совсем как большой!" Но еще не кончился отпуск, как он простился с друзьями, расцеловал родных и уехал.

- Повидался со всеми, - говорили потом родные, - все живы-здоровы, вот и ладно, и отправился в дорогу. Так ни одного отпуска дома до конца не провел!

Первые два года был в Ленинградском военном округе, в Гатчине. В этой эскадрилье недавно служил Валерий Павлович Чкалов, а еще раньше, в 1922 году, в эту часть влился авиаотряд, которым в 1914 году командовал Петр Николаевич Нестеров, автор первой "мертвой петли" и первого в мире воздушного тарана.

Вместе с Серовым в гатчинскую эскадрилью прибыла большая группа молодого пополнения. Серов быстро перезнакомился с новыми и старыми летчиками, разузнал, какие из них здесь считаются лучшими.

- С первого же дня будем у них учиться летному мастерству, заговорщически объяснял он приехавшим с ним товарищам.

Так же быстро узнали и его. Включили в лыжную команду, в хоккейную, в кружок гимнастов. Всюду Анатолий появлялся с открытой улыбкой, привлекая людей своей удивительной жизнерадостностью. Вскоре уже его общества искали, по вечерам собирались вокруг него в общежитии или в клубе.

Вообще там не видно было людей унылых и вялых. Энергичная и деятельная это была среда. И все учились, начиная с новичков и кончая командиром эскадрильи. Те же предметы, что в летной школе, та же учебно-боевая подготовка. Но программа значительно повышена. А главное, здесь уже не подходят к летчику, как к неоперившемуся птенцу-курсанту, а как к воину, командиру и предъявляют к нему соответственные требования. У летчика возрастает сознание ответственности за честь звена, отряда, эскадрильи.

Для Серова все трудности строевой службы возмещались обязательными и почти ежедневными полетами.

У него, как у каждого летчика, была своя машина. Он мог изучать ее, ухаживать за ней, привыкать к ней в полетах, все больше подчиняя ее своей воле.

- Что мне по душе, - делился он с новыми друзьями, - так это то, что не нужно ждать своей очереди, пока отлетают другие. В моем распоряжении быстроходный истребительный самолет! Жаль только, что не все дни недели дни полетов.

Командиры, проверив подготовку Серова и введя таким образом его в летный строй, пустили летать одного. Он выделялся среди нового пополнения уверенной "походкой" в воздухе, точностью выполнения поставленных задач. Серова назначили командиром звена. Тут впервые, уча других точности, дисциплине, умению подчиняться, он особенно ясно понял, какое это имеет важное жизненное значение для летчика.

Серов очень глубоко принял к сердцу свою ответственность за подчиненных, за их жизнь, за машины, на которых они летали. Лучшее средство обучения - личный пример. И Анатолий "показывал" членам его звена все известные ему хитрости и трудности полета и пилотажа. И сам быстро совершенствовался как летчик. На празднике авиации за блестящий каскад фигур Серова наградили новыми летными очками, которыми он очень гордился:

- Я выгляжу в них как старый воздушный волк, - шутливо говорил Анатолий.

Ему поручали вводить в строй следующие молодые пополнения. Но дни были заняты и спортом, и классными занятиями, из которых он особенно любил тактику воздушного боя. В соревнованиях по футболу, хоккею, лыжам Серов почти всегда завоевывал первые места. Он не хвастал этим, не выпячивал своих побед, наоборот, любил поддержать и ободрить товарища, но его увлекала страсть - быть впереди в самых трудных состязаниях. Для этого он не жалел времени на тренировку.

Первый же однодневный отпуск Анатолий провел в Ленинграде в поисках Чкалова - своего кумира. Но Чкалова здесь не оказалось. Возвратившись в часть, он стал расспрашивать о нем и узнал, что Чкалов отстранен от авиации, зачислен в дисциплинарный батальон и не летает. Серов был прямо-таки сражен этим известием. Он страдал за Чкалова как за близкого друга. В этот вечер он долго говорил с товарищами о человеке, которого ему до сих пор не удалось встретить, но которого отлично знал по рассказам других.

- Чкалова недолюбливают те, кто хочет прожить без риска. А Чкалов тем и дорог, тем и замечателен, что он революционер в авиации. Кто совершает нечто новое, небывалое, тот не может не рисковать. Без риска и через канаву не перепрыгнешь. От авиации отстранили... Кого!.. Нет, он и это преодолеет, я уверен. Это

человек воли и упорства, у него ум ученого, а сердце - орла! Это я давно понял. Для меня Чкалов - свет, к нему тянешься всей душой.

Позднее, когда Серов уже служил на Дальнем Востоке, он узнал, что ожидания его оправдались и Валерий Чкалов снова летает.

Серова вдруг перевели в Московский военный округ, и некоторое время он служил там. Он еще надеялся в Москве встретиться с Чкаловым, но его перевели на дальневосточную границу. Получив отпуск, съездил в Надеждинск повидаться с родными.

В этот свой приезд Анатолий добился основания здесь аэроклуба. Дали помещение, средства, выписали инструкторов. С первыми заводскими юношами Анатолий успел провести напутственную беседу.

Обнимая отца на прощание, он пообещал:

- Когда-нибудь полетаешь со мной над нашим Надеждинском, над Турьей. Ты водил меня по этим местам, мы с тобой и верхом много поездили по путям золотой разведки. Узнаем ли мы их с высоты воздушной трассы?

Мать собирала сына в дальний путь, улыбаясь спокойно, но в душе уже поселилась тревога: на Дальнем Востоке граница была неспокойной. Еще не так давно прекратились бои с белокитайцами, закончившиеся победой советских войск. А там еще японские самураи ведут себя вызывающе. Все время надо быть начеку.

- Ты пиши, пиши почаще, сыночек. Редко пишешь, нехорошо.

- Да хоть для матери найди время написать, - поддержал ее отец.

- Раз в неделю буду писать! Да не волнуйся, мамашенька, со мной ничего не случится, кроме хорошего!

На Дальнем Востоке. Звено воздушных акробатов

На Дальнем Востоке Анатолий служил с августа 1933 по октябрь 1935 года. Этот период был важным этапом в его жизни. За эти годы он окончательно сформировался как воздушный боец и мастер высшего пилотажа. Прекрасно закалил его, и без того сильного уральца, суровый климат, приучив летать в любую погоду и выполнять задания в самых трудных условиях.

Каждодневно повышать знание своего оружия и искусство владения им, готовность в любую минуту, по первому сигналу тревоги броситься на притаившегося рядом злобного врага - все это вызывалось напряженной обстановкой, в которой проходила его служба.

Отношения между империалистической Японией и СССР в то

время заметно обострились. Японские самураи вторглись в Китай, захватили Маньчжурию и готовили плацдарм для нападения на Страну Советов.

Толя достаточно знал эту обстановку и внутренне был готов к немедленному выполнению боевого задания. Когда же прибыл на место, то был поражен мирной трудовой картиной. Весь летный состав авиабригады был занят обыкновенными строительными работами. Вместе с бойцами летчики рыли котлованы под ангары, строили склады и мастерские, отделывали жилые здания. Жены командиров разводили садики и цветники, наводили порядок в общежитиях холостяков, в красноармейских казармах, работали в столовой. Каждый человек был нужен, каждой паре рук находилась работа! И вместо "выполнения боевого задания" Серов пошел рыть котлован.

Он был рабочим и давно привык к физическому труду. Анатолий стал во главе бригады. Раньше других справившись со своим заданием, бригада Серова приходила на помощь другой. Анатолий увлекся соревнованием. Общее трудовое вдохновение окрыляло его не меньше, чем недавно состязания молодых пилотов в исполнении летных задач под ленинградскими и московскими небесами.

Созидательная работа шла по всему Дальнему Востоку. Строился город Комсомольск-на-Амуре, к нему прокладывалась шоссейная дорога от Хабаровска. Человек прорубал пути через тайгу и сопки, зажигал огни в глухих районах, приносил с собой свет новой культуры. Самолеты гражданской авиации облетывали обширные пространства края, доставляя на стройки и в селения инженеров, врачей, педагогов. Весь Дальневосточный край жил кипучей творческой жизнью.

Авиабригада расположилась в живописном бору. Летчики размещались в длинных двухэтажных зданиях. Широкие улицы авиагородка больше походили на площади - летом на этих улицах играли в футбол.

В огромном деревянном некрашеном строении вроде ангара находился клуб Дом Красной Армии (ДКА). Зимой помещение плохо обогревалось. На полу было скользко от наносимого с улицы снега. Молодые женщины танцевали вальс в валенках. Но настроение от этого не ухудшалось. Все были увлечены музыкой, любимыми танцами, тем более что твердо знали: скоро здесь поднимутся благоустроенные дома, будет и новый красивый клуб, зазеленеют сады и парки. В дороге находились большие партии специалистов-строителей.

Летчикам же пока приходилось сочетать полеты с плотничьими и столярными занятиями.

Время бежало незаметно. В дни полетов - работа на аэродроме: подготовка самолетов, выполнение учебно-летных заданий, разборы полетов. В другие дни занятия в классах. Командиры засиживались и вечерами, проходя командирскую учебу и готовя занятия на завтра. В свободное время летчики ходили в тайгу за кедровыми орехами, совершали лыжные пробеги, охотились.

Анатолий, выбравшись, бывало, на прибрежный простор, туда, где Амур сливается с Уссури, любовался чудесным зимним пейзажем, царством торосов, громоздившихся по всему ледяному пространству. Пронизывающий ветер дул с восточного берега. Свирепый мороз добирался до самых костей. От холода захватывало дыхание.

- Вот это погодка! Жирком здесь не обрастешь, братушки! - приговаривал "Тошка - зверь лыжный", прижав палки под мышками и похлопывая меховыми рукавицами. - Прекрасный климат!

Еще не так давно Серов командовал звеном в Гатчине и вводил в строй молодых летчиков. Здесь, на Дальнем Востоке, его самого должны были проверить в воздухе и ввести в строй. Впрочем, это было обязательно во всей воздушной армии: каждого вновь прибывшего летчика командир лично "провозил" в воздухе, прежде чем доверить ему жизнь людей и машины.

Командир эскадрильи, бывалый летун и воин М. П. Харитонов, участник войны с белокитайцами, высокий, худощавый, быстрый в походке и движениях, проверил Анатолия и, когда они сошли на землю, сказал:

- Летаете неплохо. Самолет знаете, есть решительность, работаете, как и полагается истребителю, с перцем.

Серов было расцвел от похвалы. Но Харитонов остановил его:

- А вот с машиной обращаетесь грубо. На поворотах она у вас чуть не трещит. Не хватает стиля, пластичности.

Опять этот упрек в недостатке пластичности! Серов стоял смирно.

- Значит, надо еще...

- Да, еще и еще придется вам отшлифовывать каждый элемент фигурного полета. - Помолчав, спросил: - Коммунист?

- Перед отъездом подал в партию, товарищ комэск.

- Личное дело у вас хорошее, отзывы и характеристики - дай бог каждому. Смотрите, оправдайте их! Назначаю вас командиром второго звена.

И тут, расстроенный Было критикой комэска, Серов понял, как высоко оценил его этот удивительный человек. Ну, надо оправдать. А раз надо, будет и сделано.

В звено, кроме Серова, входили Александр Власов и Андрей Сидоров. Серов командовал в Гатчине звеном из новичков, едва вступивших в строй. Здесь же перед ним стояли командиры, опытные летчики, летавшие больше его. Они сами готовы были предъявить ему свои требования.

Худощавый, несколько угловатый, с застенчивым, но спокойным взглядом Власов в первом же полете показал себя как смелый, решительный летчик. Он, как и Серов, жил полетами, чувствовал себя на высотах в родной стихии. В полете он был неудержимо дерзок и удал. Серова он понимал с одного знака, с полуслова. На земле же Власов отличался добродушием и скромностью, старался быть в тени, не хвастал никогда. Серов очень привязался к нему и поселился с ним в одной комнате.

Сидоров жил отдельно в маленькой комнатушке, где все дышало строгим порядком и чистотой. Среднего роста, коренастый, вместе с тем очень подвижный, Андрей Сидоров отличался сдержанностью, точностью, аккуратностью. Чувствовалось, что он не только желает быть, но и стремится показать себя безукоризненным во всех отношениях. Серову, "черту лыжному", сперва не очень пришелся по душе этот характер, казалось бы, не свойственный истребителю. Однако, узнав Сидорова поближе, Анатолий проникся к нему уважением.

Андрей Ефимович в течение своей летной службы вынужден был решительно ломать свои привычки и склонности ради главной цели - остаться в авиации.

Он был переведен сюда из другой бригады. За чрезмерное лихачество не раз подвергался там взысканиям. Нарушая летные задания и дисциплину, доходил порой до воздушного хулиганства. На вопрос, что же он делал, Андрей отвечал, пожимая плечами: "Да по деревне кур гонял самолетом". Над ним нависла угроза исключения из рядов военной авиации. Он дал клятвенное обещание не нарушать дисциплины ни в воздухе, ни на земле. Серов узнал также, что Андрей рос среди беспризорников. Позднее, в детском доме, увлекся авиамоделизмом, вступил в пионеры.

Слово, данное командованию, Сидоров сдержал.

На земле Серов нередко оспаривал некоторые взгляды и поступки Сидорова, но в общем видел, что это смелый и честный молодой человек, а что касается летного дела - он оказался прекрасным авиатором, и с ним можно было многого достичь, как и с Власовым. И Серов стал усиленно заниматься и тренироваться со своим звеном, стремясь во что бы то ни стало завоевать первые места в эскадрилье. Сидоров и Власов поняли характер и намерения Серова, увидели его в полетах и полностью доверили

ему свои судьбы. Сидоров говорил Анатолию:

- Тут, дома, на земле я с вами готов и поспорить кое о чем. Конечно, не в служебное время, Анатолий Константинович. Но в воздухе, в полете, в бою, если приведется, я пойду за вами куда угодно и выполню любой ваш приказ. Верю в вас как в летчика и командира безусловно и абсолютно.

Власову не нужно было уверять Анатолия в своей преданности. Тот видел эту верность и беззаветную отвагу в его голубых глазах. Эти два летчика вполне оправдывали надежды молодого командира. Звено вышло вперед по боевой подготовке, дисциплине, политическим и тактическим занятиям.

В конце 1933 года Серов был принят в партию. Он мало сказал о себе, но за него говорили его биография сталевара и потомка уральских рудокопов, характеристики, высказывания командования и политических работников авиабригады. Немалую роль сыграли в оценке его как советского летчика свидетельства командования, что ни в летной школе, ни в Гатчине, ни в сложной обстановке Дальнего Востока Серов не имел ни одной аварии, ни одного "происшествия" в летной практике по своей вине.

Серов поделился со звеном своей радостью. Его сердечно поздравили. Он сказал:

- Вы сами знаете, только я хочу еще раз напомнить, ребятушки: звено должно стать первым. Можем мы летать и стрелять лучше других?

Власов понял его:

- Звено должно стать коммунистическим. Летчики приналегли на учебу и летную тренировку.

Все они были комсомольцами, готовились к вступлению в , партию, и это предложение не застигло их врасплох. Но раз решение принято, надо его выполнять. Серов летал отдельно с Власовым и с Сидоровым, летали всем звеном, добиваясь единства и согласованности в совместном полете. Звено начало завоевывать первые места в отряде и эскадрилье.

В летной практике Серов учился, как и раньше, всегда у лучших летчиков авиабригады, добиваясь разрешения присутствовать на полетах других отрядов и эскадрилий, перенимая их мастерство, подмечая, чего им не хватает, и потом не лишал себя удовольствия показать, что кое в чем может превзойти этих испытанных и опытных пилотов.

Его выбрали парторгом отряда, куда входили три звена истребителей со всем своим техническим составом. Работы стало больше. Но Серов не боялся этого. Он понимал, что усиление партийной работы непременно скажется на результатах. И

добился того, что не только летчики отряда, но и техники и мотористы в соревновании вышли на первое место, отряд стал ведущим в эскадрилье. Летчики второго звена порой дружески корили своего командира за "чрезмерную" требовательность. Звену приходилось порядочно попотеть, тренируясь и на земле, и в воздухе. Но зато они умели выжимать из техники все возможное. Дружба их окрепла, они почти не расставались друг с другом. Товарищи шутили:

- И на земле вы ходите строем.

- Мы и пилотируем строем.

- Это хвастовство мы знаем.

- Мы ни разу не похвастали тем, чего не смогли бы сделать.

- Это каким же образом вы строем пилотируете? - спросили у Серова.

Тот показал на пальцах:

- Очень просто. Три пальца: куда средний, туда и оба ведомые.

Сначала эти слова принимались как шутка. Но Серов серьезно готовил своих летчиков к групповому пилотажу. В то время групповой пилотаж был новинкой и почти не практиковался в авиации. Когда Анатолия укоряли за хвастовство, он сердился, вспоминал, как в детстве однажды похвастал перед ребятами, что будет ходить на лыжах лучше их, а у него и лыж не было, и он сделал их своими руками для себя и двух-трех приятелей и действительно скоро "обставил" всех на лыжне. По натуре он не хвастал, он обещал. И обещанное непременно исполнял. Обещание рождалось у него как итог поисков и быстрого соображения. Он думал: "Это возможно, и это будет хорошо". И вслух: "Я это сделаю".

- Умеем же мы летать по маршруту, точно соблюдать дистанцию. И пеленгом летаем. Можно рассчитать и попилотировать одновременно. Вы только идите за мной и делайте, как я. Все будет в порядке!

Начались расчеты, споры, искания. В летные дни, уйдя в свою зону, звено тренировалось, выполняя фигуры пилотажа одновременно, сначала простые, затем переходя к более сложным.

Александр Власов смело шел за командиром. В полете его машина была настолько близко от машины Серова и так точно выполняла назначенные фигуры, что составляла как бы одно целое с серовской "двойкой" (номер истребительного самолета Серова). При пикировании он еще больше приблизился, и это грозило катастрофой. Когда они вышли из пике и пошли по прямой, Власов посмотрел в сторону Серова, ожидая одобрения,

но тот погрозил ему кулаком. На земле Серов сделал Власову строгое замечание.

- Ты хорошо идешь "впритирочку" к моему самолету. Но когда сокращаешь заданную дистанцию, то не учитываешь, что одно движение - и обе машины "загремят", обрубив друг другу плоскости. Я требую исключительной точности соблюдения заданного расчета.

Власов остро переживал неодобрение Серова, которого успел полюбить всей душой. В конце концов ему удалось добиться такой же свободы маневрирования и согласованности, какая была у Анатолия.

Андрей Сидоров вначале проявлял большую осмотрительность и даже несколько отставал от ведущего, как бы примериваясь к тому новому, что вносил в летную практику командир звена. Он тщательно отрабатывал каждый элемент группового пилотажа, проверяя его не только в полете, но и на земле, с карандашом и тетрадкой в руках. Но потом он участвовал в пилотаже строем с удивительной легкостью и свободой.

Тройку летчиков прозвали ЗВЕНОМ ВОЗДУШНЫХ АКРОБАТОВ. Слава о нем разнеслась по авиаточкам вдоль всей границы. Имя Серова стало известно не только в авиачастях ДВК, но и называлось на разборах многих военных авиационных соединений страны. Опыт серовского звена был продемонстрирован на воздушных состязаниях и стал внедряться в жизнь военной авиации.

Однажды вечером Сидоров зашел в комнату, где жили Серов и Власов. В руках у него была одна из его многих папок. Серов засмеялся: у Сидорова все было разложено по папкам - выписки из учебников, выписки из приказов на его счет, о наградах и поощрениях, копии или оригиналы его собственных выступлений на собраниях или конференциях комсомольцев, автобиография, письма и т. д. В это время Власов недовольно говорил о новой кличке. Что за акробаты! Разве это цирк? Серов возражал:

- А что, пускай акробаты. Петра Нестерова тоже звали акробатом.

- Но он был оскорблен этим, - сказал Сидоров. - Его хотели оскорбить этим прозвищем.

- Нестеров дрался за маневренность, - вспомнил Серов. - Он считал фигурные полеты высшей школой, приучающей пилота выходить из самых трудных положений, дающей ему свободу и уверенность в себе. Ведь познанная необходимость и есть настоящая свобода!

- Да, я знаю это из материалистической диалектики, -

резонно заметил Сидоров.

- Так вот, ты можешь понять, что перед Нестеровым стояла эта необходимость. Авиация оправдывала себя только все возраставшей скоростью и при этом повышением боевой нагрузки. Нестеров боролся за маневренность! А ведь на каких машинах летал - буквально на гробах!

- Нестеров сам признавался, - сказал Власов, - что чем больше летает, тем лучше понимает опасность полетов. И все-таки на этих машинах, не имевших необходимых органов управления, он пилотировал, делал мертвые петли. Прямо танцевал в воздухе.

- Кстати, о танцах, - проговорил Сидоров, раскрывая папку и доставая оттуда нужную выписку. - Послушайте!

Он прочитал:

"Когда птицы вылетают освежиться в воздухе, повеселиться и поиграть, они радостно реют, делая изумительные эволюции, полные грации и красоты. И это естественное проявление эстетического чувства. Когда я гляжу на танцующих (я тоже танцую), то мне бывает иногда даже дико смотреть на странные движения многих пар, и только некоторые доставляют эстетическое наслаждение своим изяществом и грацией..."

Власов рассмеялся.

- Вот не думал, что Андрей Ефимыч изучает теорию танцулек!

- Постой, постой, тут что-то... Чьи это слова? - спросил Анатолий у Сидорова.

Тот, не отвечая, продолжал:

- "С практической стороны танцы - бессмыслица. Но это не значит, что танцевать не следует. Так вот: мой аэродром - зал для танцев. Когда я лечу с известной целью на большое расстояние, мне никогда не придет в голову выкинуть что-нибудь необыкновенное... - тут Андрей покосился на Анатолия, и тот смущенно кашлянул. - Но над аэродромом при настроении я танцую. Между летчиками есть нетанцующие, потому что не умеют, есть нетанцующие из принципа, есть танцующие только при настроении, и есть любящие танцевать".

- Нестеров! - вскричал Серов. - Только он мог это сказать.

- Верно, - кивнул Сидоров и протянул ему листок с выпиской.

- А вы, Андрей, у нас будущий академик. И вот что, ребятушки. Мы с вами, конечно, из "любящих танцевать". Мы умеем танцевать и парочкой и втроем. Однако с практической стороны эти "танцы" вовсе не бессмыслица. Да и Нестеров "танцевал" не ради эстетического удовольствия, но, главным образом, чтобы уметь лучше сбивать противника. А теперь нам требуется уже не единичный, а групповой пилотаж. В будущей войне, когда придется лететь навстречу воздушному соединению

врагов, мы одним стремительным маневром разрушим их строй и, сломав его, будем бить в индивидуальных схватках поодиночке, имея еще преимущество в маневренности и инициативе. Вот что значит наш пилотаж строем.

В другой раз, зимним вечером, Серов опять собрал у себя товарищей, и они снова и снова обсуждали сочетание групповых и индивидуальных боев в будущей войне, когда вдруг по коридору кто-то пробежал, стуча в двери, у каждой раздавалось: "Вызывает комэск!" Серов распахнул дверь. Не успевший постучать вестовой произнес:

- Вызывает командир эскадрильи.

В штабе уже собралась вся эскадрилья.

Комэск сообщил, что подразделения японских войск снова нарушили границу и напали на наши посты. Положение на границе в последнее время особенно обострилось. Несмотря на то, что Советское правительство принимало все меры, чтобы предотвратить возникновение войны, с той стороны все время провоцировались вооруженные столкновения. Лилась кровь.

Пограничники давали заслуженный отпор самураям, те ретировались, но на следующий день повторяли провокацию в другом месте.

- Получен приказ высшего командования. Наши пограничные войска и расположенные вблизи границы военные части приведены в боевую готовность. В эскадрилье назначаются круглосуточные дежурства на аэродроме. Сегодня выходит на дежурство второе звено.

Звено Серова поднялось и выстроилось перед командиром части. По знаку его оно выступило в ночь к своим самолетам. Во мраке вырисовывались очертания ангаров и дежурной фанзы. Мотористы ускорили шаг и опередили командиров - они спешили вывести машины из ангара.

Сидоров и Власов молча шагали, думая о своем. Серов шел посередине, четко стуча сапогами по промерзшей земле.

- А что, если свое искусство пилотажа строем мы покажем не сегодня завтра на практике? Здорово проучили бы самураев, а, ребятушки?

Круглосуточные вахты на аэродроме продолжались несколько недель. В то время как одни летчики дежурили, другие "подцежуривали", то есть отдыхали не раздеваясь, готовые каждую минуту присоединиться к первым, и только третья смена получала полный отдых до своей очереди.

Самолеты второго звена были заправлены горючим и вооружены. Снега не было, земля промерзла, взлетать с обледенелого грунта было трудно и рискованно.

Из-за морозов задерживался прогрев моторов. Серов предложил устроить специальные агрегаты - провести трубы отопления под землей, и первый применил их на практике во время дежурства своего звена. Устройство вполне оправдало себя.

Летчики проверяли оружие, запас горючего, обсуждали каждую мелочь вместе в техником, мотористами, оружейником, делали пробные вылеты, проверяли боевую готовность друг друга. Ждали сигнала. Были готовы вылететь на встречу с врагом.

И вот однажды, в темную морозную ночь, как раз в дежурство Серова, на аэродроме появились представитель штаба ОКДВА{1}, начполитотдела бригады и командир эскадрильи. Они вошли в дежурную фанзу. Комната освещалась только пламенем печурки. У камелька сидели истребители. Серов вскочил.

- Смирно! - раздался его возглас.

Летчики уже стояли по форме. Серов рапортовал о готовности звена.

Комэск негромко произнес:

- Объявляю боевую тревогу.

Не успел он договорить, как летчиков точно вихрем вымело из фанзы. Они бросились вон, волоча за собой парашюты.

Командиры направились вслед за летчиками. Когда они подошли к взлетной площадке, пилоты уже сидели в кабинах, моторы ревели. Мотористы отбежали в сторону. Серов, высунувшись из кабины, напряженно всматривался в лицо комэска. Куда он прикажет лететь? Где противник?

Командир эскадрильи подошел к самолету. Анатолий услышал:

- Вахта отменяется. Тревога была учебной. Отношения с Японией улажены. Товарищ Серов, постройте звено.

Серов выскочил из кабины и приказал всему звену построиться. Летчики, техник, мотористы выстроились перед командованием. Представитель штаба армии обратился к ним:

- Товарищи! Ваше звено блестяще справилось с задачей. В максимально короткий срок после объявления тревоги летчики оказались на своих местах в полной боевой готовности. От имени штаба Особой Дальневосточной армии объявляю всему звену благодарность.

- Служим Советскому Союзу! - прозвучал ответ. В интимной, дружеской беседе Серов признавался:

- Каждый раз, выходя на дежурство, я думаю: "Может быть, как раз сегодня будет получен приказ вылететь навстречу врагу". Может быть, противник сегодня пошлет на нас свои соединения, но мы встретим его в воздухе огнем пулеметов раньше, чем он сможет оперировать над нашей территорией. Ждешь, по сто раз

проверяешь вооружение, запас горючего... Шагаешь по промерзшей земле, думаешь, как изловчиться, чтобы взлететь на лыжах с этого твердого, обледеневшего грунта... И вот тебе объявляют, что можете спокойно отправляться спать!.. Обидно, ребятушки!.. Мне уже 24 года!

- Да, старик! - хохотал Сидоров, который был несколько старше Анатолия.

- Нет, я хочу подраться за родную землю раньше, чем состарюсь. Я же истребитель! И ты, и ты тоже! Мы истребители.

Власов мягко успокаивал Серова.

- Дождемся своего часа, Анатолий. Не горюй. Только надо полагать, что лучше бы наши люди, народ, дети наши спали спокойно.

- Ты прав, Шурка. Ты прав... Но пусть там, за сопками, за океаном знают, что мы способны драться, и мы их разобьем, если сунутся.

- Для этого мы и служим здесь, на границе, - деловито заключил Андрей.

...Над горизонтом тянулась сизая дымка. Постепенно она заволакивала верхушки сопок, затуманивала такое ясное утреннее небо. На аэродроме находился весь летный состав эскадрильи. Серов, Сидоров и Власов стояли вблизи своих самолетов и недовольно поглядывали на горизонт, опасаясь, что полеты будут отменены. Серов дал задание:

- В выполнении сегодняшних полетов ни один пункт не изменен. Что вам неясно? - спросил он у Власова.

- Товарищ командир звена, пора бы запускать моторы.

- Повторите задание.

Власов точно изложил свою задачу. Серов взглянул на часы. Сидоров тоже. Они переглянулись.

- Дымка скоро рассеется, - успокоил их комзвена.

Выстроившись в ряд, самолеты готовы по первому знаку сорваться с места. Летчики в кабинах.

Ровно в восемь часов разрешен вылет. Машины одновременно поднимаются на две тысячи метров и исчезают из виду. Где-то в непроглядной туманной дымке поют свою песню моторы, то понижая, то повышая тона этой удивительной музыки, самой отрадной для уха летуна. Металлический звук отлично слышен, когда звено выполняет высший пилотаж.

Вдруг эта ритмическая музыка переходит в оглушительный рев. На земле все поднимают голову. Самолеты идут на определенной дистанции один от другого, одновременно делая разворот, затем по знаку ведомого расходятся для учебной стрельбы. Первой идет "двойка" Серова. Вот он спикировал.

С земли наблюдающие увидели рывок огня.

- Что это?.. Горит?

- Это блики от солнца.

- Нет, пламя. Вон и дымок пошел. Горит самолет Серова.

Что произошло?

Серов ввел машину в пике и начал уже выводить, когда мотор затрясло, как в лихорадке. Слух резанули характерные звуки перебоя. В одно мгновение мотор потерял шестьсот оборотов. В лицо дохнуло жаром. Из-под карбюратора огненными змейками выползает огонь.

На самолете пожар! Надо немедленно принимать решение. Как спасти машину, жизнь? Решение принимается одновременно с выполнением его. Серов повел машину на вынужденную посадку. "Успею ли довести до аэродрома?"

Та же мысль тревожит людей на земле: дотянет ли? Полосы дыма за машиной не предвещали ничего доброго.

...Серов протянул руку к пожарному крану, перекрыл доступ бензина в мотор. Затем он кладет машину на крыло и глубоким скольжением теряет высоту почти до самой земли. Расчет сделан точно: впереди посадочный знак. Летчик выводит машину из скольжения и уменьшает скорость для посадки. На нем начинает тлеть комбинезон. Дым застилает глаза. Кажется, будто самолет завис в воздухе и сейчас сорвется в штопор. Решают доли секунды. Серов ведет точно и сосредоточенно. Миг - земля пошла быстро навстречу. Еще миг - и самолет коснулся земли колесами и костылем, садится на три точки!..

Люди со всех сторон бегут к машине. Впереди всех, широко разбрасывая ноги, мчится техник Тарасов, переполненный тревогой за летчика и за машину, забыв о том, что ему самому придется отвечать за неисправность материальной части. Машина наконец останавливается, летчик выскочил из кабины. Ему кричат:

- Вы горите! Комбинезон дымится!

Он приказывает:

- Помогайте тушить огонь на машине!

Самолет спасен. Возвращается в свой гараж порожняком санитарная машина. Тарасов берет "двойку" на свое попечение. Через несколько дней она, уже отремонтированная, перепорхнула с линейки на старт и, смирно стояла на своем месте, а Серов сидел в кабине, ожидая сигнала дежурного по старту. Тарасов еще раз осмотрел самолет. Полученное взыскание он считал заслуженным и рад был, что его не отстранили от работы во втором звене.

Этот случай был описан в "Тревоге", газете Особой

Дальневосточной. Происшествие стало предметом разборов на учебных занятиях в авиачастях. Молодежь наматывала себе на ус пример Серова, быстроту и точность его действий перед лицом грозящей катастрофы. Когда товарищи поздравляли Анатолия с замечательной находчивостью в таком критическом положении, он отвечал:

- Я не первый! С Нестеровым, например, была такая же история на "ньюпоре". Кажется, в тринадцатом году. На высоте меньше ста метров вспыхнул бензин в трубопроводе. Нестеров выключил зажигание, резко накренил самолет, развернул и сделал посадку "без дров, без щепок, хотя и с огнем". У меня был запас высоты, а у него разворот мог закончиться куда хуже!

Однажды зимой в полете на "И-5" Серов заметил, что нос одной лыжи опустился, она приняла неправильное положение, наклонившись вперед под углом 30-40 градусов, - оказался отцепленным амортизатор!

Это был недосмотр техника. Серов стал кружить над аэродромом. На земле поднялась тревога, вызвали санитарную машину, ждали аварии. Примчалась на всякий случай и пожарная машина. Однако Серов умело повел самолет на посадку таким образом, что лыжа, соприкоснувшись с землей, выровнялась, и все обошлось благополучно.

Этот опыт пригодился в дальнейшем в происшествии с Сидоровым.

Но положение с Андреем Ефимовичем осложнялось тем, что он летел на двухместном "У-2" и имел во второй кабине пассажира - техника Моторика и, следовательно, отвечал и за его жизнь.

Вылетев не на своей машине, а на "У-2" по какому-то заданию в другую часть, Сидоров и Моторин возвращались на свой аэродром. На земле был выложен крест - запрещение посадки. Не понимая причины, Сидоров повел машину на снижение, всматриваясь в сигналы. По полю бежали люди, махали руками, показывая на его самолет.

- Что-то случилось, не дают садиться, - сказал он технику через переговорную трубку.

Моторин молча смотрел вниз. Кто-то на земле догадался и побежал по аэродрому с лыжей в левой ! руке. Моторин вздрогнул.

- Левая лыжа! - у техника волосы зашевелились на голове.

Сидоров вспомнил случай с Серовым. И его слова на разборе: все дело в правильном, точном расчете.

Андрей повел самолет по кругу и крикнул Моторину:

- Вылезай, брат, на крыло.

Моторин беспрекословно выполнил приказание. В грудь ударила ледяная струя воздуха. Сжав челюсти, напрягая мускулы, осторожно переступая, чтобы не скользить, Моторин перегнулся и достал рукой до широкой лыжи, спустившейся носом книзу. Молодой человек поднял голову и встретился взглядом с глазами пилота. За большими летными очками голубые глаза Андрея, дерзкие, отчаянные, каких Моторин у него еще никогда не видел, одобряюще подмигивали технику.

Не выпуская управления, Андрей одной рукой снял с себя ремень и конец передал Моторину. Тот понял и тоже одной рукой пристегнул этот конец к своему поясу. "Чего он хочет от меня?" - думал он, напрягая внимание. Догадывался, но верить не хотелось. Сидоров крикнул:

- На лыжу! Выполняй!

Моторин протянул руку к лыже и вопросительно посмотрел на Андрея. Тот кивнул головой и смотрел так, точно подталкивал Моторина.

Техник одним рассчитанным движением стал на задний конец лыжи, крепко держась за трос. Лыжа сразу приняла горизонтальное положение. Ремень натянулся в левой руке Сидорова, одетой в меховую рукавицу.

Моторин, как и многие в эскадрилье, слыхал о прежних выходках Сидорова в воздухе и не очень доверял педантичности и подчеркнутой осторожности этого летчика. И не был уверен, сумеет ли Сидоров подняться на ту высоту летного мастерства, когда воедино слиты безумная храбрость, знание и расчет. Только такая высшая ступень могла бы спасти их обоих. Тем не менее он вверил себя твердой руке пилота.

Самолет сделал круг и с четвертого разворота пошел на снижение. На земле поняли, что горючее кончилось и надо во что бы то ни стало принимать самолет. Крест убран, выложен посадочный знак как полагается - против ветра, служащего тормозящей силой при приземлении.

Люди напряженно следили за посадкой. Вдруг кто-то крикнул:

- Человек на лыже!..

Человек стоял на лыже. Самолет быстро несся на сближение с землей. Малейший толчок, едва заметное покачивание машины - и тот, кто на лыже, сорвется и разобьется насмерть. Или удар при соприкосновении с землей может сбросить его, что не менее опасно. Катастрофа была более чем вероятна. На аэродроме стояла санитарная машина, находились здесь врач и санитары...

Удерживая занемевшей рукой туго натянутый ремень, прикрепленный к поясу Моторина, Андрей другой рукой

уверенно, ровно вел машину, держа ее в классически правильном горизонтальном положении и в момент потери высоты, и в минуты приземления и пробега самолета по земле. Обе лыжи одновременно скользнули, остановившись у "Т".

- Вот это посадка!

- Молодчина, Андрей!

- Классик!

Крики одобрения из всех уст. Действительно красивая посадка! Мотористы и летчики со всех ног бросились к машине. Придерживая самолет за края плоскостей, тормозя пробег, они буквально сняли оцепеневшего техника, и он стоял, хлопая рукавицами и с трудом раздвигая губы в улыбке. Сидоров вылез из кабины, расправляя натруженные донельзя обе руки, и направился к комэску, пережившему мучительные минуты.

Рапорт принят. Установлены причины обрыва троса. Привлечены к ответственности виновники аварии.

Серов находился в полете. Вернувшись и узнав о происшествии, поругал Андрея, что тот сел в чужую машину, не проверив ее перед вылетом. В конце "разноса" он сказал:

- А все-таки это "чкаловский" расчет. Я такого не встречал. Это потрясающе.

Сидоров напомнил Серову о случае с ним самим.

- Из этого надо было сделать вывод о предусмотрительности!

- Я сделал вывод, как сажать машину при сходных обстоятельствах.

Анатолий засмеялся и горячо обнял Андрея.

- Не спорю, вы показали себя как настоящий... академик!

Эпизод с оторванной лыжей также стал предметом разборов в различных эскадрильях ОКДВА. Еще строже стали требовать от летчиков и техников внимания к материальной части, еще настойчивее и чаще командование проверяло ее состояние и за малейшее упущение строго взыскивало. Было сообщено обо всем этом в Москву, как делалось всегда. Служба пошла своим чередом, в звене о происшествии вспоминали редко. Как вдруг было получено известие: Андрей Ефимович Сидоров награжден орденом Ленина за доблесть и мастерство в сложных условиях, Моторин награжден орденом Ленина за хладнокровие и мужество перед лицом смертельной опасности.

И снова по всем "точкам", где располагались авиачасти и соединения среди сопок и таежной глуши, - прошумели крылья славы второго звена. Дальневосточники-пилоты говорили:

- Не мешает поучиться кое-чему у этих "воздушных акробатов"!

* * *

Серова стали назначать посредником во время воздушных состязаний летчиков разных частей и соединений. Он радовался такому признанию его авторитета в летном искусстве. Но одно обстоятельство его возмущало.

Посредник, поднявшись в воздух, наблюдал за учебно-боевыми полетами и "воздушными боями", потом на земле докладывал о качестве пилотажа тех и других летчиков. На этом основании составлялась -оценка подготовки пилотов. От посредника зависело, кому будут присуждены первые места. Поэтому на него смотрели с уважением, старались быть поближе к нему, чтобы узнать заранее его мнение.

Но побывав раз-другой в этой почетной должности, Анатолий заскучал. Подниматься в воздух только для того, чтобы смотреть на полеты других и не сметь самому покрутиться на большой высоте, оказалось выше его сил. И однажды, когда вновь пришлось летать в сторонке на посту наблюдателя, он, едва оторвавшись от земли, еще при взлете сделал одну-две фигуры, потом, набрав высоту, произвел "бочку", переворот, и только после этого пошел на свое место посредника.

За нарушение дисциплины и порядка выполнения задания Анатолий получил нагоняй от командования.

Несмотря на это, он в следующий раз, не удовлетворенный тем, как летали в этот день, стал показывать соревнующимся класс высшего пилотажа, выделывая в воздухе самые головокружительные каскады фигур. Знал, что ему попадет, но не удержался и целиком отдавался тому танцу пернатых, о котором писал когда-то Нестеров.

Его сняли с поста посредника. Он так тяжело переживал это наказание, что командование решило допустить Серова к этой работе, при этом разрешить ему перед началом соревнования продемонстрировать в воздухе свое высокое мастерство. Это уже было большое признание! Но Серов был счастлив по-своему: после полетов он говорил: - Дали отвести душу!

Ему лишь бы летать, лишь бы вот так танцевать, ласточкой крутиться в синем небе. И, уже не таясь, перед полетом объявлял:

- Ну, сейчас покажу.

И с момента взлета начинал выписывать в воздухе свой сложный рисунок и сериями, и каскадами фигур, сменявших одна другую. Он словно играл машиной, безотказно служившей ему, он как бы сливался с ней в единое крылатое существо и в этой могучей игре выражал свой сильный и жизнерадостный характер.

Один из его дальневосточных друзей, а впоследствии член серовской "семерки" в Москве, полковник Александр Павлович Николаев, вспоминая службу в ОКДВА, говорил:

- У Анатолия Константиновича был свой стиль полета. Остались в прошлом резкость и грубость пилотажа, за которые его справедливо упрекали. Эти недостатки сменились замечательной напористостью, неустрашимостью, решительностью в стиле полета. Отчаянно, горячо пилотировал. И наши летчики любовались его пилотажем. Со своим звеном он занимал почти всегда первые места по всем показателям. Помню, он быстрее всех набрал высоту в пять тысяч метров... Стрелял в воздухе великолепно, по меткости стрельбы его никто не мог превзойти. Да и все звено Серова шло впереди по воздушным и наземным стрельбам. Да, Серов любил летать!.. Множество летчиков помнят свою учебу у Серова, он и им привил свою любовь к авиации, как и свое умение смотреть и стремиться всегда вперед.

На разборы, которые проводил Серов, приходили летчики из других подразделений, особенно летная молодежь стремилась поучиться у него. По поручению командования Серов продолжал вводить в строй новичков. В своей работе с молодежью он всегда напоминал им о Чкалове, приводил в пример его летный опыт.

За этот период с двадцать пятого по тридцать пятый год наша авиация обогатилась тем новым, что вносил Чкалов в тактику воздушного боя. Он создал ряд приемов наступательной тактики истребителя и открыл путь развитию различных форм сочетания огня и маневра как основы воздушного боя. Серов был не только практиком, но и исследователем в этой области. Он тщательно и страстно изучал то новое, что рождалось в авиации, особенно же, конечно, опыт Валерия Павловича. Чкалов вел вперед. Анатолий хотел, чтобы Чкалов стал идеалом для летной молодежи.

- Что является главным ориентиром в работе Чкалова как летчика-испытателя? - спрашивал Серов у молодых.

Сыпались ответы:

- Слава!

- Летать лучше всех!

- Стремление овладеть в совершенстве техникой пилотажа.

- Изучить все системы самолетов, летать на любых машинах.

- Его страсть - искание нового. Серов одобрительно улыбался.

- Хорошо, если каждый из вас будет руководствоваться этими ориентирами и - самым главным: любовью к советской Родине, к людям, к народу - вот это его главный ориентир. Это и главный источник чкаловского вдохновения. Эта высшая идея и руководит им. Я давно изучаю чкаловский высший пилотаж. И с карандашом в руках, и на практике. При заходе на посадку я летал вверх колесами и лишь с двухсот метров возвращал машине нормальное положение. А Чкалов делает "бочки" на пятидесяти

метрах. Правда, у него более мощная машина, чем у меня.

Серов объяснял молодым летчикам значение таких творческих побед Чкалова, как ведение меткой стрельбы по воздушной цели из любого положения самолета. Чкалов стрелял, например, с перевернутого полета, он же совершил замедленные "бочки" и впервые в мировой авиации совершил восходящий штопор.

Эти лекции или, вернее, живые творческие разговоры, зажигали молодежь жаждой полного овладения летным мастерством. Борьба за первенство стала стилем всей жизни истребительной эскадрильи, где служил Серов.

* * *

Ночь. В глубокой мгле спит земля. Временами темноту просверливают лучи прожектора. Порой проливается ровный поток света от переносной лампы. Тьма ненадолго разрывается. Промелькнул силуэт человека. Вырисовался контур стального тела крылатой машины, рулящей по твердому грунту. Команда. Ответное "есть!"... Шаги бегущего - передать приказ. Кто-то тихо выругался, а рядом невидимый весельчак покатился со смеху.

В темноте угадывается широкое приволье. Над головою - темные плывущие облака, изредка открывающие окна, через которые мигают звезды, крупные, как на юге. Луна еще не зашла, но уже скрылась среди туч небосклона. Возникают и плывут в вышине красные огоньки, чуть слышна их далекая песня. Но вот дальний рокот сменяется мощным ревом. На аэродром ложится лента луча прожектор освещает посадочную площадку. И свист винта, мотор сбавляет обороты, шум плоскостей, режущих воздух. Один за другим возвращаются самолеты.

Среди звезд появляются сразу три огонька. Они движутся на определенном расстоянии друг от друга, не удаляясь и не приближаясь один к другому, словно летит один самолет, одно крылатое тело. Голос дежурного по старту:

- Второе звено возвращается из маршрутного полета.

Как и для предыдущих самолетов, на земле зажигаются лампы, расположенные в виде знака "Т". Земля принимает "двойку", за которой почти в одно время (едва она отрулила) приземляется второй самолет, затем третий, в том же ритме, точно живые сознательные существа. Мотористы заботливо встречают свои машины, при рулежке идут рядом, держась за плоскость крыла и направляя машину к месту.

Не уходя с аэродрома, командиры отрядов и звеньев проводят разбор полетов, очень ответственных в ночное время. Ночным полетам уделяется всегда особое внимание. Сегодня второе звено впервые совершило полет строем. Это предстоит хорошенько

освоить. Комэск благодарит летчиков. Серовцы оживленно переглядываются и весело возвращаются в авиагородок. Серов, Сидоров и Власов шагают рядом друг с другом - они всегда вместе, что стало уже предметом добродушных шуток в эскадрилье. Власов рассказывает, как недавно, совершая длительный маршрутный полет, он попал в туман и из-за неполадки в моторе сел на "вынужденную".

- Местность незнакомая. Болото! Еле нашел подходящую площадку. Потом взлетел, даже не замочив колес. Можно было пройти в ближайшую деревню, да не хотел бросать машину, справился один.

- Так ведь недаром нас все время натаскивают по изучению техники. Не вечно к твоим услугам будет моторист! - резонно заметил Сидоров.

- Слушайте, братушки, а вы видели меня сегодня в полете? - неожиданно спрашивает Серов.

- А как же? - удивляется Андрей. - По бортовым огням.

- Я видел вас и Сидорова, - встрепенулся Власов, - когда еще не зашла луна. Самолеты вырисовывались на ее фоне, как силуэты, четко-четко.

- А ведь верно, - вспоминает Андрей. - Когда мы шли вдоль черной тучи, я видел другие самолеты - они проходили на фоне луны.

Серов рассмеялся, точно сделал открытие.

- И я заметил! Подумал еще: будь это противник, он не ушел бы от меня. Представляете? Я иду вдоль темного облака, он меня не может видеть, а сам-то виден как на ладони. Забирайся ему в хвост и лупи. Дело секунды.

Андрей недоверчиво смеется.

- Одно дело ночная бомбежка. Положил свои бомбы и - домой. А уж драться... Это только при дневном свете.

Серов заспорил.

- Днем учитывается положение противника по отношению к солнцу? И когда он летит лицом к солнышку, он теряет меня, я же иду на него от солнца, вижу врага и поражаю его. Ночью же его надо ловить на фоне луны, самому же идти вдоль тучки.

Серов меняет тему разговора, начинает шутить и дурачиться, вовлекая в игру остальных, и они затевают шумную возню, как мальчишки после уроков.

Всю зиму 1933-1934 гг. и следующую эскадрилья занималась усиленной тренировкой по ночным полетам строем и ночным маршрутным полетам. Летали и днем с закрытой кабиной - так называемые слепые полеты, - руководствуясь только авиаприборами. По ночным и слепым полетам серовское звено

стало искуснейшим в авиабригаде. Забегая вперед, скажем, что в 1937 году Серов стал первым в мире организатором ночных воздушных боев. Но об этом дальше.

В ДКА были вывешены результаты учебно-боевой подготовки. Звено Серова получило отличную оценку по бомбометанию, стрельбе, технике пилотирования, знанию материальной части, а также по групповой слетанности в ночных условиях.

Сидоров и Власов подали заявления в партию. На партийном собрании Серов с гордостью слушал высокие оценки, какие давали его ведомым командиры, товарищи, да и он сам со светлым, счастливым лицом объявил, что считает каждого из них настоящим коммунистом. Потом были приняты в партию и другие члены маленького, но прославившего себя среди дальневосточной военной авиации звена истребителей - техники, мотористы... Звено стало коммунистическим. Это обязывало. За год они получили сорок поощрений, несколько наград от Реввоенсовета ОКДВА. К XVII годовщине Октября имена Серова, Сидорова и Власова были торжественно занесены в Книгу революционного почета или, как ее называли, Книгу золотых кадров воздушной армии.

* * *

Анатолий Серов не только был замечательным летчиком и воздушным бойцом. Он был живым, темпераментным молодым человеком. Выше среднего роста, сильного и хорошего сложения, с открытым, приветливым лицом и такими яркими синими глазами, что казалось, они лучились, делая все лицо необычайно привлекательным. Притом танцевал он хорошо и любил танцы. Девушкам он нравился.

...В отпуске Серов сначала побывал в родном Надеждинске.

Еще до отъезда на Урал ему удалось встретиться с младшим братом Евгением. Женя окончил металлургический техникум, работал на заводе, когда наступил год призыва, был послан на Дальний Восток. Между братьями завязалась переписка, потом Евгений приехал к старшему брату и провел у него несколько дней. Анатолий стал заботиться о Жене, посылал ему деньги и гостинцы, уговаривал перейти в авиацию. Но младший брат твердо решил после армии вернуться на свой завод и посвятить жизнь металлургии.

По пути домой Анатолий заехал проведать старого друга Виктора Недосекина. В Свердловске сразу отправился на Уралмашзавод. Ведь этот завод и строил его дружок-доменщик! Из проходной позвонил в механический цех. Через несколько минут к нему вышел высокий худощавый человек. Только по белозубой улыбке смуглого лица и озорным карим глазам Анатолий узнал Виктора - так тот возмужал за эти годы.

Анатолий провел на заводе весь день. Виктор показал ему новое оборудование. Он старший мастер механического цеха. К Анатолию сбегаются друзья по ФЗУ - надеждинцы. Теперь это квалифицированные металлурги, электрики. Вечером сошлись в комнате Виктора. Недосекин рассказывал, как строили Уралмаш.

- Помнишь, Толя, в Надеждинске столько говорили об Уралмашзаводе - это, мол, будет завод заводов! А когда мы приехали, тут еще кругом был лес, медведи ходили, ей-богу. Стройка только начиналась. Приходим в цех: давайте ребят помоложе, обучим работать. Не дают. И комсомол не дает: сначала, мол, посмотрим, на что сами-то вы способны, а потом, может быть, дадим комсомольцев. Мы пошли туда, где принимают на работу. И давай спрашивать хлопцев: "Кем хочешь быть? Сколько хочешь заработать?" - "Сто двадцать заработаю, и ладно". - "Хорошо, иди в бригаду". Подобрали людей, стали с ними заниматься. Народ все неквалифицированный. Показываешь им чертеж: знаешь это? Не знает. А хлопцы в общем славные, хотят учиться. Днем мы с ними работаем, вечером занимаемся чертежами. Ребята пальцами водят, а отошли - и через три

минуты все забыли. Потом стали все-таки различать ключ дюймовый, полудюймовый, пятиосьминный...

- Ух ты-ы! - хохотал Анатолий. - Темнота! Да ведь главное - хотеть и добиваться! И ты смог? А как же! Ты же был у нас лидером, помнишь? И что же твои хлопчики?

- Ничего, стали разбираться в сложных измерительных инструментах. Через две недели собрали мы новую партию и к каждому приставили по одному из тех, кто уже был подготовлен, понемногу дело пошло. Поручили нам конструкцию подбирать большие балки - в 60 тонн весом. Это поначалу. Потом все более сложные задания.

- А как смотрел на это комсомол? Признал вас?

- Как же! Стал более дружески посматривать в нашу сторону, помогать. Да ребята ведь понимали, какое значение имеет стройка, их работа, зачем строится завод. Все больше поднимали темпы. В конце зимы стало не хватать электричества. Нам поручили собрать мачты для тока высокого напряжения. Шли по льду вдоль озера, знаешь? 28 апреля поставили мачты - раньше срока.

- Это по-уральски! - с уважением произнес Анатолий, - Ну, а дальше учиться? Не собираетесь, ребята?

- Почему? Все занимаются на разных курсах. Я побывал на передовых заводах страны, изучал технологию машиностроения.

- А дальше?

- Готовлюсь к приему в академию.

- Неужели в воздушную? - невольно сорвалось у Серова с языка.

- Что ты! В промышленную. А ты, наверно, тоже готовишься и именно в воздушную академию? Ты ведь об этом всегда мечтал...

- Не знаю. У нас учебы по горло. Все время учимся. Вот побываю в Москве, посмотрю там...

В Надеждинске Анатолию на другой день приезда показали заводскую многотиражку "Сталь". Там была помещена статья с длинным заголовком:

"Вы помните мартеновца Серова? Он сейчас командир авиазвена в Дальневосточной".

- Завод получил письмо от твоего командира, - объяснил отец появление этой статьи. - Завод очень тобой гордится, хотя никаких подробностей командир не написал. Но по всему видно - ты молодчина, сынок. Тебя ждут не дождутся и молодежь в аэроклубе, и в мартеновском цехе, да и старики хотят посмотреть на своего питомца.

Анатолий побывал прежде всего у Ивана Алексеевича, пил чай с брусничным вареньем, уничтожил порядочно пельменей и

пирогов. Иван Алексеевич откровенно любовался своим бывшим учеником, расспрашивал его о летной учебе, как Анатолий научился прыгать с парашютом. Серов охотно рассказал о своем первом прыжке.

- По правде сказать, Иван Алексеевич, особенно я не испытывал любви к парашютам и даже считал, что хорошему летчику парашют никогда не понадобится. Опытный летун все учитывает перед полетом, и у него не должно быть аварий. Разбиваются, думал я, одни дураки.

- Это ты зря, - нахмурился Кучин. - И на старуху бывает проруха. Всякое может случиться. Дурак тот летчик, кто не умеет прыгнуть с парашютом. И ежели ты...

- Тут я кой-чего не учел, конечно. Потом сообразил. Парашютные прыжки обязательны для летчиков. И вот подняли нас, группу парашютистов-любителей, - как мы в шутку называли себя, на "ТБ-3", то есть на тяжелом бомбардировщике. Идем первый круг, второй... Командир экипажа, летчик, поднимает руку: выходи. Выхожу на крыло. Глянул вниз, господи, земля-то как далеко!..

Иван Алексеевич усмехнулся:

- А из кабины летчика она поближе, что ли?

- Так ведь тут - прыгать! Разглядел аэродром, замечаю движущиеся точки - люди. Небось, смотрят, как я справлюсь. А мне вдруг ужасно расхотелось прыгать. Вернуться в кабину, что ли? Ведь за это ничего не будет. Насильно не вытолкнут. Командир делает пальцем знак: давай прыгай, брат. Сзади уже выходят на крыло другие... Эх, думаю, не прыгну, так они, черти, проходу не дадут, засмеют. Меня как обожгло. Согнул колени и - долой с крыла. Камнем валюсь куда-то в пропасть. Но сознание работает, держу руку на кольце. Дернул не сразу, а когда удалился от самолета - это чтобы парашют, раскрываясь, не зацепился за машину. Меня как дернет кверху! Потом - в сторону... Нет, раскрылся-таки. Плавно пошел. Я осматриваться стал. Самолет недалеко, оттуда наблюдают за мной. А земля все ближе. Почувствовал себя совсем хорошо, даже запел, ей-богу...

- Не про Чапая ли?

- Про него...

Кучин положил руку на плечо Толи, тихо улыбнувшись ему. Сердце сильней стучало. Мысленно он был вместе с ним и пел ту же песню.

- Хорошо летел, а скажи, как сел?..

- Приземлился я не так уж удачно. Меня отнесло в сторону, прямо на телеграфные провода. Начал подскальзывать, регулирую натяжение строп. Прошел столбы и... упал на рельсы!

Не догадался ноги поджать, здорово ушибся, не могу подняться. Слышу - поезд идет. Поднял голову, смотрю, состав мчится на меня.

- Ах ты!..

- Обидно! Сам ведь варил сталь на эти рельсы, а теперь погибать на них?!

Кучин отодвинулся вместе со стулом, нахмурив брови.

Анатолий вскочил и, увлекшись рассказом, жестикулируя, продолжал:

- Все силы собрал, перевернулся, перекинул себя на ту сторону насыпи, покатился под откос как раз, когда поезд прошел мимо меня. Я аж кулаком ему погрозил. Вот как вы сейчас.

Оба рассмеялись. Иван Алексеевич перевел дух.

- Больше не прыгал, небось?

- Прыгал. Освоил это дело, как, помните, научился летку закрывать в мартене? Натренировался.

Кучин оглядел своего любимого подручного, потом вместе с ним отправился на собрание молодежи. Ему хотелось всюду присутствовать при том, как встречают Анатолия. Правда, и Константин Терентьевич почти не расставался с сыном. Он и гордился им, и постоянно чувствовал тревогу за него - ведь он был самым лучшим, самым красивым его ребенком!

Заводская молодежь потащила Серова в аэроклуб. Он посмотрел полеты, сам слетал. Провел разбор занятий, рассказал о своей жизни, дал немало дельных советов будущим летчикам Осоавиахима. Говорили о первых Героях Советского Союза, о Каманине и Водопьянове - дальневосточниках, участниках спасения челюскинцев. Кто-то спросил:

- А когда вы станете Героем Советского Союза? Все рассмеялись, но Кучин строго посмотрел на молодежь и воззрился на Анатолия, требуя ответа.

Анатолий, улыбаясь, сказал:

- Да когда приведется. Про то, что уже сейчас делают наши военные летчики, не все можно напечатать. Со временем народ узнает о них. Каманин, например, был у нас, так сказать, обыкновенным летчиком, командиром отряда. Таких "обыкновенных" наша дальневосточная военная авиация может представить немало... когда понадобится. Могу заверить, мы не подкачаем.

И снова прощание, снова теплые объятия матери, ободряющая улыбка ей все будет отлично, мамашенька.

- Что ж ты невесту не выбрал у нас, в Надеждинске?

- Мамочка, да ведь отпуск на целый месяц. А найти невесту не так просто. Моя невеста будет лучше всех. Королева!

- Все шутишь!

* * *

В Москве Серов прожил месяц с 4 апреля по 4 мая 1935 года. Добился разрешения бывать на московских аэродромах, знакомиться с самолетами новых выпусков. Но, как отпускнику, летать здесь не разрешали, чем он был по-настоящему огорчен. Во время первомайского парада Анатолий влез на крышу дома и наблюдал воздушный парад, полет истребителей. С грозным ревом промчались над его головой быстрые "И-5", его родные истребители, и новые, тупоносые машины, рокот которых казался ему сладкой музыкой, а скорость сказочной.

- Мне бы полетать на таких! Я бы показал не только полет по прямой. Покрутился бы!

Уезжая из Москвы, Анатолий обещал друзьям готовиться к поступлению в Военно-воздушную академию.

Академия. Летчик-испытатель

По возвращении на Дальний Восток Серов не сразу начал готовиться в академию, так как неожиданно он был назначен командиром отряда. Работы прибавилось. Подчиненными оказались опытные летчики, "старички", как их любя называли. Завоевать у них авторитет было нелегко. Анатолий это хорошо понимал.

Друзья часто писали ему и спрашивали о подготовке к вступлению в Военно-воздушную академию. Они деятельно хлопотали за него и добились успеха. Все зависело как будто от него самого. Он сомневался, что его отпустят из авиабригады. Анатолий писал друзьям:

"Вот я снова в своем "логовище". Усиленно принялся за подготовку в академию. Не знаю, что из этого выйдет. Меня же отсюда не выпустят, по-моему, только чудом можно вырваться отсюда. Подал рапорт командованию части, но не отвечают. Но будем надеяться на лучшее. Я буду учиться".

В июне, получив весточку из Москвы, что он и Сидоров включены в список будущих слушателей академии, Серов писал:

"...Я начал готовиться в академию. Наше общее желание сильно подстегивало меня. Все бы было хорошо, если бы не это столь неожиданное продвижение меня по службе... Для того чтобы подготовиться в академию по программе 1933 г., мне нужно не менее 500 часов свободного времени. Этого времени у меня сейчас нет. Т. Лапин{2}, назначая меня на должность командира п/о (подразделения. - З. Ч.), был предупрежден т. Харитоновым (командиром эскадрильи. - З. Ч.) о моем желании учиться в академии, на что он ему ответил: "Пусть поработает на новой работе, справится с нею, добьется хороших результатов, и

тогда я ему обещаю в 1936 г. отправить его учиться в академию". Ему нельзя не верить. Этот человек не бросает слова на ветер. Из сказанного им уже сделаны выводы. Меня зачислили кандидатом (официально) для поступления в академию им. Жуковского на 1936 г. Парторганизация имеет задание от политотдела обеспечить мне подготовку к учебе. Вот обстановка, в условиях которой я был вынужден выполнить волю т. Лапина. Ведь размах же моей настоящей работы больше прежней в 5 раз. Нужно справиться с ней во что бы то ни стало, и справиться так, как я справлялся с прежней. Я никогда не был в хвосте по работе и думаю, что и на сей раз я не окажусь в хвосте! Правда, приходится бросать свое личное время на это, но ведь это только вначале, пока я не освоюсь как следует с новым положением. Мне сейчас приходится очень туго: мешает в работе моя молодость (ведь командовать приходится "стариками"!). Но партия поставила меня на эту работу и требует, чтобы я справился с нею лучше, чем те, кто работал до меня. Я обязан выполнить это требование как коммунист, и я выполню, обязательно выполню ее поручение. Награда же за это меня ждет известная: поеду учиться с громадным опытом практической работы опять же по заданию партии, для которой быть полезным - это вся моя жизнь".

Замечательные слова!

Серов увлеченно отдается новой работе, изучает теорию летного дела и тактику воздушных боев на новой, высшей основе после того, как имел уже теоретическую подготовку и в летных школах, и в командирской классной учебе. Командирские занятия обязательны, и Анатолий посещает их не только по обязанности. Он много читает, на занятия всегда приходит с чем-то своим свежими примерами, вопросами, предложениями по тактике и т. д. Он и его товарищи, опираясь на летный опыт, сами нередко ставят и решают новые учебно-тактические задачи.

Анатолий всячески внушал товарищам:

- Тактика воздушного боя будет по-настоящему решаться только в бою. Мы должны стать новаторами этой тактики. Вместе с военной хитростью, дерзостью и отвагой мы непременно должны воспитывать в себе осмотрительность, умение всегда первыми обнаружить и внезапным маневром атаковать врага.

Он уже достиг такого совершенства в летной практике, что учиться у него значило двигаться вперед, и опытные летчики стремились многое у него перенять. Хотя Анатолий признавался в переписке с друзьями, что у него в подчинении находится "народ все же старый и туговато приходится руководить", он нашел правильный тон в обращении с этим "старым" народом, возраст которого не превышал 27-28 лет, и отношения у него с отрядом

установились дружеские, на правильной основе непрерывного роста в боевой подготовке и соблюдении военной дисциплины. Немало помогал в этом характер Анатолия, его умение поднять дух людей, заразительная веселость, остроумие, простота. Его считали самым веселым человеком и самым смелым среди смелых истребителей.

Только одно лето серовского командования отрядом принесло такие результаты, что было решено досрочно послать его в Москву. Вместе с группой кандидатов в академию, в том числе с Андреем Ефимовичем Сидоровым, он держал экзамен и поступил в академию Жуковского в том же 1935 году.

Тогда только что были введены новые звания. Серову было присвоено звание старшего лейтенанта.

В академии Анатолий учился успешно, в особенности по специальным предметам. И так же, как и раньше, особенно углублялся в развитие боевой тактики - здесь его инициатива была неисчерпаемой. Лучшие педагоги академии с интересом следили за его учебой.

Но одно обстоятельство его угнетало и делало для него пребывание в академии непереносимым. Летной практики слушатели академии почти не имели. Если и приходилось полетать, то в качестве пассажиров.

- Пять лет не держаться за ручку управления!.. Да как же я смогу прожить столько годов без самолета, когда я и отпуск в один-два месяца не довожу до конца. Разве можно истребителю без ежедневной тренировки или соколу, орлу, простому воробью, наконец, без полета? Подержаться за ручку разрешают изредка, вроде как по праздникам. Этак весь опыт растеряешь, забудешь и то, что знал. И получится из меня стратег вроде воздушного милиционера - показывай жезлом, кому направо, кому налево. А мою машину будет вести шеф-пилот. Очень приятно сидеть у него за спиной, как у бабушки за печкой.

Сидоров спорил с ним.

- Командир соединения руководит боевыми операциями большого масштаба. От его умения руководить будут зависеть результаты крупных сражений.

- Да, да, конечно! А как вспомню свою "двойку", сердце и защемит. Кто-то там пилотирует на ней? Еще попадется какому-нибудь грабарю, не дай бог!

- Одно дело драться один на один с противником, другое - разбить их целое скопище над нашей землей. Эту задачу вы не сумеете успешно решить, ведя в бой только свой самолет или даже командуя звеном, отрядом.

- Вы, Андрей Ефимович, профессор своего дела и, как всегда,

ужасно правы. Но про себя я знаю: для меня настало время, когда теория проверяется практикой и практика обогащается теорией. В воздухе я чувствую себя, если хотите, профессором своего дела и могу пригласить на выучку любого из наших преподавателей. Я, Андрей, не умаляю значения нашей учебы и тысячу раз благодарю командование за то, что меня прислали сюда поучиться и в то же время убедиться в том, что я вам говорю. Я не могу не летать. Без полетов я - как рыба без воды. Умираю. Веришь?

Бывало, схватит Андрея за плечи и таким горячим взглядом вопьется в него, что тот разводит руками.

Анатолий приходил к слушателям инженерного факультета, подолгу говорил с ними о новых конструкциях самолетов, прочитывал их дипломные работы. Вне академии искал знакомства с летчиками Московского военного округа, расспрашивал о новых машинах, о скоростных истребителях, об испытаниях новых машин.

Еще в летной школе, когда Серов впервые познакомился с "авро" и потом сделал первые полеты на "У-2" и на "Р-5", конструкция летательного аппарата привлекала его глубокий интерес. Так было и на Дальнем Востоке, где он одним из первых опробовал "И-5". Командование отбирало лучших летчиков для испытания новых машин, и Серов был первым среди них. Он не успокаивался, пока не получал разрешения слетать. Вылететь впервые на новой машине было для него огромным удовольствием. В полете он знакомился с самолетом, изучал его "характер", добивался такой же свободы в полете на этой, как и на давно знакомой машине. Это ведь тоже было ощущением победы.

Он стал добиваться разрешения либо перевестись в летную строевую часть, либо назначения испытателем Военно-Воздушных Сил. Через некоторое время, после ряда настойчивых рапортов, его просьба была удовлетворена. Он был назначен командиром отряда летчиков-испытателей.

* * *

Серов проверял новые машины, особенности конструкций, летные и боевые их данные, вооружение. На новых машинах его летчики так же ходили строем, вели учебный воздушный бой, стрельбу по конусам и по земным целям, производили пилотаж.

Самолет необходимо испытывать на различных скоростных режимах. Учась у Чкалова, Серов выписывал многие фигуры не только на больших скоростях и на большой высоте, но и на малых скоростях и малой высоте, что значительно трудней. "Разоблачить еще одну ее тайну" хотел он всегда, как Валерий Павлович. Серов отдавал полету свое горячее, беспокойное сердце, любил дерзать.

Он не раз повторял чкаловские слова, что летчик, не умеющий дерзать, еще не летчик. Работая с конструкторами, которые прислушивались к его советам, он вместе с ними добивался наибольшей огненосной и маневренной силы самолетов.

- Истребительный самолет должен быть увертливым и стремительным, как ласточка, - говорил Серов. - Мы немало достигли в этом, но это еще не предел! Может быть, требуется совершенно новая конструкция, с изменением основного ее принципа, чтобы этот предел перешагнуть.

Авиаконструкторы угадывали в Серове новатора чкаловского типа, то есть не только исследователя, но главным образом, воздушного бойца, стремящегося иметь в своих руках совершенную и современнейшую технику и практически ею овладеть.

В институте Анатолия очень полюбили. Он обрел верных друзей, как, например, Виктора Георгиевича Рахова{3}?

Однажды Серов наблюдал, как Рахов и его двое товарищей взлетели звеном, плоскость с плоскостью, и, совершив полет над аэродромом, одновременно сели у "Т". Серов тотчас познакомился с летчиками и, пожимая их руки, сказал:

- Вот бы мне таких летунов! У меня в ДВК было такое звено, его называли звеном воздушных акробатов.

- Слыхал! - вскрикнул Рахов, молодой, почти юноша, летчик с огромными темными глазами. - Неужели вы - тот самый Серов? Такой молодой! Мы думали "старик"! Старый воздушный волк.

- По налетанным часам я, пожалуй, и есть воздушный волк, - засмеялся Анатолий. - Дожить бы до боевых встреч с врагом!

Рахов впоследствии сам рассказывал о том, как после этого знакомства прилип душой к Серову.

- Я всегда старался присутствовать на его полетах, наблюдать, учиться у него. Работал он замечательно. У нас, например, неважно была поставлена стрельба по конусам. Конус буксировали на "Р-5". Серов говорил: "Таскаете конуса на "Р-5", а драться-то придется с истребителями". И он придумал специальные подвески, приспособления для конуса на скоростных машинах, и стал проводить воздушные стрельбы. Возвращаемся со стрельб: у других летчиков результаты плачевные, а у него весь конус избит. Стрелял без промаха! Потом взялся за других и добился того, что и они стали стрелять по конусам хорошо. Анатолий в совершенстве владел стрельбой на всех высотах больших, средних, малых.

Неверно было бы думать, что работа Серова проходила без сучка и без задоринки. Бывали и у него ошибки, за которые приходилось жестоко расплачиваться и которые он переживал

тяжело. Одно такое приключение, случившееся с ним на аэродроме навсегда осталось у него в памяти.

Серов должен был взлететь на скоростной машине и рулил на линию взлета. Против правил, на пути оказался другой самолет. Серов со своего места не видел этого препятствия. Он зацепил стоявшую на дороге машину и, как говорили пилоты, "пошел рубить ей хвост".

Эта авария, к счастью, обошлась без жертв. Но Серову крепко досталось. Прорабатывали и разбирали во всех инстанциях, наложили взыскание. Строже всех судил себя он сам:

- Каждый ребенок знает - перед рулежкой осмотри путь прямо и по сторонам. Просто позор для старого летчика. С таких, как я, надо спрашивать еще строже. Буду контролировать себя во всем, чтобы больше никогда не возникала даже возможность подобного происшествия.

Но не только свои ошибки, хотя и крайне редкие, доставляли Серову огорчения. Не раз приходилось наталкиваться на неприязненное и недоверчивое отношение к его поискам нового. Так, например, долго не давали ему разрешения на практике показать, что истребительный самолет "И-5" может поднять большую нагрузку, чем было установлено. Он все-таки добился своего и поразил всех, подняв на "И-5" с земли планер, нагруженный для веса песком, причем в планере поместились двое - штурман и летчик - и так буксировал в воздухе. До Серова никто еще не брался за такую задачу, он же решил ее просто, так как отлично понимал возможности машины. И в других случаях ему иногда приходилось преодолевать сопротивление так называемых "предельщиков".

Уважение к нему росло, и когда он вел свой отряд и во время групповых упражнений улыбнется, бывало, кому-нибудь из кабины, тот был счастлив, что Серов доволен им.

Часть III.

Испания

Есть рядовым летчиком!

В ночь на 18 июля 1936 года по испанскому радио раздался условный сигнал:

- Над всей Испанией безоблачное небо.

По этому сигналу в Испании начался контрреволюционный фашистский мятеж. Его начал генерал Франко в Испанском Марокко и на Канарских островах. К восстанию против республиканского правительства примкнул офицерский состав армейских частей в разных районах Испании. Как средства для мятежа, так и инструкции для его подготовки и проведения Франко получил от Гитлера и Муссолини.

Ставились под угрозу все завоевания революционного испанского народа, рабочих Мадрида, Барселоны, шахтеров Астурии. В этот грозный час испанские коммунисты во главе с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури призвали трудящихся к оружию. Началась историческая битва испанского народа против полчищ реакции за свободу и демократию.

Внимание всего мира было приковано к этим событиям. Но они развивались не в пользу республиканцев. В результате так называемой политики невмешательства, проводимой США, Англией и Францией, законному испанскому правительству было отказано в военной помощи. В то же время Гитлер и Муссолини беспрепятственно снабжали испанских фашистов снарядами, патронами, винтовками, орудиями, самолетами и регулярными частями.

В начале мятежа на каждые четыре республиканских самолета приходился один самолет мятежников. Но после двух месяцев "невмешательства" картина резко изменилась: на один республиканский самолет приходилось двенадцать фашистских, а на один танк республики двадцать танков ее врагов! Победы доставались Народной армии ценой гибели сотен и тысяч бойцов, вступавших в бой подчас безоружными.

На помощь испанским патриотам поднимались честные люди всего мира. Преодолевая всевозможные препятствия, они достигали берегов Испании и вливались в ряды ее войск. Из этих храбрых добровольцев создавались отдельные интернациональные бригады. Бессмертный героизм проявила интернациональная бригада под командованием Матэ Залка, советского коммуниста, венгерского писателя, погибшего в бою за свободу испанского народа!

Многие советские люди разных профессий выразили желание отправиться в далекую Испанию и бороться плечом к плечу с ее рабочими и крестьянами.

Анатолий Серов, находясь за многие тысячи километров от Пиренейского полуострова, всей душой был там, за его вершинами, на прекрасной испанской земле, жесткой, горячей и плодородной, на которую лилась рабочая кровь. Однажды он, вернувшись в общежитие раньше обыкновенного, взволнованно сообщил товарищам:

- Некоторым из наших летчиков разрешили ехать туда.

И тотчас сел писать рапорт.

Ему отказали. Он снова обратился к высшему командованию. И на этот рапорт последовал отказ. Он повторял свою просьбу. В ответ отказывали или молчали. Серов продолжал атаковать начальство, аргументируя достаточно веско, что будет полезен в

республиканской Испании да и испробует свои силы в боях с фашистскими летчиками, которых посылал Гитлер в помощь Франко.

Ожидаемый вызов в управление застал его во время полетов. Получив его уже с опозданием, Серов взял мотоцикл у дежурного по аэродрому и помчался к управлению, где заседала военная комиссия по рассмотрению подобных же рапортов. Часовой не пропустил его, так как час вызова уже прошел. Анатолий не захотел вернуться и ждал у дверей здания. Через некоторое время летчики, получившие задание, стали выходить на улицу. Серов бросился к ним, чуть не плача:

- Ребятушки, помогите! Не сдавайте пропусков, идите назад! Скажите, что я здесь, явился, пускай меня примут! Братцы!

Летчики тут же вернулись и передали его просьбу. Его вызвали наверх. Он бросился по лестнице.

Когда Серов предстал перед комиссией, члены ее залюбовались этим красавцем-богатырем, глаза которого светились голубым огнем необычайной привлекательности и душевной силы. Ему сочувствовали и не хотели бы посылать туда, где его могли убить, в то время как он еще много пользы принес бы советской боевой авиации. Чкалову, например, несмотря на его рапорты, было решительно отказано в отправке в Испанию. Стали задавать вопросы, хотя Серова уже знали почти все члены комиссии. Он отвечал быстро и ясно. Наконец, Агальцов, будущий комиссар того участка фронта, где предстояло сражаться Серову, предупредил его:

- Вы старший лейтенант, но туда поедете как рядовой летчик.

Серов голосом, охрипшим от волнения, ответил: - Есть рядовым летчиком.

* * *

Он бы немедленно пустился в путь. Но ему был предписан срок подготовки к отъезду и дана возможность позаботиться о родных. Он отправился на Урал. В Свердловске не останавливался, торопился. В Надеждинске повидался с родными и друзьями, но никому не сказал о своей предстоящей работе. Товарищи все же потащили его по городу - на завод, в клуб, в аэроклуб.

Анатолий, думая, что это, может быть, в последний раз, любовно присматривался к дорогим местам, где протекли его отроческие и юношеские счастливые годы, завязалась на всю жизнь мальчишеская дружба с Виктором и другими комсомольцами...

Не было уже прежнего маленького рабочего клуба имени Первого мая. Его скромное здание занято курсами мастеров

социалистического труда. На площади перед горкомом партии высится большое красивое здание Дворца культуры. Там кипит творческая жизнь. Тысячи молодых и старых рабочих проходят через зрительные залы клуба и театра, участвуют в самодеятельности - лучшей в области!

Неужели это он, старый друг, Михаил Григорьевич Разумов?! Ну, да, он художественный руководитель клуба! Обнял Анатолия и ласково сказал:

- Спасибо, Толя, за чудные краги.

- Краги?

- Да ведь ты прислал мне из Гатчины, помнишь? В тридцать втором году. До сих пор хранятся. Я гордился ими, особенно тем, что ты не забыл меня. Ведь ты у нас во всем запевалой был!

- Был? - Смеющиеся синие глаза с легкой задумчивостью погрузились в глаза старого актера. - Не только был, но и есть и долго буду - как сейчас, живой перед вами, Михаил Григорьевич.

Рассказывает отец:

- Толя повел меня на аэродром, чтобы выполнить свое старое обещание покатать на самолете над родным городом. Погода стояла прекрасная, самолет был хороший. Санитарный самолет Наркомздрава. Анатолий посадил меня во второй кабине, сам сел в переднюю. Вот оторвались мы от земли и полетели над Надеждинском. Я смотрю, все вижу и узнаю. Зрение у меня всегда было превосходное, как у сибирского охотника. Сын в этом отношении пошел в меня. Вот он спрашивает, как я чувствую себя, не страшно ли? Я отвечаю: "Что ты, разве с тобой я могу бояться? Я же на тебя надеюсь". Он показал мне приборы, объяснил их назначение. Потом повел самолет кругами, все дальше и дальше. Я узнавал наш город. Он был похож на громадную раскинувшую крылья на земле птицу, головой ее был наш металлургический завод, а крыльями - улицы и поселки, тонувшие в зелени. С какой радостью узнавал я дальние места - наших горных разведок, золотых приисков, рудников и даже нашли мы Воронцовский рудник, где родился наш Толя. Мы наперебой указывали друг другу эти места и много о чем вспоминали. И вот он в последний раз покружился над Надеждинском и пошел на посадку. Уж голубые ленты Каквы и Сосьвы пропали из поля зрения.

Анатолий спрашивал на земле, как я чувствовал себя в полете. Я ответил:

- Если б что-нибудь и случилось, и то не страшно, ведь самолет-то санитарный! - Толя ужасно смеялся.

Серов прощался с Уралом. Прощался со своими лыжными трассами, по которым когда-то носился до Ауэрбаховского

рудника, до Богословска, до Турьинска. Словно сквозь светлую дымку выступили и пронеслись перед ним картины детства, юных лет, милых надежд и решений. Прощай, родной Урал!

* * *

Серов стоит на палубе огромного теплохода.

Сверкает, переливается бескрайнее море. Вода прозрачна. Низкие волны, словно раздавшись вширь, дружно расходятся перед кораблем. Летчику по душе этот светлый простор, резкие крики чаек, игра дельфинов, которые то появляются над волнами, то, круто изогнув хребет, исчезают в зеленой глубине. Но взгляд летчика невольно устремляется вперед, к далекой цели.

Сзади раздается дружный смех. Анатолий оглядывается. К нему подходят, обняв друг друга за плечи, несколько молодых людей. Одетые в штатское, как и Анатолий, они все же отличаются особой статью и выправкой кадровых боевых командиров, их простые русские лица дышат внутренней интеллигентностью. Это люди, недавно узнавшие друг друга, поехавшие в Испанию один под видом матроса - наш Толя, другой в звании официанта (будущий близкий друг и соратник Серова Борис Смирнов) и так далее. Но все эти звания не требуют соответственных занятий на корабле.

- Серов, как капитан, следит за курсом, - шутит один из новых приятелей.

- Скоро придем, товарищ капитан?

- Сколько сделали морских миль или, как их, узлов?

Анатолий берет крайнего за руку, и они ватагой идут по палубе. Экипаж испанского теплохода с симпатией разглядывает удивительных пассажиров.

Летчики уже перезнакомились, большинство - в Севастополе, где был назначен сбор. Серов приехал одним из последних. При первой же встрече со своими будущими соратниками он проявил такую' открытую радость и простоту, что сразу привлек к себе общие симпатии. И теперь на корабле он стал душою этой боевой группы авиационной молодежи. Он горел нетерпением и заранее радовался открывающейся возможности померяться силами с фашистами.

Расспрашивают, рассказывают о себе. Кто они до авиации? Учитель, рабочий, текстильщик, шахтер, все со средним и специальным высшим образованием. Но здесь не одни летчики. Есть студенты, моряки.

- Морячок, признавайся, будет буря?

- Барометр падает. Будет...

- Мы поспорим, и поборемся мы с ней!

Борис Смирнов ранее как-то видел Серова мельком, но имя

его слышал. Серов узнал его и подошел как к старому товарищу:

- Мы с тобой были на сборах, ты - Смирнов!

На корабле они ходили часто вместе по палубе, обнявшись, делились планами.

- Хорошо бы попасть в одну эскадрилью.

Буря действительно разыгралась. Тучи закрыли небо и низко сошлись над морем. Ветер гнал темные громады волн. Теплоход гудел от рева машин, не прекращавших своего наступательного движения. Летчики бросились помогать матросам.

Началась сильная бортовая качка. Смирнов поскользнулся на мокрой палубе, и его потянуло за борт. Он уже висел над пучиной, когда чья-то мощная рука поймала его на лету и водворила на палубу. Смирнов, отдышавшись, с изумлением смотрел на Серова:

- Ну и силен ты, Анатолий! Во мне восемьдесят килограммов!

И правда, Борис был физически прекрасно сложен, мускулист, высок! А Серов подхватил его и опустил на палубу, как ребенка.

Он весело хохотал, изображая, как судно клонится то в ту, то в другую сторону:

- Вот это крен! Левый глубокий вираж... Правый вираж. Крен сто восемьдесят!..

Когда стихла буря, они сошлись в буфете.

- Ведь ты спас мне жизнь, Анатолий.

- Раз так, выпьем за твое спасение.

Первые впечатления

Веселое голубое небо, синеющая вдали гряда гор, по их склонам кудрявые виноградники, группы белых домиков. Ветер издали приносит аромат апельсиновых и лимонных садов. Долгожданный берег, райская страна!.. Но чем ближе к берегам, тем они выглядят пустыннее. Экипаж настороже: в этих местах республиканских моряков подстерегают вражеские подводные лодки - немецкие и итальянские. Но теплоход успешно маневрирует, хотя моряки несколько встревожены неизвестными самолетами, летящими над кораблем. Но вскоре успокаиваются и приветствуют своих.

Русское "ура!", испанское "вива ля република!" разносятся над синими волнами.

Теплоход вошел в Картахенский порт. У входа в порт прибывших добровольцев ожидает голубой автобус.

Летчики осматриваются. Серов, закусив губы, вглядывается в пейзаж, казавшийся издали таким райски прелестным. Повсюду разрушение, следы бомбежек. Среди развалин бродят оставшиеся без крова женщины, дети, старики. Советские люди читали об

этом, но воочию эти картины поражают их.

Серов отметил про себя дату прибытия на испанский берег:

- Двадцать шестое мая. Ну, начиная с этого дня, мы - бойцы республики. И мы покажем ее врагам! Набьем им морду.

Голубой автобус мчится по сухой каменистой равнине. В окна врывается горячий ветер. Машина проезжает среди развалин, обгоняет фургоны с беженцами, фигуры печальных людей, покидающих родные пепелища. Но среди этих людей попадаются решительные лица с горящими гневом глазами. Некоторые вооружены. Автобус выходит на шоссе и словно плывет вдоль садов. Примолкшие пассажиры оживляются, перебрасываются шутками.

- А здесь славно.

- Постой, мы тут уже проезжали!

- Эй, камарада шофер! Заблудился?

Шофер несколько растерян. Петляя в поисках безопасной дороги, сбился с пути. Он - антифашист. Попасть в лапы франкистов для него - верная гибель. Серов решительно занимает его место, ведет машину к показавшемуся впереди селению. Там - ни души. Только двое ребятишек следят за автобусом из-за ограды. Серов подъезжает к ним. Шофер-испанец говорит:

- Не бойтесь, это наши, русские.

Мальчики впиваются глазами в незнакомцев. Потом потрясают кулаками, приветствуя русских, и скрываются в хижине.

Вскоре они возвращаются с корзиной прохладных свежих ягод, протягивают ее шоферу. Он передает русским:

- Угощают друзья. А вон у этого, видите, банка из-под сгущенного молока. Это из России подарок. Молоко выпили, а банку берегут как память. Он спрашивает у старшего: - Где твой отец?

- Отец и мать - на фронте. Мы днем сражаемся, а ночью работаем в поле. Фронт близко, вон там. Пусть русские покушают ягод. Пожалуйста.

Летчики достают из машины хлеб, печенье, копченую грудинку, все это отдают ребятишкам. Мальчуганы, оставив на земле гостинцы, показывают дорогу на аэродром, потом бегут за машиной долго, пока не исчезают в облаке белой пыли.

Прибыли на аэродром. Вышли из машины и сразу попали в объятия знакомых и незнакомых товарищей - русских, польских, французских, испанских. Радуются встрече с друзьями, знакомятся с новыми, расспрашивают об обстановке.

В книге "Испанский ветер"{4} летчик Герой Советского Союза Борис Александрович Смирнов рассказывает, как, дождавшись,

наконец, прибытия истребительных самолетов, на которых они должны были драться с фашистами, Серов торопил товарищей и, когда они приехали на аэродром, с уважением всматривался в эти боевые, уже побывавшие в огне, подраненные и залатанные машины.

Желтая, выжженная площадка. В два ряда стоят истребители. Еще издали замечаем - машины разные: бипланы и монопланы. "Мошки", - улыбаясь, говорит шофер, кивая головой в сторону монопланов. Машины "И-16" действительно похожи на мошек - небольшие с короткими широкими крыльями. Испанцам эти истребители нравятся больше всего. И мы с первого взгляда отдаем им предпочтение.

Один Серов отворачивается от "мошек" и внимательно рассматривает бипланы "И-15". Испанцы называют их "чатос", что в переводе означает "курносые". У этих истребителей тупая, несколько вздернутая передняя часть фюзеляжа.

Летчики почти единодушно выбирают для себя "мошек". Но Анатолий заявил, что лучше выбрать более маневренные и поэтому сильные в бою "чатос", чем "мошек", на которых, конечно, легче будет удирать.

Летчики разделились на две эскадрильи - одна состояла из "мошек", другая из "чатос" - желательно было, чтобы каждая эскадрилья сражалась на однородных машинах.

Вместе с Серовым в эскадрилью "чатос" попал и новый его знакомец Михаил Якушин. Якушин только что представился приехавшим. Это был среднего роста, добродушный, скромный, с тихим голосом и легкой усмешкой на губах человек. В его сдержанных движениях чувствовалась воля и решимость. Он как-то сразу, как говорится, вошел в душу Анатолия. Толя расспросил его и узнал, что Якушин приехал из Баку. Раньше был ткацким подмастерьем, предки тоже ткачи. Окончил ФЗУ, послали в Москву, учился в текстильном институте, когда партия направила молодого ткача в авиацию. Служил в Баку.

- А как ты в воздухе, Миша? Такой же тихий и скромный?

- Надо будет, и пошумлю, - усмехнулся Якушин.

Когда Серов записался в эскадрилью "чатос", Якушин тут же присоединился к нему: - Запиши и меня, не забудь.

С тех пор они были неразлучны.

Хотя в обеих эскадрильях, кроме русских, были летчики и испанские, и других национальностей, обе части избрали командирами русских. "Мушками" стал командовать Александр Минаев, эскадрилья "чатос" избрала своим командиром Ивана Еременко. Вскоре ею стал командовать Анатолий Серов.

Обе эскадрильи временно разлучились. Та, в которой стал

летать Борис Смирнов, дислоцировалась в Мадриде. Серов со своей эскадрильей - в семнадцати километрах от Мадрида и летал с аэродрома Сото. Наши летчики называли его по созвучию Сотым аэродромом.

Боевое испытание

К удовольствию Серова и Якушина, они не только были вместе, но в их эскадрилью попали и еще советские товарищи: И. Еременко, Е. Антонов{5}, Л. Рыбкин, С. Шелыганов, Н. Соболев, Г. Мастеров. Кроме них, в эскадрилью были зачислены три испанских летчика, два австрийских, два американца и летчик из Югославии. Все они воодушевлены были одним страстным стремлением помочь народу Испании в борьбе с фашизмом. Эта цель укрепила их боевую дружбу. Эскадрильей командовал И. Т. Еременко, недавний советский тракторист.

Серов и Якушин все ближе знакомились с новыми товарищами и со своими самолетами.

Когда по прибытии на место Серов подошел к своей машине, его приветствовал молодой испанец. Черные крапинки угольной пыли в порах лица подсказали, что перед ними недавний шахтер.

- Механик вашей машины, камарада Серов.

- Шахтер?

- Да. Из Астурии. Мое имя Карлос.

Серов обнял его.

Смущенный простотой обращения, механик сказал: - Вот ваша машина. Ваш самолет, камарада Серов.

- Знаю, знаю.

- В других эскадрильях есть "мушки", они сильнее в бою, быстроходные, с хорошей скоростью при пикировании, - кое-как на смешанном испанско-русском языке объяснил Карлос. - А эти машины не имеют такой скорости и еще... они не новые, вы извините. Вот тут заплата.

Серов и Якушин внимательно осмотрели оба самолета.

- Недостаток скорости у них перекрывается замечательной маневренностью, я эти машины отлично знаю, - успокоил его Серов. - Так же, как и те... Мушки, да. А что нам скорость? Задавать ла-та-ты? Так ведь это не в нашем характере, Карлос! А что побывал в бою, за это ему честь и уважение. Понятно? Машина в отличном состоянии.

Якушин кивнул головой:

- На этих бипланчиках вполне можно драться.

Видя, как они любовно похлопывают свои машины по обшивке и одобрительно кивают, механик просиял. Серов стал расспрашивать его об астурийских шахтерах.

- Мои деды были шахтерами, - объяснил он. - Они работали

глубоко под землей, в страшной тьме. Их внуки у нас часто, как и я, летают по поднебесью, на просторах голубых! А ты... борец!

Анатолий с восхищением вглядывался в Карлоса. Еще бы! Этот молодой шахтер столько раз участвовал в боях. В тридцать четвертом и тридцать шестом дрался в Астурии, между боями учился, овладел специальностью авиамеханика... Вечером он сидел в комнате у Серова, пил чай, рассказывал о восстании 1934 года, когда сорок тысяч шахтеров взяли власть в Астурии. Всплывали героические эпизоды.

...Шахтерский батальон выступает на фронт. Впереди путь заграждают жандармы. Несколько шахтеров выходят вперед. Стрельба. Один упал, второй... А остальные идут. Они без ружей. Но у каждого в зубах зажженная папироса. Рассчитав расстояние, шахтер поднимает руку с фитилем, фитиль патрона вспыхивает... Уверенный бросок - и патрон, как бомба, взрывается посреди толпы жандармов. Новый бросок - второй взрыв. Шахтеры делают прыжок назад, потом снова вперед, снова бросают свои маленькие бомбы, сея панику среди врагов. Жандармы бегут. Горняки входят в предместье Овьедо.

- Почти без оружия! Ведь что за штука эти патроны? Немного посильнее, чем наши ребячьи "пистонки" - ружьишки, какие мы сами мастерили для охоты. Можно сказать, что вы голыми руками взяли Овьедо! Побольше бы таких, как ты, Карлос, никакой фашизм" не поставит ваш народ на колени.

Серов не раз видел, как над лагерем, где находился аэродром Сото, проносились фашистские бомбардировщики в сторону Мадрида. Сердцем и душой он стремился туда же, чтобы дать им отпор, не допустить до испанской столицы, где сейчас, наверно, уже дерется Боря Смирнов!

Испанские летчики говорили:

- Франкисты и немцы боятся летать на малой высоте, а с большой - слабая точность попадания. Разоряют больше мирные районы или пашут землю своими бомбами.

- Я бы их заставил пахать носом вашу прекрасную землю!

- Подожди немного, присмотрись, камарада. Ты еще не знаешь их маневров и уверток.

В первое время командование не пускало новичков на выполнение боевых заданий. Летчиков и машин было не так уж много, чтобы ими рисковать.

- Знакомьтесь с опытом "старичков", побывавших в воздушных стычках.

Командовал эскадрильей Иван Трофимович Еременко. Серов не раз просился в бой. Еременко не разрешал. Между тем Серов страдал от вынужденного безделья. Особенно мучился он, когда

наши возвращались с потерями.

- Мы сбили их больше, - рассказывали воздушные бойцы. - Фашисты оставили на земле обломки пяти "фиатов". Но мы потеряли двух славных товарищей - испанца и русского. Противник берет численным превосходством. Нападают кучей на одного... Это не то, что на учебных маневрах. Жаль ребят. Хуан - мадридский студент, а русский - из ваших донецких металлистов...

Русские товарищи обратили внимание, что на фронте республиканской армии не было достаточного порядка, служба наземная поставлена плохо, дисциплина сильно хромает. На некоторых участках действовали анархисты, народ трудный и чересчур "самостийный", нарушающий порой военные планы командования, портивший своей вредной "вольницей" выполнение тактических боевых задач. Правда, по большей части и анархисты были преданы делу борьбы против фашизма и дрались отважно.

- Неважно и со снабжением, - говорили местные летчики. - И не хватает техники. Порой летаешь в бой на машине с пулевыми пробоинами, а другой не дают.

Но как ни рвался Анатолий в настоящий бой, в первой стычке с врагом он допустил неосмотрительность, которая чуть не стоила ему жизни.

На аэродроме находился только самолет Анатолия. Переговариваясь с механиками, он то и дело вглядывался в горизонт.

В воздухе носились тонкие запахи степных трав и дальних фруктовых садов. Кругом стояла спокойная тишина.

Но вот вдали показалась летящая точка. Серов встрепенулся.

Провести бой один на один с фашистским пиратом, "набить ему" как следует, сбить как полагается, рапортовать затем начальству - уж потом не будут оставлять без работы!

Но механики объяснили, что это свой. Самолет приземлился. То был разведчик. Летчик вылез из кабины. Техник открыл баки самолета и стал наполнять их бензином. Едва Серов отошел в сторону с летчиком и дал ему прикурить, как раздался чей-то возглас:

- Летит!

Разведчик всмотрелся в приближающуюся точку и уверенно сказал:

- Немцы.

Серов был уже в кабине своего самолета.

- Куда вы! - крикнул разведчик. - Их целая банда!

Серов уже включил мотор и не расслышал слов

предостережения. Через несколько секунд он мчался навстречу противнику.

- Как бы ему не надавали там, - встревожился разведчик. - Что за горячий парень!

- Камарада Серов давно готов к боевому вылету, - с гордостью возразил механик Карлос. - Сто раз проверял машину, баки, пулеметы.

- Да ведь драться-то придется с целой вороньей стаей. Смотрите, вон их сколько!.. Уже рассыпались для атаки. Помочь невозможно. Эх, заклюют беднягу...

Он с досадой посмотрел в сторону своей машины, стоявшей с открытыми баками. Да если б она и была готова к вылету - какая от нее польза в бою? На ней только разведать да и ретироваться "домой" поживее.

Бойцы наземной службы, мотористы, техники и другие с беспокойством следили за машиной Серова. Ни у кого не было уверенности, что он вернется живым. Да и надежды было мало.

Серов уже видел и понимал, что попал в "переплет". Однако самообладание он не потерял. Набрал высоту и решительно обстрелял врага из всех четырех пулеметов. Фашисты рассыпались и по команде ведущего принялись кружить вокруг одинокого республиканского самолета. Серов понял, что они заклюют его, если он не вырвется из этого огненного кольца. Такого опыта у него еще не было. Унести ноги живым в таком случае уже было бы немалой победой.

Но у Анатолия было одно прекрасное преимущество. По мастерству высшего пилотажа он был, пожалуй, одним из лучших пилотов мира. Во всяком случае, не существовало ни одной хотя бы самой рискованной фигуры, которой он не выполнял бы в совершенстве. И он пустился в эту смертельно опасную карусель, сбивая с толку врага, не давая ему ни малейшей возможности для верного прицела. В то же время он пользовался каждым мгновением, чтобы обстрелять противника. Маневрируя на своем "курносом", с молниеносной быстротой совершая виражи, боевые развороты, горки, перевороты, пике, наконец, штопор - как бы имитируя падение и вводя врага в обман и снова набирая головокружительную высоту и падая на врага и поражая его огнем, он не только довел его до изнурения, но успел подбить одну вражескую машину. Она поспешно ретировалась с поля битвы.

Мгновениями казалось, они вот-вот настигнут его. Он делает неожиданную фигуру и оказывается над противником. Другой фашистский самолет атакует Серова "в хвост" - почти незащищенную часть машины. Серов сваливается в штопор и

вдруг переходит в пике, "воскресая" на глазах противника, снова набирает высоту и стреляет в упор в попавшегося на прицел фашиста. Тот, оставляя за собой черную полосу дыма, уходит, уходит!..

Но враги настойчиво преследуют Серова. То там, то здесь пули пробивают обшивку. Важно не подставить им голову и мотор. Но можно получить пули и в бок и даже в ноги! Маневрировать! Крутиться, пока они не ошалеют! И машина, как живая, крутится под обстрелом, то уходя от врага, то атакуя его. Серов тянет в сторону своего аэродрома. Вот он оказывается в своей родной зоне. Слава тебе, господи, враги не осмеливаются преследовать его здесь. Они уходят в некоторой растерянности. До сей поры они с успехом применяли свой излюбленный метод - наваливаться тройкой или пятеркой на одного. А тут их девять, и они не смогли свалить противника, а ему удалось продырявить довольно тяжело два их самолета.

Анатолий совершил посадку. Находившиеся на аэродроме кинулись к нему. Жив! Вот победа! Да, это летчик! Все обнимали его, похлопывали по плечам.

Карлос обернулся к машине и ахнул. Самолет был в самом плачевном состоянии. Карлос насчитал около пятидесяти пробоин.

- Решето! - вскричал он с горечью. - Никуда уже не годится.

Техники качали головой, но усмехались.

- Она и раньше имела пробоины. Удивительно, как он привел ее и посадил! Удивительный пилот русский камарада!

- Где мы достанем новый самолет? - горевал Карлос. - Ах, камарада Серов! Камарада Анатолий! Я смотрел, как вы дрались. Вы - русский герой. Сердце мое было с тобою, там. Но сердце мое еще стучит в груди, а сердце "чатос" уже не забьется. Наш "курносый" больше не полетит в бой.

Анатолий прижал Карлоса к груди и, еще взволнованный и разгоряченный пережитым, произнес стихи из любимой песни:

Вперед же, чапаевцы, не смейте отступать!

Чапаевцы смело привыкли умирать!

Достав папиросу, он обратился к другому механику:

- Дай спичку, камарада!

Техник протянул зажигалку и сам открыл ее, сидя у открытых баков. Вспыхнуло не совсем то пламя, какое было нужно, чтобы прикурить. Техник едва успел отскочить от самолета. Но его машина сгорела. Немедленно дали знать по телефону комиссару воздушного фронта. Прилетел Ф. А. Агальцов. Он уже знал Серова и по тому впечатлению, какое тот произвел на него на комиссии по отбору добровольцев, и по нескольким встречам в Испании.

Теперь он с суровым укором глядел на человека, который ему всегда был по душе, но в данном случае совершил непростительный промах. Серов опередил его укоры.

- Моя вина, товарищ комиссар. Попросил огня, когда баки были открыты.

Комиссар обратился к присутствующим. Они рассказали, какой бой выдержал Серов. Стало понятно, в каком состоянии находился летчик, сделав посадку на своем аэродроме. Комиссар осмотрел машину.

- За самовольный вылет и погубленную машину знаете что полагается? Вы обязаны были помнить, что не так уж много самолетов в нашем распоряжении. А эти превосходные маневренные самолеты собраны руками героев рабочих в перерывах между схватками с врагом.

Серов, побледнев, ожидал приговора.

- Наложите взыскание, какое считаете нужным, товарищ комиссар фронта. Прошу только не отставлять от полетов. В другой раз противник заплатит втрое за две наши машины.

Комиссар, закончив осмотр самолета, выпрямился и посмотрел на Серова с нескрываемым изумлением.

- Она вся изрешечена. По всем признакам ей полагалось развалиться в воздухе. Как же вы довели ее до аэродрома и сели благополучно?

Услышав в голосе комиссара нотку симпатии, Серов приободрился и не удержался от шутки:

- Ее поддерживала вся масса воздуха.

Все рассмеялись. Комиссар ограничился выговором. В душе он был счастлив, что в их соединении прибавился такой славный летчик.

С той поры Серов стал более осмотрительным. В первое время он летал только за крылом ведущего. Ему дали звено, но и тут он ставил впереди себя опытнейшего из звена летчика и учился у него. Он не боялся уронить свой авторитет, он учился.

- Иду за твоим крылом, - говорил он перед полетом. - Смотрю, как надо поступать.

Да и не ронял он этим уважения летчиков. Напротив, его скромность, сопряженная с отвагой, была по душе воздушным бойцам. В особенности уважение к нему возросло, когда, переняв преподанные уроки, он стал показывать "класс" и его учителя охотно переучивались у него.

С Серовым летал и Якушин. Командир эскадрильи Еременко назначил их в свое командирское звено. Этой тройкой гордилась вся эскадрилья.

Бой с ночным бомбардировщиком

Началась Брунетская операция войск Центрального фронта. Это была напряженная пора, когда особенно трудно пришлось истребительной авиации. Нескольким эскадрильям на весь фронт приходилось прикрывать войска от вражеской авиации, обеспечивать свои бомбардировщики, вести разведку и отражать налеты фашистов на Мадрид. Моторы самолетов не успевали остывать между двумя воздушными боями.

И тем не менее республиканские летчики выдерживали все эти трудности и наносили врагу немалые потери. Такие люди, как Анатолий Серов, весельчак Евгений Антонов, спокойный и уравновешенный Леонид Рыбкин, скромный и бесстрашный Михаил Якушин, их друзья испанцы Рафаэль и Сардино, австрийцы Вальтер Короуз и Франц Добиаш, югослав Божко и другие составляли дружную семью, которая вскоре завоевала славу как знаменитая серовская эскадрилья. Они удачно взаимодействовали с летчиками эскадрилий Б. А. Смирнова, И. А. Лакеева, Г. П. Плещенко.

Но преимущество врага в технике нарастало. Германия и Италия беспрерывно посылали ему пополнения, усилили его авиацию "мессершмиттами-109". Наши стали нести потери. А когда мятежники развернули наступление на севере республики, с мадридского направления вылетела туда эскадрилья Б. Смирнова. Оставшиеся истребители с напряжением удерживали инициативу. Мятежники, которые несли в боях с ними крупные потери, стали производить ночные налеты на республиканские аэродромы, главным образом на аэродром Алкала, основную базу республиканской авиации. Меткость попадания у фашистских "ночников" была плохая, но их налеты тяжело действовали на летный состав республиканской авиации, на войска и на мирное население. Необходимо было дать им отпор.

- Больше этого терпеть нельзя, пора их проучить, - сердито говорил Серов.

- Каким образом?

- Да что мы ночью не летали? Еще как дадим этим пиратам!

- Летать-то летали, а драться ночью... Как его обнаружишь?!

- Можно. Как и в дневном бою - вылететь навстречу, свалить парочку этих "коров", небось остерегутся! А обнаружить как? Определить ориентир, по которому пройдет враг - свет звезд, луны, пройти между ним и луной. В полной тьме они не вылетают, я заметил.

- Искать врага в темноте с риском заблудиться и сесть на его территории - вы подумали об этом? Местность еще необлетанная, незнакомая. Даже днем трудно ориентироваться. А ночью рельеф обманчив - сядешь на скалы или в овраг... Да и не знает авиация

примеров ночного воздушного боя.

Командование не давало согласия, как ни доказывал Серов, что имеет большой опыт ночных полетов на Дальнем Востоке, где нередко приходилось ориентироваться по мало различимым приметам и в самые резкие перемены погоды.

- В течение одного дня пролетаешь и ясное небо, и снег, и буран, а под тобою непролазная тайга или горы Яблонового хребта. Обманчивее такой обстановки и не сыщешь. Бывало, сядешь на "вынужденную", потом не знаешь, как изловчиться, чтобы сняться с такого вот пятачка. И взлетали все-таки. На практике изучали необлетанные районы. Мы тут жмемся, а они бомбят!

Два друга бродили по выжженной солнцем равнине среди зарослей лаванды, розмарина и других полусухих трав.

Серов, невольно принюхиваясь и удивляясь - ладаном, что ли, пахнет, говорил:

- Почему я должен обязательно заблудиться, когда у меня порядочный налет часов по ночным маршрутам и в приборах, кажется, еще разбираюсь, ни разу до сих пор не ошибся.

Якушин сказал негромким, мягким голосом, как бы думая о другом:

- Нынче я васильки нашел. Совсем как наши. Растрогали они меня.

- Ты что? Сомневаешься? Слушай, мы все-таки добьемся своего, организуем ночные дежурства. Звеном будем дежурить или с тобой вдвоем. Ты на одной высоте, я на другой. Поймаем, вот увидишь. Да ты о чем думаешь?

- Не смейся. Я по борщу соскучился. Надоели эти апельсины да приторная анисовка.

- А как бы хорошо покушать наших уральских пельменей, Миша!.. Ну, вот что... Пойдешь со мной?

- Пойду, ясно.

- Так что ж ты про васильки да анисовку? Я уж подумал - не веришь в это дело.

- Очень верю. И в тебя верю, Анатолий. Крепко. А насчет апельсинов и ладана - просто хотел немножко умерить твой испанский пыл, камарада Родриго Матео.

Серов засмеялся. Этим именем - Родриго Матео его окрестили испанские товарищи. Они каждому русскому давали испанское имя.

- Пойдем к комиссару.

Они сразу повернули назад к лагерю. Пришли в авиагородок. Комиссар уже в который раз выслушал, переспросил, выяснил все условия ночной разведки и возможного боя.

- Добро, Анатолий, мы все продумали. Ты знаешь, командующий - целиком за твой план. И командующий ВВС.

- Да, Сиснерос был же у нас. Надо немедленно браться за это дело. Каждый день или, вернее, каждая ночь теряется зря.

- Но ведь надо подготовиться. У нас всего один-единственный посадочный прожектор.

Но видно было по всему, что командование решило испробовать это средство. В ту же ночь начались полеты ночью. Согласились Михаил Якушин, Евгений Антонов и Леонид Рыбкин. Серова назначили командиром ночного патруля.

Первые несколько ночей летали безрезультатно. Единственный посадочный прожектор оказался поврежденным. Серов добился, что поставили автомобили, и две пары автомобильных фар освещали взлетную площадку. Аэродром подвергался налетам, бомбежке, в этих условиях истребители поднимались в воздух и искали врага. Однажды Рыбкину удалось заметить на земле "мигальщиков", открывавших для врага границы аэродрома. Леонид открыл по ним огонь, и они скрылись.

- Даже здесь действуют агенты "пятой колонны"! - возмущались летчики.

По очереди взлетали Серов, Якушин, Антонов, Рыбкин. Остерегались столкнуться либо друг с другом, либо с вражеским бомбардировщиком. Он бросает бомбы рядом, а его не видно!

Однажды Якушину повезло. В неярком свете луны он различил бомбардировщик! Обрадовался, открыл огонь по черному силуэту, который маячил прямо над ним. Стрелял снизу сзади, почти вертикально.

"Я видел, как сноп трассирующих пуль, - позднее вспоминал М. И. Якушин, - насквозь прошивал трехмоторный самолет "Ю-52", но он не загорался и, не меняя направления, продолжал лететь. Во избежание столкновения я вышел из атаки и снова повторил ее, не выпуская самолет из поля зрения. Вторая атака была точно такая же. На этот раз я продолжал стрелять до полной потери скорости, пока мой самолет не свалился в штопор. Пока выводил самолет из штопора, бомбардировщик был потерян. После посадки я доложил о своей неудаче"{6}.

- Мы доказали, по крайней мере, что можно не только встретить ночью самолет врага, но и атаковать его, а значит, и сбить, - весело объяснял Серов. - Намотаем на ус причины неудачи, будем атаковать, идя на сближение сзади, справа, где в стыке крыла с фюзеляжем находится непротектированный бензиновый бак для заливки моторов. Пристроиться надо по возможности вплотную, уравнять скорости, идти почти на одной

высоте с ним. Понятно? Вот смотрите.

И Анатолий показывал руками и пальцами, и в воображении летчиков как бы происходила эта встреча и атака.

Но после этого две или три ночи летчики зря сидели в машинах, ожидая врага. Тот прекратил налеты, видимо, почуяв недоброе.

В ночь на 26 июня 1937 г. Серов и Якушин прибыли на аэродром, не отдохнувшие после нескольких дневных воздушных боев. Были усталы и невеселы, но заставили себя забыть о чрезмерной нагрузке и приготовиться к ночным встречам. К усталости прибавлялись еще страдания от изнуряющей жары. Ни ветерка, ни капли прохлады!

Пришло телефонное сообщение о бомбежке в районе Эскориал, тоже на подступах к Мадриду. Серов и Якушин взлетели, взяли курс на линию фронта. Серов летел на высоте двух тысяч метров, как они условились, а Якушин - на высоте трех тысяч, Анатолий надеялся, что ради большей меткости попадания фашист будет лететь ниже. Но он никого не встретил, только некоторое время видел, как тусклые блики от выхлопных патрубков самолета Якушина исчезали в ночной мгле - Якушин набирал высоту. Успех ночного патруля теперь зависел от Михаила.

Послушаем теперь самого Якушина, которому, как он говорит, "опять повезло".

"...Через десять минут я увидел на встречном курсе бомбардировщик противника. Теперь-то он не уйдет. Я знал причину неудачи первого боя и не намерен ее повторять. Пропустив бомбардировщик, я развернулся на 180° и пошел на сближение сзади почти на одной высоте с правой стороны... Пристроившись почти вплотную и уравняв скорости, я прицелился и открыл огонь. С правой стороны фюзеляжа сразу же вспыхнуло пламя. Почти одновременно со мной открыл огонь по моему самолету стрелок, но было уже поздно: загоревшийся бомбардировщик начал падать. Я следил за его падением, пока он не ударился о землю..."{7}.

Анатолий видел, как падал горящий самолет.

"Повезло Мишке, вот здорово! Теперь, братушки, убеждайтесь на очевидном примере, - мысленно обращался он к тем, кто следил с земли. - Хотя... Неизвестно еще, кто горит. А если горит Мишка?!"

Тревога охватила его. Он сжал зубы и поспешил на посадку.

С земли видели, как самолет, падая, разгорался огромным костром и огненные языки обвивали его черный скелет. Машина упала довольно далеко. На фоне лунного света промелькнула

маленькая черная тень. Парашютист?!

Это был командир сбитого воздушного корабля. Четыре офицера экипажа погибли под горящими обломками. Их командир бежал в горы, но был пойман бойцами республиканской армии. Все это выяснилось позднее.

Серов, приземлившись, крикнул еще из кабины:

- Якушин? Где Якушин?..

Его окружили, принялись поздравлять. Он отмахивался.

- Да бросьте вы! Это Якушин сделал. Да жив ли он?

- Еще не вернулся.

- Не вернулся?..

Якушин, проследив падение вражеского самолета до самой земли, некоторое время еще "покрутился" в воздухе, но никого больше не обнаружил и пошел на снижение. Скорей бы узнать результаты ночного патрулирования!

Не успел он выйти из кабины, как попал в объятия Анатолия. Объятий Серова все немного опасались. Смирнов писал, например, что "похрустел" в объятиях Серова. Друзья, правда, радовались его радости и ласке, но охали и разминали кости, вырвавшись из его добрых рук.

- Вот ты черт какой, - шутливо упрекал Серов своего друга. - С виду тихий, мушки не обидит, а сбил такую "корову", да еще ночью! А я ни с чем вернулся. Думал, он, подлец, полетит пониже. Да разве это люди? Летчики? Шакалья порода. Шакалья тактика.

- Ничего, осталось и на твою долю, подожди до завтра.

- Мишка, ты сам не понимаешь, как я рад за тебя! Ну, поздравляю! - и он опять раскрыл объятия, но Якушин благоразумно увернулся от вторичного испытания этих тисков.

Якушин потом писал, что Серов радовался не меньше его самого, если не больше. Ведь это победа его идеи.

Летчиков по телефону поздравил командующий воздушными силами Идальго де Сиснерос, а на другой день Якушина и Серова вызвали в Мадрид, где их поздравило республиканское правительство, а премьер-министр Хуан Негрин наградил их именными часами и легковыми автомобилями.

"Перед встречей с министрами нас вызвали в штаб авиационной группы. Там начальник штаба Павел Александрович Котов показал нам карту штурмана со сбитого прошлой ночью самолета. Эта карта получила несколько пулевых пробоин. В развернутом виде она оказалась изрешеченной пулевыми отверстиями и имела неприглядный вид. Рассматривая ее в лупу, П. А. Котов в шутку сказал: "Полюбуйтесь на свою работу! Неужели нельзя было стрелять поаккуратнее, чтобы не портить

карту и другие документы?" Мы тоже в шутку обещали выполнить его просьбу".

- Якушин получил за работу. А я за что? - вернувшись, говорил Серов.

- Да ты пойми - это твое дело, твоя работа. И за одну ночь об этом узнало и все командование, и правительство. Значит, то, что ты задумал и чего добивался, имеет громадное значение.

- Еще бы! Но сам я еще должен оправдать. Этой же ночью! Только в этот раз, Мишка, ты летишь на двух, а я - на трех тысячах. Идет?

- Согласен. Ужасно хочу успеха для тебя. А для тебя первое удовольствие - найти и сбить врага. Только, знаешь, он возьмет и полетит в этот раз на двух тысячах. Что тогда?

Серов забавно нахмурился, потом рассмеялся.

- Нет уж, я убедился: это настоящие трусы. Но если попадется посмелей, я найду его и на двух тысячах. Да ведь нынче в таком случае тебе опять повезет. Мы должны сегодня закрепить успех, чтобы не говорили, что это вышло случайно.

...Оставив Якушина на меньшей высоте, Анатолий набрал три тысячи и с бьющимся сердцем всматривался в ночную мглу. Знал: упусти он врага - и его предложение о ночных воздушных боях будет похоронено или отложено на неопределенное время, и тогда трудно будет добиться широкого развития этого опыта. Примером, только примером нужно убедить сомневающихся.

Сам Серов рассказывал об этой знаменательной ночи.

- Темная ночь. Луна то и дело скрывается за облаками. Обыскиваю небо в надежде, что противник снова придет на прежнюю высоту. Могут, конечно, и изменить маршрут после вчерашней катастрофы. На этот случай внизу дежурит Миша... Но почему-то кажется, что непременно встречусь с противником. Ведь там не подозревают о вчерашней стычке. Наверно, объясняют гибель своего бомбардировщика техническими причинами... Вот луна выплыла из облака. На ее фоне я приметил, точь-в-точь как тогда на Дальнем Востоке, маленькую движущуюся точку и отблеск лунного света на ней. Сразу беру курс на сближение и вижу перед собой огромный бомбардировщик. Черной тенью идет к нашей территории. Значит, вчерашнее поражение их ничему не научило, и они не ожидают вторичного нападения. Ну, авось новый урок подействует! Погоди же, гадина фашистская... Зашел сзади снизу и дал из всех пулеметов.

Смотрю, валиться начинает. Вспыхнуло пламя и погасло. Это что? Мало ему дал? Настигаю его снова и вдруг скорей прочь от него: из всех его баков разом вырвались такие столбы огня, что я

еле успел отвернуть. Отошел подальше, смотрю, как он "гремит" на землю. А ведь намеревался "пахать" ее своими бомбами. Пусть теперь пашет ее носом. Пламя на несколько секунд стихает, потом вновь разгорается и уже на земле превращается в далеко видный костер.

Из рапорта А. К. Серова командованию:

"...Было очень трудно обнаружить в ночной темноте самолеты противника. Наконец мне повезло: внезапно я заметил отблеск луны на крыльях одного из вражеских пиратов. Я приблизился и увидел, что это "юнкерс-52"; открываю огонь, фашисты мне немедленно ответили, но так как я летел ниже их, то они меня не видели. Я приблизился к их самолету с правой стороны и снизу и примерно с расстояния в тридцать метров открыл огонь из всех четырех пулеметов, попал в бензобаки и увидел языки пламени, которые представляли прекрасную мишень; я выпустил еще несколько очередей и увидел, как "юнкерс" клюнул носом, вошел в пике и разбился о землю..."{8}.

Анатолий Константинович рассказывал дальше, как он, вернувшись в исходную позицию, почти тотчас же увидел второй бомбардировщик!

"Эта "корова" следует в том же направлении, что и первая. Но пилот, видно, заметил, что случилось с первым, развернулся и пошел назад, да еще набирает скорость, черт! Я - вдогонку за ним. Иду вот так довольно порядочное расстояние, как вдруг обращаю внимание, что зашел на территорию врага и еще, пожалуй, не хватит горючего на возвращение. Но, как нарочно, появляется третий бомбардировщик. Эк их сегодня повалило на разбой! Пошел за ним, обстрелял, он повернул обратно. Я опять за ним, догнал и снова обстрелял. Но луна скрылась за тучу, "корова" пропала, что с ней - не знаю. У меня бензин кончился. Приходится садиться на "вынужденную". Неприятно! Где я? Куда садиться?

Надо, пожалуй, сесть неподалеку от того места, где еще догорает сбитая машина. Но это не так просто...

...На аэродром вернулся Якушин. Он видел, как падал зажженный самолет.

- Но он горел не так, как сбитый мною. Этот то вспыхивал, то погасал и только у самой земли запылал вовсю.

- Анатолий сдержал слово!

- Но его до сих пор еще нет!

- Сейчас прилетит.

Но как накануне Серов волновался за Якушина, так теперь Михаил с беспокойством подумал: "Может быть, это горит самолет Анатолия?". Кто-то рядом сказал:

- Или столкнулся с противником. Увидеть врага ночью можно только в момент столкновения с ним. Нелепая и слишком уж рискованная затея.

- Неправда, - вскричал Михаил, - вчера мы доказали...

- А, случайность!

- Это ум и смелость такого человека, как Анатолий. Не хороните его прежде времени.

Якушин зашагал к штабу. Если с Анатолием несчастье... об этом даже страшно подумать... то конец нашим ночным полетам. Трусы заговорят громче всех.

В штабе было получено сообщение, что самолет Серова летел в сторону противника. Товарищи стали еще больше тревожиться. Якушин вызвался лететь на поиски, но до утра ничего сделать было невозможно.

...Вынужденная посадка в незнакомой местности да еще на линии фронта дело не шуточное. Анатолий тревожно и напряженно всматривался в землю. Трепетный лунный свет изменял и причудливо искажал земные очертания. Поля и лощины мерещились там, где были вершины скал. Тени облаков ползли по земле. Очень далеко догорал сбитый самолет. Там должна быть местность, занятая республиканскими отрядами.

Надо ориентироваться на догорающий самолет. В то же время снижаться как можно осторожнее. Серов просматривает землю, все снижаясь и снижаясь, пока навстречу не выскочила, по-видимому, удобная посадочная площадка, окруженная черными тенями бугров или скал... Выбора нет. Сажусь!

Колеса "чатос" коснулись земли. Машина послушно остановилась почти сразу...

Выскочив из кабины, Анатолий осматривается. Вышел на тропинку, еле заметную при неверном свете луны, и пошел по направлению к единственному ориентиру - еще горевшему самолету. Поверженный враг словно указывал путь. "Хоть на это пригодился, - усмехнулся Анатолий. - Надо попытаться найти своих и добыть горючего". А тут еще луна заходит. Совсем потемнело. Стали ярче блестеть далекие звездочки. Такие милые, как на далекой родине!.. Тихий шелест кругом. Что это? Рука на ощупь узнает колышащиеся волны хлебного поля. Но вот... новый шорох, мелькнула неясная фигура, чьи-то тени... Схватился за кобуру. На тропинку выскакивает несколько человек. Раздается окрик:

- Yey hombre! (Эй, приятель!).

Серов пытается расстегнуть кобуру, ее "заело". Другой голос - тоже по-испански:

- Кто идет?

- А вы кто? - Серов уже справился с кобурой и вытащил револьвер.

На него направлено простое охотничье ружье.

- Я русский летчик (авиадор русо). Отвечайте, кто вы?

Поняв его не по речи, а по смыслу, они закричали:

- Республиканцы! Камарада! Русский!

Как из-под земли, выросли еще группы людей, вооруженных винтовками и охотничьими ружьями. Они окружили Серова, расспрашивали, показывая на огонь догоравшего самолета. Серов понял и удовлетворил их любопытство. Узнав, что это он сбил фашистского пирата бойцы огласили окрестности веселыми криками, бросая шляпы и береты вверх. Предложили проводить его на свой командный пункт.

Серов начал изучать испанский язык на практике, с первых же встреч с испанцами, говорил он смело, хоть и со смешными ошибками, но испанцы его понимали, как.и он их.

Сейчас он, например, предложил им идти не толпой, а гуськом, цепочкой, чтобы не топтать хлеб. Они пришли в восторг:

- Сразу видно советского красного командира. Жалеет наш труд.

- А как же! Ведь это недавно еще повсюду гремел ваш лозунг: "Все на сев!" И еще знаю: "Хлеб кормит армию, хлеб кормит победу!"

- Офицер, а какой простой, совсем свой парень.

Старый доброволец в широкополой шляпе, с косой на плече объяснил:

- Хлеб уже созрел. Пора урожай снимать. Ночью косим пшеницу, а днем деремся с франкистами. Кровавая жатва. Только они косят наши головы все больше и больше... У них много войска и оружия.

- Фашистская Италия и нацистская Германия близко от Испании, и потому им сподручнее снабжать Франко войсками и оружием.

- Спасибо интернациональным бригадам, они с нами. Вам спасибо. Избавили хоть на время от бомбардировок населения с воздуха.

- Да, теперь ночью можно косить хлеб.

По просьбе Серова двое из испанцев остались сторожить самолет. На командном пункте русского летчика встретили с объятиями. Огромную радость доставило республиканцам известие о сбитых накануне и в эту ночь фашистских бомбардировщиках. Летчику предложили вина. Анатолий с благодарностью взял кружку и выпил ее, еле скрыв неудовольствие от этой приторной анисовой водки. По телефону

он связался со своими, сообщил, где находится, и поспешил к своему самолету. Друзья привезли в грузовике горючее.

Уже светало.

Оставалось заправить баки и взлететь. Трудно же это сделать!

- Да и как я умудрился сесть на такое "блюдечко"? - изумлялся сам Анатолий.

Его "курносый" стоял на крошечной площадке, окруженной с трех сторон голыми скалами, с четвертой был обрыв. Внизу, за оврагом, виднелся передний край противника. При свете разгоравшегося утра там уже заметили самолет и, наверно, считали своей добычей. В самом деле, подняться с такой площадки было еще более немыслимо, чем сесть на нее. Что делать?

Испанцы с тревогой смотрели на летчика и на самолет, отлично понимая затруднительность положения. Неужели бросить машину врагам? Или взорвать ее?

Серов поглядел на своего "чатос". Самолет стоял мотором к оврагу, словно готовый ринуться на крикливых фашистов, уже поднявших возню в своем лагере.

- Они тащат пулеметы! - вскрикнул кто-то из республиканцев.

Сколько раз на своем "курносом" Анатолий бывал в переделках, как выручала его машина в воздушном поединке! Замечательный маневренный бипланчик, черт возьми! И его погубить? Да ни за что на свете.

- Заправляй баки! - приказал он.

Приказ быстро выполнен. Баки наполнены горючим. Машину оттащили несколько назад. Анатолий забрался в кабину и крикнул:

- От самолета!

Бойцы отбежали от машины и остановились невдалеке, с тоской думая, что вот сейчас он взорвется вместе с машиной.

- Камарада! Камарада! Родриго!

Но Серов уже включил мотор. Полный газ, рывок... Машина почти без разгона срывается с места прямо к обрыву. Свалится сейчас?! Нет!!!

Воля пилота, его опыт, знание, дерзость спасают самолет от неизбежной, казалось, гибели.

Оторвавшись от края площадки, над самым обрывом, "курносый" набирает скорость и высоту, разворачивается и, провожаемый радостными воплями испанских друзей, летит на восток, к своему аэродрому.

Фашисты в свою очередь "провожали" Серова, выпустив вслед ему несколько пулеметных очередей. Но он уже был далеко.

...В штаб авиации фронта пришло известие о посадке Серова

в расположении республиканцев. Серов жив, сидит на "вынужденной".

Якушин помчался на аэродром сообщить радостную весть товарищам.

- Теперь всем ясно, что можно сделать ночью, - взволнованно говорил он, радуясь за друга и за их общую творческую победу. - Серов сбил врага в тех же условиях, что и я. Ни о какой случайности не может быть и речи.

Вот наконец и "чатос" Серова. Все командование было на аэродроме. Анатолия встретили тепло, как дорогого друга, и горячо, как победителя. Комиссар авиации обнял Анатолия.

На следующий день Филипп Александрович Агальцов, вторично поздравив Серова с необычайной победой, сказал ему:

- Помните, вы обещали Котову в следующий раз стрелять "поаккуратнее". Так вот, в этот раз вы так "аккуратно" зажгли фашистского пирата, что из пяти членов экипажа погиб лишь один, а четверо взяты в плен. Эти асы растеряны, ошеломлены и обещают ответить на все вопросы, если им покажут летчика, который их сбил. Не верят в ваше существование.

Серов пошел к пленным. Один из них, цинично усмехаясь, сказал, и переводчик перевел его слова:

- Я летаю несколько лет и уж побывал в переделках, но никому не удавалось меня сбить. Иначе я не стоял бы тут сейчас. Приехал сюда драться с коммунистами. Не верю, что вы обнаружили мой самолет и что именно вам удалось свалить его. В чем дело?

- Скажите ему, - обратился Анатолий к переводчику, - что если он прилетел сюда драться с коммунистами, ему следовало бы остерегаться луны. У коммунистов отличное зрение.

Фашисты озадаченно смотрели друг на друга. Показания пленных асов оказались ценными и много добавили к тому, о чем говорила их карта. Вернувшись к товарищам, Серов говорил:

- Я сделал это, чтобы не только оправдать награду и не только для того, чтобы на некоторое время обуздать врага, но главным образом для того, чтобы всем было ясно - ночные полеты мы организуем по всему фронту, это дело возможно и необходимо. Я этого добьюсь во что бы то ни стало.

Через несколько дней пришло известие: Серов и Якушин награждались орденами Красного Знамени.

После успешных опытов Якушина и Серова республиканские истребители стали действовать ночью против фашистов. Еременко бил врага над Сарагосой, Степанов и Финн над Барселоной, испанские летчики били фашистских "ночников" и над Барселоной, и над Валенсией. "Ночная затея" Анатолия

Серова получила полное подтверждение.

Блестящий тактический талант

Начав, в сущности, рядовым летчиком, Серов не только вскоре командовал звеном и затем эскадрильей, не только в первый же месяц сам сбил семь немецких истребительных самолетов, но и очень скоро выдвинулся как смелый инициатор нового в тактике воздушного боя и организатор первых в мировой авиации ночных воздушных боев. Его слава разнеслась по всей боевой авиации республиканского фронта и стала известна противнику, заставив его насторожиться, а в воздухе избегать встреч с этим непобедимым асом. Когда Серов приезжал в расположение других авиасоединений, товарищи встречали его с уважением, внимательно прислушивались к его рассказам о своих боевых приемах, а он охотно делился опытом со всеми летчиками, стремясь к общей победе, к высшему развитию летно-боевых успехов каждого летчика. Вскоре ночные воздушные бои были введены во всех эскадрильях.

Однажды Серов по поручению командующего отправился на другой участок фронта. Находившиеся на аэродроме летчики отметили про себя "классическую" посадку самолета и с интересом следили, как из машины выскочил широкоплечий крупный человек в белом парусиновом костюме и пожал руку дежурному. Лицо его освещала приветливая улыбка. Он взял дежурного под руку и пошел с ним по полю, и скоро добродушный тон разговора сменился более сердитым. Дежурный послал за начальником аэродрома, а прибывший между тем стал знакомиться с летчиками.

- Как вы тут, ребятушки? "Ночники" навещают?

- А что им делается! Каждую ночь бросают гостинцы.

- А вы не оставайтесь у них в долгу.

- И рады бы в рай, да не пускают в небо.

- А вот мы добились на Сотом. Будем проводить это дело и у вас.

- Тогда оставайся, помоги нам уломать начальство. Поделишься опытом. Мы уже знаем о твоих полетах в ночное время вместе с Якушиным. Замечательное дело, Анатолий Константинович.

- А ваш дежурный против. Говорит, потребуется ставить для вас прожектор и тем самым демаскировать аэродром. Уж больно вы спокойненькие, черти.

- Положим, у нас боевой опыт не меньше твоего. Вон начальник, поговори с ним.

Серов пошел навстречу начальнику аэродрома. Летчики проводили его глазами.

- Перцу-то сколько! Вот хорохорец!

- Боевой камарада! Теперь нам придется омолаживаться, старичкам. Всем камарадос, - весело подмигивали испанцы.

Серов вернулся к летчикам вместе с начальником. Тот уже получил приказ от высшего командования и тут же стал принимать меры к организации ночных полетов. Приказал перебазироваться на второй аэродром.

- Центральный не будем демаскировать. А вам, - обратился он к Серову, дадим для освещения, как вы просите, две автомашины и все, что нужно, будет вам предоставлено. Наши камарадос рвутся в ночной бой, да и всем нам очень хотелось бы проучить "ночников"-бомбардировщиков. Надоели!

Летчики оживились. "Старички" оказались вовсе не такими "спокойненькими", как подумалось Серову. Они и взяли на себя первые вылазки в ночное небо. Полеты были проведены в ту же ночь. Серов никогда не откладывал на завтра то, что можно было провести сегодня. Время было дорого. Каждый фашистский бомбардировщик наносил своим ночным появлением ущерб, терроризировал мирное население. В первую же ночь удалось сбить один вражеский бомбардировщик. Настроение у всех поднялось.

- Пожалуй, отучим посылать нам "хейнкелей" по ночам, - смеялись летчики. - Теперь пойдет дело.

Наутро Анатолий простился с товарищами, пожал всем руки, влез в свой самолет и, красиво взлетев, сделал в воздухе несколько смелых фигур - это было его прощальное приветствие. Испанцы махали ему руками, бросали вверх береты, поднимали крепко сжатый кулак.

Таким, образом Серов порой один, порой вместе с Михаилом побывал на всех участках фронта, передавая новый опыт воздушных дневных и ночных боев и сам учась у друзей-"старичков", вписывая новые страницы в историю крылатых армий.

Вернувшись на Сото, Серов в тот же день, как всегда, вылетел в бой.

Летчик Иван Алексеевич Лакеев рассказывал, как впервые встретился с Анатолием Серовым. "Когда он в первый раз прилетел на главный аэродром, он был в белых брезентовых брюках, в куртке, тоже брезентовой, весь удивительно подвижной, все время крутился, все что-то говорил, и такая в нем чувствовалась непосредственность и нетерпеливость, что никак нельзя было сравнить с тем человеком, которого я увидел теперь".

Теперь - это когда Серов прилетел на слет командиров и лучших летчиков фронта для организации общих, согласованных

действий. Серов был молчалив и сосредоточен, внимательно слушал выступления других, а затем предложил развернутый план согласованных боевых операций и произвел на всех большое впечатление.

А в первый раз, когда он увидел Серова, тот показался ему новичком "хорохорцем", и Лакеев даже пошутил по его адресу:

- Уж больно хорохорится парень. Как бы не общипали ему крылышки.

Но начальник аэродрома на вопросы о Серове объяснил, кто это, и сказал, что Серов "много летал ночью, очень компетентный летчик".

Действительно, теперь и Лакеев и другие, кто еще мог скептически отнестись к начинаниям Серова, убедились, что перед ними опытный летчик и командир.

И. А. Лакеев, впоследствии Герой Советского Союза, стал одним из лучших друзей Анатолия и членом его знаменитой "семерки".

Борис Александрович Смирнов также вспоминает об этой встрече на общем слете. Но и раньше они уже встречались, сражаясь в воздухе рядом, эскадрилья Серова взаимодействовала с эскадрильей, в которой был Смирнов (ставший затем ее командиром). Он рассказывает, как они дрались над Мадридом, защищая его от фашистских налетчиков.

- Наши аэродромы находились в семнадцати километрах один от другого. Мы каждый на своем участке были очень заняты - приходилось часто вылетать в бой - и долго не могли встретиться на земле. Но вот как-то под вечер смотрим, летит машина, садится на нашем аэродроме. Из кабины вылезает Серов. Здесь после теплохода мы встретились впервые. Слышу, говорит технику, чтобы тот быстренько заправил. Потом отходит, увидел меня, раскрыл широкие объятия. Прилетел он все такой же веселый, жизнерадостный, сразу начал делиться впечатлениями о работе, спрашивает, как у нас. Мы отвечаем. У нас тоже были успехи. Видим, Серов не просто рад за нашу эскадрилью, а по-настоящему интересуется работой других людей. Это замечательно всегда действовало на товарищей. Каждый как-то яснее сознавал ценность своей работы и хотел сделать ее еще лучше. Это было чудесное качество Анатолия, настоящий дар.

Тут, же он стал обсуждать, как действовать совместными усилиями, нарисовал целый план воздушного нападения на фашистов соединенными силами. План был пока, самый общий, но мы сразу поняли, что тут кроется большая мысль, результат широких и смелых расчетов.

Позднее, на совещании летчиков фронта, я услышал этот

план снова, но уже в разработанном виде, с учетом фронтовой обстановки, наших сил и сил противника, причем, несмотря на численный перевес авиации фашистов, серовский план внушал нам уверенность в победе. Серов потом и на деле доказал, что был прав.

Серов и Якушин стали время от времени бывать в Мадриде, навещали Смирнова, втроем ходили по площадям и улицам столицы, наблюдали жизнь этого города-лагеря.

Вот шагает отряд народной милиции. Он уходит на фронт. Мужчины и женщины. Рядом с пожилым рабочим идет мальчик лет четырнадцати, в коротких штанах, с патронной сумкой у пояса. Мальчик левой рукой поддерживает приклад винтовки. На кудрявой голове ловко сидит берет. Глаза сверкают, губы твердо сжаты... Или вот, навстречу идут женщины - тоже на фронт. Среди них две совсем юные девушки, тонкие и высокие, твердо шагающие в шеренге и спокойно глядящие вперед. Знают, что идут не на прогулку, что впереди - возможная гибель. Они готовы на подвиг. Для них лучше смерть, чем жизнь на коленях.

Серов наблюдал сцену прощания шахтера с матерью и маленьким сыном. Старуха бежала рядом с колонной, держа за руку трехлетнего малыша. Шахтер остановился, нагнулся поцеловать маленького. Видно, семья догнала его в Мадриде, он ушел, не успев попрощаться: Родина торопила.

Однажды на площади происходил митинг. На трибуне стояла высокая величественная женщина, словно олицетворявшая народную Испанию. Анатолий с волнением и восторгом слушал ее звучный и сильный голос, зажигающий в сердце мужество и энтузиазм. Это была Пасионария - коммунистка Долорес Ибаррури. Русский летчик вместе с бойцами Народной армии громко, торжественно повторял: "Они не пройдут!"

Одну из песен о Мадриде, которую распевали повсюду, Серов выучил наизусть и, вернувшись домой, в свою эскадрилью, пел ее вместе с механиком Карлосом:

Через мост наш - мост французский,
Мамита миа{9},
Никто не пройдет:
Дружины его охраняют.
Через Кассо дель Кампо,
Мамита миа,
И Мансанарес
Лезут мавры,
Мамита миа.
Не пройдут, застрянут,
Мадрид - страны защита,

Мамита миа,
Пусть бомбы с неба
Весь день, - мадридцы
Над ними смеются.
Уж мавры уходят,
Мамита миа,
Уходят в свою землю.
За нами победа!
За рабочим народом,
Мамита миа,
За нами победа!

"Мадрид - страны защита", - так пелось в этой песне. Тысячи сынов Испании стекались под стены столицы, чтобы, защищая ее, спасти страну от фашистских зверств. Вместе с ними, в одном ряду с добровольцами различных стран мира, самоотверженно бился с врагами народной Испании и Анатолий Серов.

В своей книге "Испанский ветер" Борис Смирнов рассказывает подробно о массовом воздушном бое над Мадридом. Обе эскадрильи сражались против "фиатов", которые пытались взять численным превосходством и, несмотря на беспощадные атаки "мушек" и "чатос", не уступали и не ретировались, как делали раньше. Серов во главе десяти "чатос" вел бой с "фиато", которые насчитывали больше двадцати самолетов. Сбиты были первые машины противника, но он не отступал. Воздушный бой постепенно перемещался к центру города. Тогда по знаку своего командира эскадрилья - "мушек" напала на врага. Итальянцы, дравшиеся на "фиатах", упорствовали. Их упорство вскоре разъяснилось. Появилась восьмерка немецких машин новой конструкции. Это были "мессершмитты".

"Говорят, в эту минуту замер весь Мадрид, наблюдавший за воздушным боем. Монопланы отвлекли не только наше внимание, - "фиаты", видимо, уже торжествуя победу, прекратили атаки.

И это была первая ошибка фашистов.

Немцы допустили и вторую ошибку. Они, очевидно, хорошо знали, что "чатос", на которых летал Серов, - машины маневренные, но с меньшей скоростью на пикировании, чем все остальные самолеты. Может быть, им было известно также, что нашими "чатос" управляют летчики, не знавшие поражений, и фашистам не терпелось в первую очередь разделаться именно с ними. Во всяком случае, они самонадеянно, всем строем обрушились на эскадрилью Серова. И это позволило нам свободно ударить по немцам.

Удар был сильным. Строй немцев раскололся. В первую же

минуту острой, смертельной схватки Бутрыму удалось основательно зажать одного гитлеровца. Тот попытался уйти от Бутрыма глубоким виражом, но Петр смело, почти отчаянно, по диагонали срезал расстояние и ударил по фашисту из двух пулеметов. Бил он наверняка, целясь прямо в летчика. И новенький лакированный моноплан, которому франкисты пророчили верную победу, неуклюже повалился вниз. В мадридском небе ему удалось пробыть всего несколько минут.

Это был переломный момент боя. "Фиаты" заметались. Теряя самообладание, гитлеровцы скопом ринулись на нашу эскадрилью. Но это освободило руки Серову. Пользуясь его поддержкой, мы не упускали инициативы, и, удачно поймав на перекрестке прицела немецкую машину, я точно ударил по ней. Самолет не загорелся, но, по-видимому, мне удалось вывести из строя управление машиной, и фашистский летчик вынужден был выброситься с парашютом".

Одержав победу, обе эскадрильи собрались над центром Мадрида. И, разлетаясь по своим аэродромам, на прощание покачали крыльями самолетов. "С особой силой эти безмолвные сигналы несли сегодня от одной машины к другой наши чувства дружбы, взаимной благодарности и гордости друг другом..."

Уже идя на снижение к своему аэродрому, Смирнов заметил, что следом летит и снижается "чатос".

"Кто это? Не Серов ли?

Ну, конечно он! "Чатос" приземляется вслед за мной. Оборачиваюсь и вижу, как, заруливая, Анатолий широко улыбается. Через минуту я уже "похрустываю" в его объятиях. Он крутит меня в воздухе, целует и опускает на землю.

- Молодец, Борька! А где Петр? А-а! Вон он!..

Через секунду Бутрым с опаской доверяется железным объятиям Толи".

Серова окружают летчики, засыпают его вопросами. Оказывается, во время боя он следил за каждым и видел, как тот или другой товарищ сбил врага, а кому попало...

"У Серова замечательное, неоценимое качество, - пишет Б. Смирнов, которым владеет далеко не каждый летчик, - ему удается видеть почти все, что происходит в воздушном бою".

Из только что пережитого и удачного сражения он уже делает выводы: при новых встречах надо взаимодействовать друг с другом и тем нарушать взаимодействие врагов. "Сегодня неплохое начало. Немцы и итальянцы потирают сейчас свои шишки. Но ясно - надеются отплатить нам при первой же возможности".

Эти ссылки на воспоминания друга и соратника Анатолия

Константиновича являются прекрасной иллюстрацией боевого содружества и идеальной координации действий наших летных соединений, впоследствии полностью выявленных во время Великой Отечественной войны.

Новаторство само в себе заключает такие качества, как смелость, неустрашимость перед препятствиями, уверенность в своих силах при проведении еще небывалых экспериментов и в особенности не только знание предмета, но такое полное овладение им, что не двигаться дальше уже невозможно, это движение мысли уже нельзя остановить. Так же, как нельзя было остановить мысль Кибальчича, разработавшего буквально в ночь перед казнью идею космической ракеты, или как расщепление атома, как полет Юрия Гагарина, покорителя космоса.

Анатолий Серой принадлежал к этой категории людей. Хотя летал он, по сравнению с современней авиацией, на самолетах вчерашнего дня. Но сравнительно с машинами первых героических лет завоевания воздуха самолеты "И-5" и тем более "И-15" и "И-16" были необыкновенно скоростными и требовали от летчика знаний, умения и бесстрашия; каждый новый выпуск приближался к революции в области самолетостроения, изменения самого принципа авиаконструкции. Серов после Испании много думал об этом, сотрудничая с авиаконструкторами и решая с ними задачи, которые получили развитие и воплощение в наши дни.

Но тогда, воюя на самолетах "И-15", Анатолий выжимал из них максимум того, что можно было взять, и, добиваясь согласованности действий с эскадрильей истребителей "И-16" и состязаясь в смертельных схватках с такими же быстроходными немецкими "мессерами", Серов показывал верх искусства и смелость новаторской идеи.

В последний период пребывания на испанских фронтах он командовал уже большой группой истребительной авиации, держа оборону всего участка фронта.

"Невозможно говорить о том или ином периоде обороны Мадрида, не сказав особо о той исключительно важной роли, которую сыграли республиканские танкисты и летчики, своим бесстрашием, напряженным трудом и героизмом восполнявшие недостаток техники, - пишет Долорес Ибаррури в своей книге "Единственный путь":{10} "...Без авиации и танков оборона Мадрида была бы не просто трудным делом, она была бы невозможной. Те немногие самолеты, которыми располагали народные военно-воздушные силы, целый день находились в воздухе и вводили в заблуждение противника; он никак не мог себе представить, что это были одни и те же самолеты, что одни и

те же летчики совершают чудеса, успешно прикрывая и защищая мадридское небо.

Такое же необычайное, замечательное явление происходило и с танками..."

"Многие из этих героев были советскими танкистами и летчиками. Они приехали в Испанию по доброй воле, чтобы сражаться на нашей стороне, а если нужно - умереть за наше дело. Не считаясь со временем, не обращая внимания на усталость, не жалея ради Испании ни крови, ни самой жизни, они отважно сражались бок о бок с испанцами. То были благородные, проникнутые революционной романтикой, воспитанные и закаленные великолепной советской школой герои.

Титанически сложную задачу - защитить Мадрид, которую гитлеровцы считали неосуществимой, наши бойцы решили благодаря активнейшему содействию советских добровольцев: танкистов и летчиков. Среди них выделялись своим героизмом, самоотверженностью и благородным духом самопожертвования, покрывшие себя бессмертной славой, ас ночных полетов Серов и его товарищи..."

Начальник авиации Испанской Республики Идальго де Сиснерос не только с восторгом говорит о присланной в Испанию советской материальной части, превзошедшей его ожидания, но и о летчиках, оказывавших большое влияние на всех своей дисциплинированностью, отвагой, товарищеской выручкой в бою. Приводя высокое мнение генерала Рохо о решающей роли авиации в книге "Героическая Испания", Сиснерос говорит: "Хочу быть точным и справедливым и поэтому должен подчеркнуть, что в то время республиканская авиация в своем большинстве была представлена советскими летчиками".

Идальго де Сиснерос подробно рассказывает о подвиге Серова и Якушина в ночном бою с фашистами и заключает: "Благодаря героизму двух советских летчиков - Якушина и Серова, инициаторов этого исторического подвига, солдаты Республики смогли отдыхать ночью и в лучших условиях сражаться против фашистских войск"{11}.

В своей книге "Меняю курс"{12} Игнасио Идальго де Сиснерос вновь возвращается к этим ночным битвам, с восхищением называя имена Серова и Якушина (указывая при этом, что в Испании их звали Родриго Матео и Карлос Кастехон).

* * *

Летный состав безгранично доверял своему командиру и уверенно шел за ним на любые, самые трудные боевые операции.

Серов появился над одним аэродромом. С земли его тотчас узнали по свойственному ему "почерку". По своему обыкновению,

он проделал на малой высоте несколько "бочек" подряд, выровнялся почти у самой земли и приземлился точно у знака "Т". Заруливая, помахал рукой товарищам, остановил машину и соскочил на землю. Его тотчас окружили. Одних обнял, с другими тут же накоротке познакомился.

На совещании летчиков совместно со здешним командованием Серов разъяснил создавшееся положение.

Фашистские мятежники давно поняли, что республиканская авиация представляет собой не ту слабосильную и незначительную группу, которая еще не так давно сражалась с ними на полном изматывании людей и техники, а мощный кулак людей решительных, замечательных асов, с которыми нелегко бороться. Днем и ночью фашистские бомбардировщики наталкиваются на умело организованное сопротивление, попадают под атаки истребителей, осыпающих их меткими зажигательными пулями. И "мушки" и "чатос" сбили уже немало немецких и итальянских фашистских "коров", вынуждая остальных сбрасывать бомбовый груз далеко от Мадрида, далеко за чертой намеченной ими цели.

И вот в последнее время участились вражеские налеты на республиканские аэродромы.

- Наши аэродромы под Мадридом, Барселоной, Сарагосой становятся главными центрами борьбы с фашистской авиацией. А у нас самолетов и без того немного. На один самолет республиканцев приходится более десяти самолетов противника. Летчики подчас вылетают на машинах, до того избитых и продырявленных, что при других условиях вылеты на этих самолетах были бы категорически запрещены. Но откуда взять другие? Мы и бережем свои, как только можем. Радуемся, когда и летчик возвращается из боя цел и противника сбил, и собственная его машина не развалилась! Так вот давайте организуем защиту своих аэродромов, чтобы фашистские налеты не могли застать наши самолеты на земле. Будем бить врага общим фронтом. Нам, как воздух, необходимо взаимодействие нашей разведки и наших боевых эскадрилий.

Серов предложил свой план охраны аэродромов. По этому плану, принятому командованием всех авиачастей, ближние и отдаленные посты наблюдения были расположены таким образом, чтобы вовремя предупреждать о появлении вражеской авиации. Хорошо был организован и воздушный патруль. Благодаря достигнутому взаимодействию и отлично поставленной разведке и постам наземного и воздушного наблюдения планы противника были полностью сорваны. Франкистам ни разу не удалось застигнуть республиканские

самолеты на земле и разбомбить их, не дав им подняться в воздух.

Во время Великой Отечественной войны с успехом применялся "вертикальный маневр", впервые введенный Серовым в Испании. Он заключался в том, что самолеты были рассредоточены по всему летному полю и поэтому могли сразу, одновременно взлететь и завязать массовый воздушный бой с врагом. Так же получили распространение серовские воздушные бои на вираже или, как потом стали говорить наши авиаторы, на карусели. "Мы стараемся воевать, как воюет он, - смело, дерзко, творчески, - писал Б. Смирнов. - И, несмотря на то, что бои принимают все более ожесточенный характер, мы пока не имеем поражений, а противник потерял от нашего огня еще семь самолетов".

На подступах к своим аэродромам Серов выдержал, таким образом, четыре массовых налета противника и разбил врага во всех четырех сражениях. Тактический талант Серова в этих операциях вызывал восхищение военных специалистов. Генерал-лейтенант авиации Ф. А. Агальцов впоследствии говорил:

- Не дать себя разбомбить за четыре массированных налета - для этого понадобился блестящий тактический талант Анатолия Константиновича.

В массовых воздушных битвах Серов руководил боевыми силами большой авиагруппы, разбивал фашистские воздушные соединения над Мадридом и над расположениями республиканских войск. Фашисты теряли свои бомбардировщики и истребительные машины, губили их экипажи, а Серов не имел потерь, за исключением одного тяжелого случая, когда погиб русский летчик.

Серов потом рассказал об этом героическом эпизоде.

Фашисты послали на республиканский аэродром эскадрилью скоростных бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Наши самолеты в числе трех эскадрилий заранее поднялись в воздух и пошли навстречу противнику.

- Неприятели разделились на две группы, - рассказывал Анатолий. - Я подошел метров на семьсот к той группе, которая была больше. Тут я заметил, что две мои эскадрильи начали бой со второй группой. Против моей эскадрильи было десять бомбардировщиков и сорок истребителей. Мы врезались в их строй. Неприятельские бомбардировщики растерялись, начали сбрасывать бомбы куда попало, чтобы облегчить свои машины, и повернули обратно. На нас ринулись вражеские истребители. Мы повели бой против сорока бешеных врагов. Один из наших товарищей был подбит и пикировал к земле. За ним гнался

неприятельский самолет, стреляя из всех пулеметов. Я бросился выручать товарища. Открываю полный огонь. В тот момент, когда фашист хотел уйти от меня боевым разворотом, я его настиг и зажег. Но, когда наш товарищ выпрыгнул с парашютом, враги, в числе четырех самолетов, бросились на него и расстреляли в упор. Решив отомстить палачам, я начал их поливать свинцом. Один из противников пытался уйти. У него была пробита водяная система. Из машины клубами валил пар. Он метнулся вверх, надеясь скрыться за облаками. Я дал очередь из всех пулеметов. Растерявшись, он развернулся прямо на меня. Еще секунда, и противник, объятый пламенем, "загремел" на землю.

Штурм фашистского аэродрома

Если аэродромы, охраняемые авиационной группой Серова, оказались орешком не по зубам фашистским бомбардировщикам, то, со своей стороны, истребители, которыми командовал Анатолий Константинович, весьма удачно справлялись с задачей уничтожения аэродромов и баз неприятеля.

Анатолий организовал тщательную разведку в расположении врага. Было выяснено, что аэродром, с которого велись, главным образом, налеты на важнейшие центры республиканской Испании, был строго засекречен и находился недалеко от Сарагосы. Пленный итальянский летчик был досконально допрошен и дал точные сведения. Место секретного аэродрома - Гарапинильос, близ Сарагосы. На нем расположено не менее шестидесяти бомбардировщиков, запасы бомб и горючего. Подготавливается внезапный удар по войскам республиканцев, при этом большую роль должна сыграть авиация. У пленного удалось выяснить по карте место аэродрома, подходы к нему, стоянку самолетов и систему зенитной обороны.

При допросе присутствовал Птухин. Перед ним открылась возможность ликвидировать это гнездо противника. Но бомбардировщиков в его распоряжении было слишком мало для этой цели. Даже вражеской, гораздо более многочисленной авиации удавалось за один налет повредить один-два самолета и наделать десяток воронок, которые бывали тут же засыпаны и утрамбованы.

Вызван на совещание Анатолий Серов. Он моментально понимает задачу и сразу создает план.

- Делаем налет истребителями. Летим на бреющем полете, забрасываем бомбами и уничтожаем материальную часть зажигательными пулями. От нападения сверху идет "крыша" из истребителей эскадрильи Смирнова. Я с моими десятью ореликами справлюсь в два-три захода.

Он воодушевлен. Небывалое дело в авиации - штурм

истребителями. Он подробно разрабатывает план вместе с командованием и с командирами других эскадрилий. Всем хочется принять участие в этом исключительно важном задании. Решено послать четыре эскадрильи истребителей. Одна - серовская дважды атакует самолеты фашистов на аэродроме. Три другие под командованием Бориса Смирнова, Александра Гусева и Ивана Еременко прикрывают атакующую эскадрилью на разных высотах.

Летчики возвращаются в свои части и готовятся к вылету. Неожиданно пошел дождь. Но, как бы то ни было, на следующий день в пять утра все на своих местах. После дождя небо ясно, воздух чист, поднимается заря. Взрывается сигнальная ракета...

Десять истребителей мчались к вражескому расположению. Над ними двигалась "крыша" из своих же самолетов, надежная охрана!

В своих воспоминаниях "Испанский ветер" Борис Смирнов так описывает начало боя.

"Через десять-двенадцать минут показывается аэродром противника. Гарапинильос... Он ясно выделяется прямоугольным светлым пятном на общем рыжеватом фоне местности. Вдали, за аэродромом, неясно различимо нагромождение городских зданий - Сарагоса.

До цели не больше пяти километров. "Чатос" ("чатос" - во множественном числе) быстро перестраиваются в пеленг и переходят на бреющий полет. Выполнение всей задачи рассчитано на три-четыре минуты, позволяющие произвести две атаки. Мы летим вслед за "чатос", но значительно выше их. Меня больше волнует сейчас одно: успеют ли истребители противника взлететь с соседних аэродромов? Успеет ли подняться хоть часть самолетов с Гарапинильоса?

Куда там! Я смотрю на Гарапинильос и не верю своим глазам. Картина совершенно небывалая в боевых условиях: по всему аэродрому в виде буквы "П" расставлено не менее шестидесяти самолетов... Фашисты потеряли всякое чувство меры. Это уже не беспечность или зазнайство, это просто ротозейство.

Хорошо. За уроком дело не станет.

Строго держась за своим ведущим, "чатос" выскакивают к аэродрому с бреющего полета, молниеносно набрав горкой метров двести высоты. Первым бросается в атаку Анатолий Серов, и почти тотчас же на земле вспыхивает один из "фиатов". Почин сделан! Вслед за Анатолием открывает огонь Антонов, Короуз - вся эскадрилья. Через минуту один за другим над аэродромом встают восемь дымных, огненных факелов. С оглушительным грохотом взрываются бомбы, подвешенные на самолетах.

Сильный ветер разносит огонь по всему аэродрому".

Часть поля охвачена пламенем. Снаряды зениток рвутся на высотах, но "курносые" на бреющем полете, молниеносные и неуязвимые, поражают врага в упор, уничтожая его самолеты, вооружение, цистерны с горючим.

Вот исполнена вторая атака. Свыше двадцати машин поражено огнем. Серов, окинув взглядом работу, соображает, что вполне возможна еще не одна атака.

Пользуясь благоприятной обстановкой, он бросается в пике и обстреливает третий ряд самолетов. Евгений Антонов, Михаил Якушин и другие летчики, увидев, что командир пошел в третью атаку, следуют за ним, не теряя ни секунды.

Одна за другой произведены десять молниеносных атак.

В десятый раз, вернувшись в исходное положение, Серов видит, что весь аэродром противника в огне и дыму.

Анатолий ведет группу "домой". Он удовлетворен сделанным. Но его охватывает беспокойство. Может быть, "дома" его ожидает неприятное объяснение насчет неточно выполненного приказа.

Десять самолетов приземлились одновременно. Опустилась на землю на своем аэродроме и охраняющая группа.

Серов отправился с рапортом.

Тот самый комиссар, который несколько месяцев назад выговаривал Серову за безрассудную отвагу в первом боевом крещении, теперь, приняв рапорт, спросил:

- Объясните, почему сделали больше двух атак?

- Не мог иначе, товарищ комиссар фронта! Сделал две атаки и вижу, что часть самолетов противника горит, но многие еще целы. Рассчитал так: раз есть возможность уничтожить все машины врата - значит, нужно ее использовать.

Вопреки опасениям Серова, комиссар не стал распекать его. Напротив, крепко обнял и расцеловал.

- Вы вовсе не нарушили приказ, Анатолий Константинович. Вы его выполнили блестяще и сделали этим очень полезное и большое дело, мой милый Родриго Матео. Испанские патриоты будут благодарны вам и вашим замечательным боевым соколам-истребителям, И в военно-авиационном деле вы еще раз показали, что может сделать живая творческая мысль, инициатива воздушного воина-командира. В истории военной авиации это первый и замечательно удавшийся опыт разгрома вражеского расположения с воздуха не силами бомбардировщиков, а огнем истребительных самолетов.

Серов был обрадован и смущен похвалой.

- Нам всем осточертели бомбежки врага, когда здесь, в республиканской Испании, так мало технической мощи и почти

нет противовоздушных орудий. Теперь, по крайней мере, мы хоть на время лишили фашистов их боевой техники.

- И, по существу, вы правы, товарищ Серов. Какой же это истребитель, если он не рвется в бой, не радуется возможности свести счеты с заклятым противником? Да, бомбардировщик еще имеет право радоваться, когда, вернувшись домой, избегнул встречи с истребителем, положил, где надо, свои бомбы и благополучно ретировался. Искать столкновения - не его дело. Но истребителя мы воспитываем так, чтобы он всегда рвался в битву. Если он говорит себе: слава богу, сегодня я не встретился с противником, - это никуда негодный истребитель. Искать врага, навязывать ему бой, уничтожать его при всяких обстоятельствах, уметь сочетать в себе расчет, волю, дерзость и безграничную отвагу, наряду с совершенным знанием своего искусства, - вот качества истребителя. Эти черты и вместе с ними преданность идеям коммунизма, нашей Родине я очень ценю в тебе как в советском летчике.

Оба были взволнованы этим разговором.

Серов доказал, что в штурме неприятельского аэродрома истребительная авиация имеет даже некоторые преимущества перед бомбардировочной внезапность налета, молниеносность обстрела и при хорошей подготовке операции почти полная неуязвимость.

Поведя на задание пятьдесят человек, Серов не только выполнил задачу по уничтожению франкистской авиабазы, но и привел обратно всех своих летчиков, не имея потерь.

Перед вылетом на операцию Смирнов рассказал своим летчикам о задаче:

- Основная задача - уничтожение самолетов на земле - возложена на эскадрилью Серова. На нашу долю выпала непосредственная защита наших друзей с воздуха. Другие эскадрильи будут патрулировать выше и несколько в стороне от района действий. Таким образом, вражеский аэродром будет блокирован в воздухе со всех сторон. Серов просил передать вам, что, если завяжется воздушный бой с самолетами противника, чтобы вы особенно не увлекались, главное - старайтесь не подпускать, врагов к штурмующим "чатос".

Через несколько дней пленные немецкие летчики показали:

"На аэродроме Гарапинильос уничтожено сорок самолетов. Большая часть оставшихся выведена из строя и требует длительного ремонта. В бессильной ярости фашистское командование обрушилось на охрану и зенитчиков, которые разбежались во время штурмовых действий республиканских самолетов. На следующий день после налета двадцать солдат

были выстроены вдоль линии сгоревших самолетов и расстреляны на месте".

Правительство республиканской Испании высоко оценило этот замечательный успех. Оно обратилось к Советскому правительству с ходатайством о присвоении Анатолию Серову звания Героя Советского Союза.

Как-то в личной беседе Смирнов рассказывал о другом случае, когда он выполнял приказ вместе с группой Серова вновь штурмовать наземные части фашистов, причем на этот раз он находился под охраной "крыши" во главе с Серовым. "И вот, когда я прошел на задание метров на двадцать ниже группы Серова, я почувствовал, что надо мной находится такая "крыша", такая сила, что я могу работать над территорией врага совершенно спокойно, зная, что никакой противник на меня сверху не свалится и мы все вернемся домой невредимы. И правда, ни один человек не остался тогда в поле, все прилетели обратно".

Михаил Нестерович Якушин говорил о Серове:

"На фронте все знали: есть среди нас человек, к которому все тянутся в трудную минуту. Этим человеком был Серов. Я просто не могу объяснить почему, но, когда мы летели на боевую операцию, я, в преддверии боя, всегда подходил к Серову под крыло и прижимался к нему плотнее. Вот есть такая вера в человека, в то, что он тебя не подведет и всех выведет из любого сражения живыми и невредимыми, а противника разгромит".

Впоследствии, в боях 1941-1945 годов, массовые воздушные сражения имели уже развитый характер.

Самолеты были снабжены радиосвязью между собой и с землей. Это явилось неоценимым подспорьем для воздушных воинов. Во времена же испанского фронта радиосвязь была слаба, на самолетах она, как правило, отсутствовала. Правда, благодаря подробно разработанному плану операции, каждый знал свое место и свою задачу в предстоящей схватке. И летчики стремились вылетать по двое или группой. Все ж одной из особенностей, отличавшей летчика от наземного бойца, было его вынужденное одиночество в бою. И при самом точном и подробном плане, в ходе сражения, возникают новые ситуации, они требуют от летчика смекалки, инициативы, исключительного бесстрашия и самообладания.

Серов не только подавал пример этих качеств, необходимых истребителю, но добивался выполнения принципа обязательной взаимной выручки. Этот принцип он поднял на максимальную высоту. Летчик, летавший в составе его эскадрильи, уже не чувствовал себя одиноким. Рядом был локоть товарища, сознавалось и ощущалось сердцем присутствие командира,

который все видит и в нужный момент придет на помощь. Благодаря верности этому благородному правилу боеспособность республиканской авиации была такой высокой, летчики приобрели славу неустрашимых, а Серов - непобедимого командира.

Под небом Барселоны

Шестерка "курносых" летела над каштановыми лесами приморской части Каталонии. Вдали уже зеленели цветущие низины, холмы, покрытые виноградниками, за ними вырисовывались своеобразные очертания скалистого морского побережья.

Ярко блестела лента Льобрегат, впадающей в море неподалеку от Барселоны.

Вот показались кровли этого города, славного своими революционными традициями. Здесь раньше, чем в других городах Испании, рабочие организованно выступили против эксплуататоров. Ни огонь карательных войск, ни тюрьмы и пытки в застенках не сломили волю революционных рабочих Барселоны. В 1931 году пролетарская Барселона выступила первая, став зачинательницей всенародного движения против старого строя.

Да, именно в этой непокорной, революционной Барселоне четырнадцатого апреля тридцать первого года была объявлена Каталонская республика. Начался грозный вал революции, смывший престол Альфонса XIII.

Много пережито боев с той поры, немало одержано народных побед. Пережито было "черное двухлетие" после подавления восстания в Астурии и Католонии в 1934 году.

К концу тридцать пятого, сплотившись под знаменем коммунистов, следуя призывам Хосе Диаса и Долорес Ибаррури, народ начал строить новую жизнь, свое счастье, свою судьбу. И когда в тридцать шестом, в июле, в Испанском Марокко и на Канарских островах вспыхнул фашистский мятеж и генералы в различных гарнизонах Испании подняли солдат против республики, фашистские путчи были подавлены именно в Мадриде и Барселоне.

Эти мысли нахлынули на Анатолия, когда он вел свою шестерку над просторами Каталонии и вглядывался в очертания Барселоны.

Внизу широко развернулась панорама полей, садов, заводов и фабрик. Промышленные предприятия образуют вокруг Барселоны как бы мощное созвездие пролетарских крепостей.

"Они-то, рабочие Барселоны, будут драться до конца!" - подумал Анатолий.

Невольно, как всегда в такие минуты, вспомнился ему родной

Урал, его замечательные мастера труда и революционной борьбы, люди упорства, мечты, высокой романтики стремлений, преданий и сказок, люди, кровно связанные с землей, с ее недрами, могучие строители коммунистического будущего...

В его сердце в такие минуты просыпался прежний "Тошка - зверь лыжный", озорной и стремительный. Блестящими синими глазами оглядывал он горизонт. И вдруг его взгляд словно натолкнулся на едва различимое препятствие. Анатолий ощутил этот толчок в своем сердце. Он вздрогнул, наклонился вперед, сжав челюсти.

Целое соединение вражеской авиации шло ему навстречу.

Это была как бы туча, двигавшаяся с нарастающей быстротой и заслонившая солнце. Туча, таившая в себе смерть.

В тот же момент Серов определил силы врага и их расположение.

Справа шли семнадцать немецких истребителей, слева - восемь, за ними следом еще двенадцать. Тридцать семь самолетов шли на сближение, готовясь к убийственной атаке. Это было как раз во вкусе франкистских летных кадров: нападать при абсолютном численном превосходстве своих сил. В последнее время это численное превосходство стало сильно досаждать Серову и его друзьям. Все труднее было выдерживать бои. Но все упорнее становилась решимость выстоять, победить, свалить врага.

Фашисты, при всех своих численных преимуществах, побаивались Серова и его летчиков. Слава "курносых" вышла далеко за пределы расположения республиканских войск. В бою или при встречах в воздухе немецкие летчики уже узнавали Серова по его "боевой походке", по его боевым приемам и торопились так или иначе выйти из боя и заблаговременно удалиться от опасного противника.

Но сейчас положение серовской шестерки было критическим. Это было ясно и его врагам.

Анатолий окинул взглядом бесконечное голубое пространство. Казалось, все в эту минуту - и небо, и плоскогорье там, внизу, изрезанное долинами и ущельями, и голубая даль Средиземного моря, ярко засиявшая на миг, и розовый свет на горизонте, на востоке, на дороге к Родине, - все призывало его к мужеству, вливало в него силу. Ведь он - сын земли, борющейся за свое счастье, за счастье и мир всего человечества.

По знаку Серова все шесть самолетов выстроились в одну линию и, с грозным ревом пересекая пространство, ринулись в лоб на противника. Шестерка устремилась прямо на головной отряд с очевидной решимостью стрелять в лоб, таранить,

сшибиться моторами с самолетами врага, его головного отряда.

Это молниеносный маневренный бой. От этого маневра зависит исход встречи. Жизнь каждого нашего рыцаря висит на волоске. Победа достанется тому, у кого больше выдержки, кто не дрогнет перед смертельной опасностью, у кого стальные нервы.

И вот, когда до головного отряда фашистов остается не более ста метров и столкновение кажется неизбежным, командирский самолет противника отвернул! И рывком, круто набрав высоту, точно в смертельном ужасе, помчался на запад. И стоило дрогнуть командиру соединения, как подчиненные немедленно бросились врассыпную.

Шестеро! Шестеро "курносых" навели этот страх на немцких "асов", расстроили их ряды смелым маневром, даже преследовали некоторое время. Затем, невредимые, вернулись на свой аэродром.

Нас было девять

Численное превосходство германо-итальянской авиации не подавляло, а наоборот, возбуждало дерзкую инициативу республиканских летчиков, еще более усиливая их волю к победе.

"Нас было девять...", "Нас было четверо...", "Нас было трое...", вспоминают эти отважные соколы свои столкновения с врагом под голубым небом Испании, когда против них сражалось тринадцать, двадцать пять, тридцать неприятельских самолетов.

"Нас было девять", - так однажды начал Анатолий рассказ о столкновении, когда девятка республиканских истребителей встретила в воздухе двадцать шесть вражеских самолетов, с которыми и вступила в бой.

Задание у девятки было совсем иное - она шла атаковать наземные войска Франко. Кроме того, чрезмерное количественное превосходство врагов диктовало необходимость отступить, пока противник не заметил девятку, летевшую на большой высоте.

Но как раз в том, что враг его не заметил, Серов увидел возможность атаковать. А раз есть такая возможность, то грех ее не использовать, - решил Анатолий. И подал знак своим товарищам.

Атака была мгновенной. Впереди фашистских самолетов летел разведчик, но его уже нет, он сбит Серовым. В ту же минуту атакована первая пятерка вражеских истребителей. Находившийся в ее составе командир, растерявшись от неожиданности, удирает. Это вносит растерянность в строй всего соединения. "Курносые" окружают потерявшие инициативу пятерки, не дают им перестроиться, атакуют, сбивают одну за другой две машины. Франкистские пираты поспешно уходят. Девятка республиканских самолетов продолжает путь на

выполнение задания.

- Поучительный бой, - говорил потом Анатолий. - Наши истребители в этом воздушном столкновении завоевали победу потому, что действовали решительно, дерзко, не теряя ни секунды, ни на секунду не уступая противнику инициативу.

Еще более рискованное положение. Серов с товарищем возвращается на свой аэродром после боевой операции, где они израсходовали почти весь запас патронов. Они торопятся. Идут на большой высоте, чтобы, дойдя до своего расположения, сразу потерять высоту и приземлиться. Но до "дома" еще далеко.

И тут они встретили большую группу вражеских самолетов. Принимать бой было бы безумием. Но исключается и возможность отступления. Соединение фашистов идет прямо на Серова.

"Если будем уходить, заклюют", - думает Анатолий. Решает атаковать. Кажется - безумное решение?.. Но оно спасло жизнь ему и его товарищу.

Выпустив по врагу последние патроны, какие еще остаются, Анатолий подает знак ведомому, и они оба, как бы готовясь к стрельбе, бросаются на врага. Виртуозно маневрируя, забираясь в хвост то одному, то другому фашисту, заставляя его поспешно уходить из района обстрела, они не дают врагу ни времени, ни возможности занять более выгодное положение.

Наконец фашисты сдают позиции и, разлетевшись в разные стороны, скоро исчезают из виду. Видимо, узнали "почерк" Серова и решили ретироваться!

Один против тринадцати

Раннее утро. Вдалеке, переливаясь, блестит полоска моря. Край неба разгорается все сильнее. Внизу развертывается великолепная по очертаниям и краскам панорама. Но вот поднимается в своем царственном сиянии солнце и брызжет лучами прямо в глаза четырем летчикам, вылетевшим на поиски врага.

Как ни прекрасна картина солнечного восхода в этих удивительных краях, Серову стало не по себе. Солнце слепит, не давая наблюдать за воздухом. Между тем навстречу летит стая немецких самолетов. Вот она уже обрушивается на четверку республиканцев. Участник этой схватки М. Н. Якушин рассказывает:

- По знаку Серова мы развернулись и начали, как говорится, встречать огнем. Внезапно я услышал, как у меня в самолете что-то треснуло. Машина стала плохо слушаться управления. Я должен приземлиться.

Но перед тем как сесть, Якушин сбивает одного за другим два

вражеских самолета. Серов также зажег два немецких истребителя, и они, объятые огнем, рухнули на землю. Фашистам удается зажечь один республиканский самолет, и он пошел на посадку. Серов с товарищем, оставшись один против шестнадцати, сбил еще три машины. Товарищ ранен! Он выходит из боя. Серов остается один.

- Правда, мы, четверо, успели сбить семь самолетов противника, вспоминает Якушин. - Но и три наших вышли из строя. Против тринадцати фашистов остался один - это был Серов. Он крутился один-одинешенек, не имея ниоткуда помощи, и все же уверенно и смело отражал нападавших на него врагов.

А вот и слова самого Серова:

- Двадцать шесть глаз и - два глаза! Положение незавидное. Противник обрушился на меня сверху, со стороны солнца, как гром среди ясного неба. Один вражеский самолет уже успел подобраться сзади и "сесть" мне на хвост. Резкий поворот на сто восемьдесят градусов - и первая опасность миновала, противник потерял возможность поразить меня сзади. Но наседают другие, и их немало. Мой истребитель уступает в скорости нападающим машинам, но зато обладает лучшей маневренностью. Пользуясь этим, я часто выскальзываю из-под удара и сам кидаюсь в атаку, забираясь под хвост то одного, то другого самолета.

Фашисты решили во что бы то ни стало свалить Серова. Нападают с нарастающим ожесточением. Серов, пилотируя в этом вертящемся огненном колесе, сохраняет хладнокровие, видит все, "упреждает" уловки врага, то и дело сам переходит в атаку. Он верит в победу. Сбит еще один самолет. Зажжен другой.

Фашисты давно уже поняли, с кем имеют дело. Но, надеясь на несоизмеримое численное превосходство, усиливают свои атаки и настолько входят в раж, что не замечают последнего приема Серова...

Он рассказывает:

- Вижу, что атакующие самолеты сыплются на меня сверху. Их атаки безрезультатны. Но ведь надо же успешно выйти из боя! Стряхивая противника с хвоста своей машины и атакуя его сам, я стал оттягивать бой в сторону, чтобы постепенно перетянуть нападающих в зону расположения наших войск. Это мне удается. Вот уже я вижу линию своего фронта... Улучив удобный момент, резко пикирую почти до самой земли и благополучно сажаю свою машину.

Как читатель помнит, такую ситуацию Серов пережил в самом начале своего боевого пути в Испании. Тогда он еще не знал уловок врага, не имел боевого опыта, но проявил себя как замечательный мастер высшего пилотажа и, хотя получил

множество пробоин, сумел уйти от врага и благополучно приземлиться. Но теперь в такой же ситуации это был испытанный и прославленный воздушный боец. Он не только не дал себя сбить, но поразил не одного врага.

- Противник уходит ни с чем, - заключает Серов. - Вывод ясен: летчик-истребитель должен с боем ретироваться, если не может уничтожить врага. Будешь смело драться, сочетая маневр и огонь, зорко следя за хвостом своего самолета, - с честью выйдешь из боя при любом превосходстве в силах со стороны противника.

Тут же после этой схватки он весело говорит своим товарищам:

- Видите, как можно угощать противника на наших "курносых"! Маневренный, верткий самолет - огромное преимущество в бою.

Конечно, залог победы заключается не только в качествах самолета. Решающим здесь являлась воля к победе и боевое искусство летчика. Сам Серов несколько позже говорил молодежи:

- Летчик должен быть дерзким, отважным, хладнокровным, всегда точно рассчитывать свои действия, безукоризненно знать боевую технику - свою и противника. Вот что требуется от летчика-истребителя.

Если истребительная авиация ни на минуту не дает покоя вражеским самолетам, подстерегает их везде и всюду, на земле, и в воздухе, наносит короткие внезапные, ошеломляющие удары - значит, она действует хорошо.

Мысль о самом дорогом

Так Серов дрался один против десяти, один против тринадцати и во время неравного боя успевал поражать своих врагов, приходить на помощь товарищам. Все наши летчики, побывавшие с ним в боях, знали, что Серов - верный и самоотверженный друг и в самую тяжелую минуту всегда придет на помощь.

Однажды он и Петров попали в сложный "переплет", когда их было двое, а против них - десять неприятельских истребителей. Большая часть вражеских самолетов набросилась на Серова. Он отбивался от них со свойственным ему мастерством, когда заметил, что самолет Петрова подбит и должен идти на посадку. Сам обстреливаемый противником, Анатолий бросился на выручку друга.

"Его самого бьют, а он огрызнется против своих врагов и опять бросается на окруживших Петрова и бьет их. "Огрызался", конечно, бешеными пулеметными очередями", - рассказывает М. Якушин.

Летчик Петров был спасен. Анатолий остался невредим.

В эскадрилье Серова служил летчик Илья Финн. Они вместе работали в Научно-испытательном институте. Но лишь в Испании, в боевой обстановке, нашел и нем Анатолий не только хорошего летчика и веселого, остроумного приятеля, но и верного друга. И русские, и испанцы ласково называли его Илюшей и любили его общество. Отважный воздушный боец, он был неутомим. Товарищи запомнили, как Илья в белом парусиновом костюме бежал в последний раз к своей машине по боевой тревоге, на бегу поправляя порыжевшую пилотку на кудрявой голове. Увидев Серова, который уже сидел в кабине самолета, Илья подмигнул ему и произнес любимые серовские слова:

- Ну, мы им сейчас покажем!

Бой был трудный. Пришлось сражаться с большой группой вражеских истребителей, которые сопровождали свои тяжелые машины. На каждого серовского летчика набрасывалось пять-шесть "мессеров". Удалось сбить несколько немецких самолетов. Бомбардировщиков отогнали.

В этом бою погиб Илюша Финн.

Смерть доброго и верного друга тяжело подействовала на летчиков. Когда вынимали из-под обломков "чатос" тело Ильи, Серов заплакал скупыми, трудными слезами воина. Не привелось Илье вернуться домой, на советскую землю. И, прощаясь с боевым другом, Анатолий и его товарищи мысленно и всем сердцем обращались к Родине, словно ища у нее поддержки для новых испытаний.

Илью хоронили вечером. Над темно-зеленой рощей сияло звездное небо. Внезапно над маленькой процессией появился силуэт самолета. Серов сопровождал друга в последний путь. Летя на малой высоте, он совершал на фоне звездного неба прощальный пилотаж в честь погибшего. Делал развороты почти у самой земли, и от вихрей, вздымаемых самолетом, шумела листва деревьев. Набрав высоту, Серов рассекал пространство очередями трассирующих пуль, салютуя погибшему.

Но на следующий день товарищи увидели Серова прежним - полным энергии, бодрым, сильным, как всегда. День снова прошел в частых боевых вылетах. Усталые, измотанные летчики собрались вечером за кружкой пива в маленькой столовой. Серов шутил то с тем, то с другим.

- Что за сила держит тебя? - удивлялись летчики. - Ты всегда в такой прекрасной форме!

Серов задумался.

- Верно, та же самая, что держит всех нас. Вот Илья сложил

голову здесь, а у меня было такое чувство, что с ним были наши русские люди, работающие сейчас на Урале, в Москве, по всей стране. Мысль о ней, о Родине, жила в нем до последней минуты, до конца его жизни. Разве словами выразишь, какая это сила!

Товарищи удивлялись неутомимости Анатолия. В самые трудные дни, когда летчики худели и чернели от переутомления, Серов, напротив, казался особенно оживленным и бодрым. Он раздался в плечах, лицо и фигура дышали здоровьем и энергией.

- Наш Родриго Матео пять лет провоюет и в отпуск не попросится, шутили летчики. - Ему бы драться и драться. Вот сильный парень!

Дело было, конечно, не только в здоровье и физической выносливости уральского богатыря, хотя и это являлось неоспоримым преимуществом его натуры. Эта цельная натура находила высшее удовлетворение в условиях борьбы, где с особенной полнотой выявлялись идейная целеустремленность, накопленные знания, опыт и искусство воздушного бойца и командира. Серов был в своей стихии, он жил ею. Когда же с Родины приходила весточка, привет, сообщение, что народ одобряет его подвиг, он чувствовал, что силы его удесятеряются.

Неистощимая, бьющая ключом энергия Серова заражала его соратников. Она вызывала, например, такую же бодрость и жизнерадостность у Евгения Антонова. Это был высокий, светловолосый, худощавый летчик. Его золотистая шевелюра была счастливым дополнением к его веселому, тонкому лицу. Он любил и пошутить и вспомнить о родных местах так, чтобы это вызывало не грусть, а улыбку. Летчики нередко подсмеивались над его забавной привычкой вспоминать Лебедянь, где он родился.

- А у нас, в Лебедяни...

- А вот в Лебедяни, у нас...

Но последние недели боевой жизни в Испании были настолько насыщены смертоносной борьбой, неравными боями, постоянной опасностью, беспрерывными вылетами навстречу вражеским эскадрильям, сила которых умножалась благодаря помощи фашистской Германии и Италии, что даже такие жизнерадостные люди, как Антонов, иногда поддавались чувству усталости и тоски. И вот в эти-то минуты появлялся Анатолий с его милой шуткой, с дружеским участием.

- Так, что у вас в Лебедяни, Женя? Уборка закончилась, начались занятия в школе? Воображаю, сколько дома накопилось приветов тебе от твоих школьных приятелей... и приятельниц? Такая золотая голова! Ох, и бьется чье-то сердце, а?

Женя невольно улыбался.

Серову между тем приходилось тоже нелегко. С каждым днем все труднее было драться против превосходящих сил противника. Все больше чувствовался недостаток в людях, машинах, вооружении. Сильно мешала и несогласованность в испанском военном руководстве, борьба партий, пагубное влияние анархистов. Порой эти неурядицы обесценивали победы, одержанные в воздухе над фашистами. Вражеская же авиация, беспрерывно получая подкрепление из Германии и Италии, наращивала свое превосходство.

Женя Антонов рассказывал:

- Раз пришлось нам особенно тяжко. В тот день каждый из нас имел по шесть-семь и больше вылетов. Целый день дрались и все на одних и тех же потрепанных и продырявленных машинах. Фашисты бросали на нас каждый раз все новые и новые самолеты, у них был запас! И все же... Все же мы их били. Гнали прочь от Мадрида, от Барселоны, от Сарагосы. Возвращались на свой аэродром, не зная, дотянет ли "чатос", пробитый во многих местах, во многих боях!.. И вот, наконец... на нас напала такая усталость, что уж ничего нельзя было с ней поделать. Это могло показаться страшнее десятков фашистских эскадрилий. Люди измотались - и не за каких-нибудь два-три часа, а примерно за восемь-девять суток непрерывных тяжелых боев... В этих боях часто приходилось так, что на каждого из нас было по четыре, по пять машин противника, а на Серова и того больше... Да, сникли, немножко упали духом. И вот Серов... Он понял это. Собрал нас, завел дружеский разговор, рассказал смешной случай - мы даже заулыбались. Как бы ты ни устал, невозможно было устоять перед его открытой улыбкой, он словно светился внутренним веселым огнем и всех оживлял. Потом искренне похвалил нас. Для каждого нашел верное и ласковое слово. Волшебное слово жизни,

силы! Хорошее слово Серова. И вот начал развивать планы на будущее, что будем делать, когда вернемся домой, какой опыт получили, как много сможем сделать для нашей родной, советской боевой авиации! И мы встряхнулись, повеселели, появилась новая бодрость, новые силы поднялись из этого дорогого источника - любви к Родине. Усталости как не бывало...

И всегда-то Анатолий умел вывести нас из плохого настроения. То расскажет что-нибудь, то вовремя ободрит, то, хлопнув по плечу, позовет выпить с ним пивка и за кружкой успокоит тебя, заразит задором. После этого опять идешь в бой, как будто отдохнул и сил набрался. Серов таким всегда был. Я помню, в первое время нам не нравились машины, на которых пришлось летать. Мы уже летали у себя на Родине на быстроходных "ишачках" ("И-16"), а здесь получили другую технику. И тут Анатолий доказал нам преимущества маневренных "И-15", вызвал стремление полностью овладеть этим их преимуществом в бою, и, действительно, под командой Серова мы на этих машинах одерживали только победы.

Летчики говорили о Серове:

- Это человек, у которого быстро рождается мысль, решение задачи, как только она возникла. Он видит все: противника, его силы и способности и свои данные, и использует все это в одно мгновение так, что противник не успевает за ним следить. Серов бросает силы в бой, таким образом оценивая обстановку, что мы разбиваем любого противника и ничего при этом не теряем. И мы понимаем своего командира, идем за ним и действуем в полной согласованности, как одно целое, и - побеждаем. Бывает так, что наших участвует в бою гораздо меньше, чем противников; мы бережем свои силы, но бьем врага. За весь период боевых операций на защите Республиканской Испании эскадрилья Серова одерживала одни победы, и очень большие победы, над врагом при самых минимальных потерях.

Для товарищей Серова с каждым днем становилось ясным, как много они обязаны ему, его военному таланту. Евгений Антонов, например, вспоминая штурм вражеского аэродрома, рассказывал:

- Вот он получил задание: налет на аэродром противника. У него моментально все переварилось. Никто еще не успел подумать, а Серов уже разработал все в своем мозгу. Он говорит: мы летим так, другие летят так, а вот те охраняют - и все вышло по его плану. Мы имели хорошие результаты и все благодаря быстроте и ясности его решений... Серов прибыл в Испанию рядовым летчиком. Он с интересом присматривался к людям, уже получившим боевой опыт, восхищался ими, учился у них. Был

скромен, но никогда не терял своего лица и своей инициативы. Не давал покоя людям, пока не добивался своего, то есть более результативной работы.

Е. С. Антонов, прибыв в Испанию еще молодым летчиком, видел, как многие из старых, опытных пилотов слишком спокойно относятся к общим задачам фронта, - мы, мол, делаем свое дело, а общие вопросы пускай решают без нас кому следует. А Серов бурно вмешивался во все, отстаивал свои мысли, преодолевал рутину и добивался того, что считал полезным. Он всегда бил "в точку", требовал решения насущнейших вопросов и не мог успокоиться на достигнутом. Он любил говорить нам: "Чтобы не очутился позади, надо идти все вперед и вперед". И еще: "Умей моментально решить задачу, и победа за тобой". Сам он решал задачу сразу при ее возникновении, и его решения были верными.

О духовной силе Серова, проявлявшейся в тяжелые минуты, рассказывает в своей книге и Борис Александрович Смирнов.

"Эскадрилья Минаева, в которой дрался Смирнов, вылетела на боевое задание...

Наступил момент, когда совершался как бы перелом в пользу фашистов.

Впервые минаевцы дрались в одиночку, еле успевая стряхивать с себя наседающих "фиатов". И вдруг - надежда! - сразу два "фиата" вспыхнули ярким пламенем, через мгновение взорвался третий. Мне почудилось, что я слышу, как со свистом посыпались вниз горящие обломки.

Серов! Это он с шестеркой своих "курносых" подоспел в самый критический момент. Он с такой силой и неожиданностью ворвался в бой, расшвыривая облепивших нас фашистов, что те, не сообразив, в чем дело, бросились врассыпную..."

После боя, узнав о героической гибели Александра Минаева, Серов неожиданно появился в его эскадрилье. Он вошел в общежитие летчиков в Мадриде...

- Еле разыскал вас. Вот это жилище! Но пусто очень, тихо. Идешь по коридору и слышишь самого себя...

Слова Серова звучат как-то странно, как-то некстати и, наверное, именно поэтому действуют на нас отрезвляющим образом. Панас оживает и не сводит с Анатолия взгляда. Бутрым, потянувшись за папиросой, забывает ее закурить.

Положив руки на стол и глядя прямо в глаза каждому, Серов говорит:

- Плохо, ребята, получилось. И вы виноваты. Больше всех ты, Панас, виноват. Ведомый же ты! Понимаешь?.. Как ты мог его потерять из виду! И вы все виноваты. Еще плохо взаимодействуете друг с другом. Вот урок, страшный урок...

Какого летчика не стало!

Никто не отводит глаз под тяжелым взглядом Серова. Анатолий откидывается назад ни стуле, упираясь руками в край стола.

- Самое главное: будем их бить. А за Сашу Минаева в три раза сильнее будем бить. Только не зазнаваться, не думать, что одни мы можем сбивать самолеты! И они могут. И еще как, если мы будем действовать разрозненно, недружно...

Он встает из-за стола и начинает расхаживать по комнате. Рассказывает нам о своих тактических новинках и замыслах, тут же руками показывает, как он их осуществит. И ему удается сломить наше подавленное настроение, заставить думать о будущем. Я замечаю, что Бутрым, отойдя в сторону, что-то чертит на бумажке, готовясь к спору.

Анатолий спохватывается:

- Ого! Времени-то сколько уже! Ну, мне надо гнать обратно.

Он останавливается на пороге:

- Проводите-ка меня. Освежитесь.

Мы спускаемся в вестибюль. Анатолий шагает по лестнице через две ступеньки. Еле поспевая за ним, я думаю о том, как вовремя он приехал!

Салют, Испания!

Уже многие в Испании знали о Серове. В фашистском лагере его ненавидели лютой ненавистью. Противники всегда со страхом узнавали его присутствие в групповых воздушных схватках и стремились избежать столкновения с ним. Зато друзья горячо любили Анатолия за его ум, беспримерную отвагу, скромность и душевную прямоту. Когда молодым республиканцам говорили, что в Советской стране много таких людей, как Серов и его товарищи, испанцы верили этому. Они отвечали:

- Да! Русский, советский народ исключительно храбрый и мужественный. Но и у нас есть герои! Они выходят из самой гущи народа, и мы гордимся ими, как Советский Союз - Серовым.

Это была святая правда. Никогда не забудут подвигов сынов и дочерей испанского народа те смелые люди всех стран, боровшихся с ними рука об руку.

Также и сердце испанца забьется сильнее, когда назовут имена воинов интернациональных бригад, кто своей кровью полил испанскую землю, кто боролся за ее счастье и свободу.

"Салют, Испания!" - этот девиз звенел во всех бригадах республиканской армии. Он гремел даже в самые тяжкие дни, когда фашистская реакция схватила за горло молодую народную республику.

- Салют, Испания! - произносили молодые испанские летчики,

впервые вылетавшие в смертельный бой с фашистскими разбойниками.

- Салют, Испания! - кричал в воздухе Анатолий Серов, когда сраженный им враг "гремел" на испанскую землю и горящие обломки машины исчезали где-нибудь среди ущелий Гвадалахары....

Прибыло пополнение - только что выпущенные из летных школ СССР и Испании летчики-испанцы. Анатолий вводил их в строй и неутомимо работал с ними.

Когда-то он признавался летчикам-"старичкам", что смотрит на них, "как на богов". Теперь такими же глазами испанская молодежь смотрела на Серова. Все знали - за весь год боевых действий авиагруппа Серова имела одни только победы.

Точное число сбитых Серовым самолетов не поддается окончательному учету. На территории республиканских войск "показаны землей", то есть упали в расположение республиканцев, пятнадцать сбитых им самолетов. Немало уничтожено им над территорией противника. В целом эскадрильей Серова сбито "показанных землей" свыше семидесяти самолетов фашистов - число для того времени (с тогдашней авиатехникой и отсутствием радиосвязи) огромное.

Значительное число фашистских самолетов разных систем уничтожено и повреждено серовцами на аэродромах противника.

Приближался срок возвращения на родину.

За этот год, с каждым днем все больше, ратный труд и отдых были освещены для Серова и его друзей особым светом великой дружбы, опалены святым огнем пережитого.

Еще в детские годы - в пионеротряде, затем в пору юности - в среде уральской комсомольской молодежи, далее - в страду летной учебы в стайке будущих боевых соколов - закладывались и развивались в его душе семена высоких правил дружбы.

Беззаветная верность, строгая требовательность, милая сердечность в сочетании с твердой принципиальностью - эти черты укрепились в характере Анатолия в годы службы в Гатчине, и в особенности на Дальнем Востоке. Они великолепно проявили себя в год боевых испытаний на фронтах под Мадридом. Сарагосой, Барселоной.

О серовской товарищеской выручке в бою мы уже не раз говорили. Она пропитывала собою всю его работу в Испании. Когда товарищу приходилось плохо - бывал ли подбит самолет или враг захватывал его в кольцо, Анатолий принимал на себя огонь, давая товарищу выйти из окружения и занять более выгодную позицию.

Мы говорили уже, как за гибель двоих товарищей он

беспощадно отомстил врагам. Эта выручка проявлялась не только в отношении своих русских земляков, но безотказно действовала, когда попадал в трудное положение испанский летчик.

Подводя итоги перед отъездом, Анатолий говорил товарищам:

- Как могли, мы выполнили свой долг перед народом Испании. Но и опыт мы здесь получили немалый. Приедем домой, отдохнем и будем учить молодежь нашу, советскую, как воевать с немцами. Ребятушки! Мы не должны терять друг друга из виду. Будем работать вместе!

Серов и Якушин уезжали из Испании в числе последних летчиков-добровольцев.

Провожая русских героев, испанские патриоты откровенно плакали.

Механик Карлос, обнимая Серова, старался улыбаться, но слезы стояли у него в глазах, и на душе у него было невесело.

Анатолий и Михаил старались шуткой ободрить испанских друзей. Но им и самим было нелегко покидать эту землю, политую родною кровью... И жаль было расставаться с замечательной испанской молодежью, с которой связали их незабываемые боевые дни, когда они вместе, крыло с крылом, храбро дрались против ненавистного врага - черных стай фашистской авиации.

Полученный от республиканского правительства дружеский подарок красивый мощный автомобиль системы "крейслер" - Серов тут же окрестил "королевой".

Последние пожатия рук, последние объятия.

- До свидания, камарадос!

- Еще увидимся!

- Салют, салют!

- Наше дело не может не победить!

- Салют, Испания!

- Салют, Москва!

Часть IV.

Герой Советского Союза

Москва!

Москва встретила Серова как героя.

Стояли крепкие январские морозы. Валил снег. Дул студеный ветер, перемещая сугробы с одной стороны дороги на другую.

Серову же в Москве показалось тепло. Еще бы! Такой поток радостных приветствий, дружеских объятий, неожиданных встреч с родными и старыми друзьями - эту радость встречи с Отчизной не могли остудить никакие морозы.

- Дивный город, - говорил Анатолий, точно впервые приехав в

столицу. Ох, и хороша Москва!

Он не ожидал особого почета, ни тем более славы. Было сознание честно выполненного долга. Были думки о предстоящей работе... А Москва раскрыла ему объятия, как мать, гордящаяся своим сыном. В печати уже появлялись очерки о его делах. Многие знали о его подвигах - старые товарищи по службе в строю, в Военно-Воздушной академии.

Вскоре Анатолия Константиновича и его соратников пригласили в Кремль. Михаил Иванович Калинин торжественно вручил им заслуженные награды. В январе грудь Серова украсилась двумя орденами Красного Знамени, в феврале ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а 7 марта вручен орден Ленина и Золотая Звезда. Высокие награды получили и его боевые товарищи.

Вскоре герои испанской эпопеи были приняты в Кремле руководителями партии и правительства. Серов представил им своих соратников:

- Вот мои орелики. Они хорошо дрались за идеи нашей Родины, за идеи коммунизма.

В дальнейшем Серов не раз вызывался в Кремль. С ним беседовали руководители страны. Они сердечно полюбили этого открытого, искреннего, бесстрашного юношу, едва достигнувшего двадцати восьми лет, но совершившего дела, достойные крупных полководцев.

Серов потом все время чувствовал их внимание и поддержку. Это давало ему новые силы, и он, отказавшись от отдыха, отдался новой работе, используя свой громадный опыт.

Близкие друзья и родные любовно всматривались в Анатолия, замечая, как он изменился и возмужал. От него веяло не только могучей жизнерадостностью, но и суровой уверенностью испытанного воина.

- Ты будто и ростом стал выше, и шире в плечах!

Его веселые глаза принимали сосредоточенное, суровое выражение, которого не видели у него раньше. Оно не исчезало даже, когда он, казалось, по-прежнему шутил и веселился. Картины смертоносных воздушных схваток, боль от потери павших в бою, само лицо смерти, которой он не один раз смотрел в глаза, - все это, казалось, жило в нем и горело неистребимым внутренним огнем.

Когда Анатолий с Михаилом Нестеровичем Якушиным пришли на елку к друзьям, те так радовались, что невозможно передать. Дети приготовили ему новогодние забавные подарки. Дед-Мороз держал маленький плакат с приветствием: "Нашему свирепому истребителю! Нашему Герою! Нашему милому дяде

Толе ура!"

Анатолий мало рассказывал о своих боевых делах. Его друзья больше узнали от Якушина и других его товарищей. Он удивлялся, когда ему задавали вопросы, как это он "садился на хвост врагу и рубил ему хвост?" Хохотал, спрашивал, откуда это известно? Но порой становился задумчив, и тогда в глазах его появлялся как бы тяжелый свинцовый отблеск пережитых схваток.

Сердце Серова билось горячей благодарностью к Родине, так высоко оценившей его подвиг.

- Хочу только одного, - признавался он нам, - отдать жизнь за народ, за нашу страну.

Герой-летчик не жил одними воспоминаниями. Он извлекал из прошлого уроки, те важные моменты, какие могли сыграть большую роль в развитии боевой авиации. Как настоящий новатор-революционер он должен был всю сумму опыта передать широким массам, поставить на службу нашей армии.

- Я бы с удовольствием пошел инструктором в летную школу, лишь бы осуществить это дело, - говорил он со своей обычной непосредственностью и скромностью.

Но Серов получил работу гораздо более крупных масштабов. Его назначили начальником летной инспекции. В то время Военно-Воздушными Силами командовал дважды Герой Советского Союза Яков Владимирович Смушкевич - бывший его командующий на испанском фронте.

Серов привлек к работе в инспекции Михаила Якушина, Бориса Смирнова, Евгения Антонова и других своих друзей по Испании, имевших опыт современного воздушного боя.

- Не только проверять учебно-боевую подготовку летных кадров, но и добиваться ее развития на основе использования новейшей техники, новейших методов воздушного боя, переучивать и толкать вперед, - говорил он товарищам. - Эту задачу поставила перед нами партия.

В инспекции повеяло новым духом.

Серов внушал командирам:

- Опыт пилотажа и воздушного боя растет, техника материальной части непрерывно развивается. Мы не можем учить людей по старым канонам. Летчики обязаны идти вперед, наш долг - ускорить это движение.

Все новое, что создавалось в области боевого самолетостроения, становилось на вооружение авиации, вступало по требованию Серова в распоряжение не только строевых частей, но и летных школ.

При посещении подведомственных учебных заведений и авиачастей инспекторы теперь пользовались главным образом

быстроходными боевыми машинами. Они прибывали в строевые части, собирали летчиков и вели с ними беседы об их практике, особое внимание уделяли полетам.

В одной из строевых частей, Анатолий Константинович решил проверить индивидуальную технику пилотирования на боевых самолетах. Однако полеты задерживались. Наконец Серову сказали, что сложный пилотаж здесь не проводится, так как машины изношены. Серов осмотрел все машины, выбрал ту, которая считалась здесь самой ненадежной, взлетел на ней и проделал в воздухе ряд фигур высшего пилотажа. Таким же образом он проверил в воздухе все самолеты. Затем собрал летчиков, немного смущенных и обиженных. Они говорили:

- Вы сами видите - машины потрепанные. Разок слетать, конечно, можно. Но пора бы дать нам новую технику.

- Новую материальную часть вам скоро пришлют. Но до тех пор просто грешно не использовать того, что имеешь. На этих машинах можно работать. Конечно, когда не хватает уверенности в себе, - лукаво усмехнулся Анатолий, - то и на новеньком самолете сломаешь себе шею. Посмотрели бы вы, на чем летали ребята в Испании! Да еще против целой тучи фашистских "фиатов" и "мессеров". Машина вся продырявлена, черт ее знает, как она еще не падает... А они управляли ею, лупили фашистов, сбивали их! Потом садились на своем решете... чтобы через час-другой опять лететь в бой на том же "чатос"... Да у вас по сравнению с ними целое богатство. Право же, вы богачи, ребята!

Летчики улыбались. Они начали полеты. Серов увидел, что имеет дело с мастерами летного искусства. Он дружески простился с истребителями и вскоре добился отправки в этот полк новых самолетов.

Серов несколько раз побывал в этом полку.

- Каждое его посещение, - рассказывали летчики, - обогащало нас опытом, знаниями. Спросите у любого из наших лучших летчиков, откуда у него такой смелый и чистый стиль пилотирования, он скажет: "Серов показал, Серов научил".

Вокруг него все кипело. Стоило кому-нибудь из его помощников заявить, что не хватает средств, техники, людей, как Анатолий тотчас же принимал меры, и недостающее находилось. Не было случая, чтобы дверь перед ним осталась закрытой. Все уже знали, что бесполезно отсылать Серова от стола к столу.

Входил в комнату быстро, широко распахивая дверь, словно ветер врывался в кабинеты начальников и специалистов. Он просто и доверительно объяснял суть дела и прямо спрашивал:

- Это можно сделать? Так давайте сейчас же и сделаем.

Друзья прозвали его "минхерц" (искаженное немецкое "мое

сердце") за горячее сердце, отзывчивость, чуткость. Он заботился не. только о летчиках, но и о всех работниках инспекции, об их детях и женах, бывал часто у друзей, и они - у него.

Женитьба истребителя

3 мая 1938 года Анатолий был в гостях у Героя Советского Союза А. В. Ляпидевского. На вечеринке было весело, шумно и, как всегда, больше всех шумел и веселился Анатолий. Пел, танцедал, шутил, и вокруг него то и дело раздавался смех, говор, словно люди собрались погреться у яркого костра.

Но вот на какое-то мгновение он притих... Потом снова вдруг был словно подхвачен волной радостного веселья, так и сыпал шутками, тормошил друзей, которые очень любили его и тут поняли, что с ним произошло что-то значительное.

Скоро заметили, что он танцует все больше с одной девушкой. Анатолий танцевал с ней, задавал ей тысячу вопросов, рассказывал о себе, стараясь всячески вызвать ее интерес, симпатию, ее любовь, наконец!

В этот памятный вечер он твердо решил про себя, что эта девушка, которую он тут же прозвал причудливым прозвищем "Лапарузка", станет его женой.

Это была молодая актриса театра имени Ленинского комсомола, Валентина Васильевна Половикова, дочь заслуженной артистки республики Клавдии Михайловны Половиковой. Валентина Васильевна родилась в 1916 году и, с детских лет полюбив театр, рано ушла на сцену. Комсомолка, активная общественница, она отличалась сценическими данными и нередко играла ведущие роли.

На следующий день после знакомства Серов примчался к Ляпидевскому. Тот встретил его удивленным взглядом. Серов возмутился:

- Ты что, забыл? Нас же пригласили в театр. Она играет!

- Ах, она... кто это?

- Как, ты не помнишь? Она - Валя! Одевайся!

Он повел машину на максимальной скорости. Смотрели "Бедность - не порок" А. Островского, в которой Валя играла роль Любови. Трогательная драма молодой девушки разволновала Анатолия так, точно все это случилось не с Любовью, а с самой Валентиной, и он рвался к ней на помощь! По окончании спектакля он долго ходил по опустевшему вестибюлю, пока она не вышла, одетая в свой голубенький костюм, который он страшно полюбил, как и все, что было при ней в первый день знакомства.

Два дня он буквально не отходил от девушки, не давал никому помешать их сближению, возил ее в театр, в клуб

писателей, где уже завел себе хороших друзей, а на третий день, сидя с ней у нее дома, вдруг придвинул к себе ее кресло и сказал:

- Все шутки да развлечения, Валюша... Но я хочу серьезно просить тебя, чтобы ты разделила со мной мою жизнь. Будь моей женой.

Открытый и чистосердечный взгляд Серова убедил Валю в серьезности его слов. Но она немножко растерялась.

- Давайте подождем немного. У меня в Ленинграде мать - мой единственный большой друг. Поеду к ней, посоветуюсь...

Видя, как он нахмурился, она взяла его за руку.

- Ведь это очень серьезный шаг, Толя.

Неясной тревогой пронеслось в ее душе что-то вроде предчувствия его трагической судьбы. Она с тоской подумала, насколько непрочным и недолговечным может быть большое счастье, которое само врывается в ее жизнь.

Анатолий покорился.

- Поезжай. Хотя, говоря по правде, все ясно, и что тут обсуждать? Когда ты едешь? Поезжай сегодня же.

Вечером он проводил Валю на вокзал, и она "стрелой" отправилась в Ленинград. Клавдия Михайловна в то время играла в театре имени Пушкина. Утром Валя была уже у нее. Они завтракали вместе. Раздался звонок по телефону. Валя взяла трубку и вдруг услышала голос Анатолия.

- Здравствуй, это я!

- Толя!? Здесь? В Ленинграде?!

- Только что прилетел... Только не думай, что это из-за тебя. Я здесь по делу.

- Я и не думаю. Но если есть время, зайди к нам.

- Только сначала я заеду за одним другом, мы вместе придем. Разрешаешь?

- Почему с другом? А один ты...

- Сама понимаешь, страшновато все-таки... Друг у меня хороший, замечательный. Евгения Птухина знаешь?

Через несколько минут он был уже у Вали. С ним явился его боевой товарищ Евгений Саввич Птухин, известный уже нам герой испанских сражений.

Клавдия Михайловна предложила гостям сесть. Серов было сел на один стул, но тому явно угрожала поломка - он затрещал. Серов скорей пересел на диван и прямо обратился к Клавдии Михайловне:

- Что ж, мамашенька, отдаете вы мне свою Валю?

Мать ответила с улыбкой:

- Сама пусть решает. Ее воля.

- Скажи, Валя, - спросил он немедленно.

- Скажу в Москве.

- Когда ты вернешься? Давай сегодня провожу тебя.

Спорить с ним было невозможно. Весь день они провели вместе, гуляли по Ленинграду. Вечером он и Птухин усадили ее в "стрелу". А утром, выйдя на вокзал в Москве, Валя увидела Серова. Подтянутый, выбритый, он шел к ней с огромным букетом сирени. Валя была ошеломлена и покорена.

На его вопрос она тихо ответила:

- Ладно, Толя...

Серов, охваченный радостью, признался:

- Так спешил, что первый раз в жизни при посадке сделал "козла"! Позор!

В тот же день он повез невесту в Чкаловскую и познакомил со своими родными.

Его родители переселились под Москву, с ними жили и его младшие сестры Агния, Надя и Маргарита. Брат Евгений остался в Надеждинске, он работал сменным инженером в мартеновском цехе их родного завода.

Любовь Фроловна была занята стиркой, сын с невестой застали ее за этим занятием. Выпрямившись и вытерев руки, она внимательно посмотрела на Валю.

- Мамашенька, вот моя невеста.

Она обняла девушку.

Толя водил Валю по всему городку, знакомил с друзьями, был ужасно горд, что она всем понравилась. Константин Терентьевич говорил впоследствии:

- Мы поняли, что решение его продумано и серьезно. Вскоре они зарегистрировались. Нам было приятно, что сын нашел себе подругу жизни. Он часто вместе с ней навещал нас, или мы ездили к нему в Москву. Он постоянно помнил и заботился о нас.

Анатолий и Валентина поселились сначала в гостинице "Москва", там жили до сентября, когда получили квартиру на Лубянском проезде (ныне проезд Серова).

Лето провели в селе Архангельском, в доме отдыха. Анатолий с друзьями ежедневно улетал в Тушино, где тренировался к полетам, назначенным на 18 августа. Иногда он прилетал в Архангельское и кружил над самым домом так низко, что обитатели разбегались с террасы. В эти месяцы Валя снималась в киностудии, в картине "Девушка с характером", и продолжала играть на сцене.

Весь тот год был годом большого счастья для Анатолия. Жили дружно, часто забавлялись, как дети, дурачились. Приходя домой, Серов звонил долго, пронзительно, точно сзывая на аврал всех домочадцев. Первый вопрос был к домработнице Тане:

- Валька дома?

И бежал искать ее по закоулкам квартиры, пока не находил в уголке, где она пряталась. Тут начиналась веселая возня, смех, шум. Таня качала головой, но не могла не смеяться вместе с ними.

- Вот ураган прилетел! - ласково ворчала она. Но если что-нибудь случайно отвлекало от него его Валю, он впадал в уныние. Так, на одном вечере в клубе писателей его увели сниматься со знатными людьми, а Валя осталась танцевать в другом зале. Серов хоть и покорно занял свое место и дал себя сфотографировать, но вышел на снимке таким унылым, что жалко было на него смотреть.

Встреча с Чкаловым

Но и женитьба и счастливые "медовые" месяцы не могли отвлечь Анатолия от полетов, от его кипучей деятельности в Главной летной инспекции.

Практическую и инспекторскую работу свою и своих товарищей Анатолий Константинович тесно связывал с научно-исследовательской, теоретической мыслью, много читал по специальным вопросам авиации. Изучал историю партии, не мысля себе отрыва боевой практики советского летчика как от теории и истории авиации, так и от вопросов научного коммунистического мировоззрения. "Советский герой, - писал он, - это патриот своего Отечества, это большевик-интернационалист, сознающий все великое значение СССР - родины международного пролетариата".

Снова завязались у него тесные творческие отношения с институтом. Пришел он теперь туда не как прежний "мятежник", "бунтарь", "хорохорец", а как один из созидателей новой эпохи в развитии нашей скоростной авиации, как человек, которому доверены были проверка и контроль работы Военно-Воздушных Сил, их кадров, материальной части, вооружения.

В институте и на заводах он испытывал новые конструкции, знакомился с чертежами и дал немало указаний по улучшению и совершенствованию самолетов. К его словам прислушивались, их охотно использовали наши авиаконструкторы. По распоряжению Я. В. Смушкевича он был прикреплен к ЦАГИ, где в это время начинались работы по созданию новой сверхскоростной машины. Анатолий собирался первым совершить полет на этом самолете. Почти ежедневно посещал завод, начиная с момента проектирования нового самолета, изучая макет, следил за постройкой машины, участвовал в совещаниях. Конструкторы с огромным интересом беседовали с ним и впоследствии еще долго применяли его советы в своей работе.

В то же время он непрерывно тренировался, в особенности уделяя внимание тренировке на скоростную посадку, используя посадочную скорость новейших истребительных самолетов.

Он стремился поставить работу инспекции так, чтобы была реальная возможность смело экспериментировать. Не только проверять, но и толкать вперед. Анализ и расчет у него сочетались с дерзостью и смелостью обобщений.

На поверхностный взгляд могло показаться, что Серов слишком много требует от людей, переоценивает их способности. На поверку выходило, что он видит и смело вызывает к действию до того времени скрытые в человеке талант и инициативу.

"Присмотришься - он все прекрасно представляет себе и очень трезво оценивает обстановку", - говорили инспектора, близко узнавшие его на работе.

Партия и правительство окружили Серова и его друзей вниманием и любовью. Им были созданы все условия для работы. Это внимание глубоко волновало Анатолия, хотя и было вполне естественным и заслуженным.

- Мне думается, - говорил он друзьям, - что все, что я сделал, это только малая часть того, что я могу и должен сделать для нашего народа, для нашей страны, для нашей эпохи. Я часто задаю себе вопрос, кем бы я стал, если бы не было Советской власти? Вероятно, каталем или чернорабочим. Партия, комсомол, страна воспитали, закалили меня.

Перед народом и партией Серов всегда чувствовал себя в неоплатном долгу.

Летчики называли Анатолия младшим братом Чкалова, вторым Чкаловым. Они считали, что в будущем у Серова не менее побед, чем в летной жизни Чкалова. Якушин рассказывал:

- Серов во многом было похож на Чкалова. Простота, скромность, прямодушие, безумная храбрость в сочетании с совершенным владением техникой, глубочайший патриотизм, стремление передать свой опыт другим - вот что роднило Чкалова и Серова. Будучи старше Серова на шесть лет, Чкалов как летчик-испытатель имел огромнейший опыт. Он стал не только замечательным практиком, но и ученым в этой области, открывателем новых путей. Анатолий был мастером воздушного боя. Летчик-истребитель, он не ограничивался непосредственной практикой, но постоянно искал и находил новое, обобщал опыт, смотрел далеко вперед. Ни у Чкалова, ни у Серова не было ни тени эгоизма и тщеславия. Свои находки, достижения, опыт они немедленно передавали другим. Руководила ими Любовь к советской авиации, любовь к Родине.

- Слышу, Анатолий забирает меня к себе, под свое

подчинение, рассказывал Б. Смирнов. - Я был очень доволен. Знал, что если я буду продолжать работать с Серовым, то научусь, как нужно воспитывать людей. Мы с ним много летали, и никогда не было у нас никаких происшествий или аварий, потому что Анатолий был в высшей степени предусмотрительным и подготовленным человеком. И работать с ним было легко. Он в двух словах мог сделать понятной свою мысль.

Другой член серовской знаменитой "пятерки", затем "семерки", Виктор Рахов{13}, добавлял к этим словам товарищей:

- Спортсмен он к тому же был замечательный. По лыжам на соревнованиях всегда брал первые места. Раз в институте на состязаниях он двадцать километров прошел в рекордное время, прямо как хороший конь. Я не знаю, откуда у него сила такая! Таким он был и в работе - могучим, не отступающим ни перед чем. Он всех нас увлекал за собой.

Наконец исполнилась давняя мечта Серова - он познакомился с Валерием Павловичем Чкаловым.

Встреча произошла на аэродроме. Чкалов присутствовал на полетах Анатолия и остался, чтобы пожать руку летчику, который доставил ему несколько минут чистейшей радости.

Когда Серов приземлился и подошел к группе летчиков, он сразу узнал того, перед кем преклонялся.

Чкалов широким жестом протянул ему руку. Серов порывисто обнял прославленного летчика.

Обменявшись несколькими словами привета, они решили обедать у Серова. Здесь, дома, сидя с Чкаловым на диванчике, едва умещавшем их обоих, Серов сразу рассказал, как всю жизнь ждал этой встречи, как заочно учился у него, подражал ему во всем, даже в походке. Оба весело смеялись. Валерий Павлович расспрашивал о боях в Испании, и Серов рассказывал щедро и много, выбирая случаи, особенно интересные для Чкалова.

- Эх, завидую я тебе, Анатолий.

- Ты мне? Как это можно!

- Да как же! Ты прошел в боях высшую школу истребителя! Да как бы ни были полезны наши тренировочные полеты, разве они могут создать самочувствие подлинной схватки? "Противник" висит у тебя на хвосте, но ты знаешь, он не будет стрелять и не убьет тебя. То ли дело настоящая битва! Враг делает все возможное, чтобы зажечь твой самолет, застрелить тебя, свалить на землю. Ты становишься куда хитрее и изобретательнее, чем в учебном полете. Знай поворачивайся, крутись, чтобы противник не поразил тебя, но чтобы ты свалил его. Вот когда приобретается высший класс пилотирования. Вот в чем твое преимущество, как и всех твоих ребят. Я просился туда, конечно, и еще как!

- Да я знаю, слыхал об этом, - улыбнулся Серов. - Но...

- Да, не пустили.

- И правильно сделали. Я поехал туда рядовым летчиком и должен был еще держать экзамен. Ну, кстати, и получить удовольствие - набить морду не одному фашисту. А ты совершал тогда свои исторические и важные для всех перелеты и опыты, которые так вооружают нас! Разве можно было тобой рисковать! Это было бы безумием. Ты необходим нам всем, Валерий. Был и останешься идеалом советского летчика. Как я стремился достичь твоих пределов.

Сколько раз пытался сделать твой, чкаловский, расчет на посадку с переворота...

Чкалов раскуривает трубку, видимо, наслаждаясь этой беседой. Знакомство с Серовым доставляет ему давно не испытанное удовольствие. Потом говорит, улыбаясь и по-волжски сильно "окая":

- Хорошую новую фигуру и летчик любит, и машина любит. Техника у нас добротная. И, если ты не дурак, она подчиняется тебе идеально. Приятно использовать все, что она может дать.

Они стали друзьями, часто встречались. Чем ближе они сходились, тем больше общих черт находили друг в друге.

- Про тебя говорят: младший брат Чкалова, - сказал как-то Валерий Павлович. - Мне это по душе, право. Что-то в тебе есть и мое. Но, Толюша, у тебя своя походка в воздухе и на земле. И - своя дорога. Это хорошо. Много бы я дал, чтобы увидеть, как ты пойдешь, как вы все пойдете, младшие мои братки. Ведь у вас то преимущество, что с самого начала вы летаете на современных машинах и новая техника вам близка, она - ваша ровесница. Вы растете вместе с нею.

Серовская пятерка

- Есть летчики, которые лучше нас летают, - говорил Серов своим друзьям. - Но у нас преимущество - опыт непосредственного столкновения с противником. Технику пилотирования мы проверили огнем. Теперь нам надо разобраться не только в практике, но и в теории этого дела. По-новому решать вопросы организации аэродромов и полетов. Надо добиться, чтобы меньше было жертв не только в мирной, но и в будущей боевой практике наших летчиков.

Пришло известие, крайне опечалившее Серова. На Дальнем Востоке разбился Александр Власов, один из серовской тройки, звена "воздушных акробатов".

- Власов разбился! - чуть не плакал Анатолий. - Шурка Власов! Как же это могло случиться?! Он был настоящим орлом в пилотаже. Отказал мотор? Власов не мог растеряться и в таком

случае. Или сорвался в штопор с малой высоты? Тогда уж не остается времени, чтобы перейти в пике и набрать высоту. Сколько же нам еще надо учиться, чтобы ликвидировать всякую возможность катастроф! А ведь можно, можно! Пока бьется сердце, будем выполнять эту задачу.

Через несколько дней, думая о Власове, он сказал:

- У меня была мысль вызвать его в Москву. Думал летать с ним в новом звене воздушных акробатов. Слушайте, ребятушки, мы должны создать такое звено... или пятерку. Такую боевую группу из пяти-семи опытных истребителей. Что скажете об этом?

Хотя он улыбался, но было понятно, что не шутит. Все загорелись его идеей. Летать в пятерке согласились Якушин, Смирнов и Антонов. Пятым решили позвать Рахова.

- Виктор, правда, не воевал еще, - говорил Серов, - но я отлично знаю его как летчика-испытателя. Мастер высшего пилотажа, хороший коммунист. С ним будет легко, не придется натаскивать - чудесно пилотирует.

Когда все было обсуждено и при участии Рахова, Анатолий сказал:

- Все ясно? Значит, будем тренироваться. Впереди праздник авиации. К этому дню наша пятерка должна слетаться. Сегодня и начнем.

Пятерка не составляла отдельной строевой единицы. Каждый работал на своем посту в инспекции или в институте. Слетывались в свободное время.

- Мы сейчас летаем пятеркой, потом будем пилотировать семеркой, говорил Анатолий после полетов строем. - Будем подбирать народ постепенно, так, чтобы наша группа была для всей истребительной авиации наглядным примером того, что можно взять от современной техники.

На Тушинском аэродроме

Все летние месяцы 1938 года пятерка ежедневно тренировалась, готовясь к воздушному празднику.

К параду 18 августа готовились и летчики Осоавиахима. Они тренировались на Тушинском аэродроме рано утром, до начала занятий в учреждениях и на заводах, где они работали.

Однажды осоавиахимовская молодежь отдыхала на траве после полетов. Вдруг общее внимание привлек военный самолет, летевший, казалось, прямо на молодых людей.

- Э, видно, идет на "вынужденную".

- Да, наверно. Военные редко без причины появляются у нас в Тушино.

- Бачьте, хлопцы, колеса не выпустил. На брюхо садится!

- Да нет, стой! Выпустил - перед самой землей.

- Здорово!

- Не Чкалов ли, а, ребята?

Снедаемые любопытством, они поднялись с земли и побежали к прибывшей машине. Остановились в почтительном отдалении. Из машины выскочил незнакомый, летчик. Он снял пилотку, и на ветру закрутились его мягкие темно-русые волосы. Подошел начальник аэродрома, пожал руку летчику.

- Товарищ Серов! Здравствуйте!

- Это Серов! - передавали друг другу осоавиахимовцы. - Неужели тот самый? Этот такое может показать и рассказать... Как бы его завлечь, хлопцы?

Но завлекать не понадобилось. Серов сам подошел к группе молодежи.

- Братушки, есть закурить?

К нему протянулись руки с открытыми папиросными коробками. Серов закурил, отвел "братушек" в сторонку и бросился на траву. Все тотчас последовали его примеру. После минутного молчания кто-то спросил:

- Вы товарищ Серов? Тот самый?

- Тот самый. А вы? Вот тебя как звать? А тебя? Ну, давайте знакомиться. Ага, ты с завода. А ты из Мосэнерго? Вузовец? А ты журналист? Скажи, пожалуйста! Рассказывай о работе.

Молодые люди удовлетворили его любопытство, потом не утерпели:

- Анатолий Константинович, расскажите о своей боевой практике.

- Пожалуйста, товарищ Серов!

Анатолий подумал, потом спросил:

- Знаете, что такое "лестница смерти"? Нет? Так слушайте. Бывает в воздухе такая кутерьма, когда и нам плохо, и противник не знает, как ноги унести. Представьте себе: бьются друг против друга десятка полтора самолетов. В ходе боя располагаются таким образом, что образуется как бы вертикальная лестница. - Серов живо изобразил это руками. - Я преследую одного фашиста, прижимаю его к земле, а надо мной висит второй и норовит попасть из пулеметов мне в хвост в то время, как его самого сверху берет на прицел наш летчик. А наш летчик тоже находится ниже третьего противника, а третьего жмет опять-таки наш. И так все "выше и выше". Самый нижний, мой, которого я загоняю в тартарары, уже летит носом в землю, сейчас врежется, нет ему спасения. Прекрасно! Но по инерции, по проклятой, адской инерции пикирования я следую за ним....

Молодые курсанты авиаклуба с жадным вниманием следили за каждым словом и движением Анатолия.

- Я помню другой подобный случай, он произошел не со мной, а с моим товарищем на Дальнем Востоке. Он, видно, плохо рассчитал. Вел свое звено строем на пикирование, дал сигнал: делай, как я, и пошел. Пикировал так низко, что не успел выйти и врезался в землю, а за ним и первый из ведомых. Другой успел выскочить.

Он помолчал, задумавшись. Слушатели притихли.

- Это ЧП разбирали во всех подразделениях нашей бригады. Мы тренировались, пока полностью не отработали эту фигуру. Главное - не терять самообладания при самых неожиданных обстоятельствах, возникающих внезапно, тут же принимать и выполнять новое решение, не теряя ни секунды, ни доли секунды. Вот и в этой самой "лестнице смерти" мы изворачивались так, чтобы, когда надо выйти из пике, не дать врагу пройтись пулеметной очередью по моему борту во время разворота. Отрубит крыло, тогда "греми" на землю. Тут гляди в оба. Зевать строго запрещено. Дай-ка мне твой блокнот, - обратился он к молодому журналисту, - я тебе сейчас на память начерчу эту лестницу.

Другие курсанты тут же стали писать и чертить в своих записных книжках. Один спросил:

- Что вы считаете самым главным в летной подготовке?

- Так отрабатывать технику пилотирования, чтобы в полете не замечать машину. Она - как бы часть, продолжений тебя самого.

- А приборы? Это ведь только раньше брали ухарством, игнорировали приборы и гробили машины.

- Игнорировать приборы ни в коем случае нельзя.

- Тогда объясните свою мысль, товарищ полковник.

- Вам непонятно?

- Да нет же, все ясно, - стали наперебой объяснять другие юноши. - В совершенстве владеть техникой, а потом не замечать ее.

- Интересно, как это не замечать? Тут тебе руль управления, мотор, баки, приборы высоты, температуры, скорости, расхода горючего... Да как же не следить, не учитывать всего этого?

- Целый иконостас! - расхохотался Анатолий. - Это напоминает мне одного знакомого поэта. Хороший поэт, хорошие слова писал, боевые песни. Так вот встретил его недавно в клубе писателей, спрашиваю, думает ли он о разных правилах, когда пишет стихи? Оказывается, когда он был начинающим, то о правилах не думал - песни лились рекой. Правда, в них и воды было не дай бог! А потом засел за науку стихосложения. Размеры, рифмовка, жанры начал различать - тоже серьезная техника! Но пока учился, плохо стал писать, хоть брось! Стихи получались

вымученные, пел, как говорится, не своим голосом. Но терпел. Зато когда освоил эту технику, когда она стала как бы его плотью и кровью, он уже о правилах забыл, как они формулируются, и писал лучше прежнего, богаче, сильнее, и свой голос появился, и народу стал ближе, понятнее. Теперь уж талант и знания не позволяют ему писать плохо, фальшивить.

Слушатели прекрасно понимали, о чем он говорит. Дружно смеялись, брали на заметку каждое слово прославленного мастера пилотажа.

- Наша техника, ребятушки, другого рода. Но одно есть общее: знание, помноженное на талант и смелость, - это высшая степень мастерства. Если я и машина - одно, если мне не нужно каждую минуту заглядывать в святцы, на приборы, если я всем существом чувствую и знаю все, что мне нужно знать, тогда я могу не только отражать атаки врага и сам атаковать его, но и следить за моими товарищами и вовремя приходить к ним на помощь. Мое внимание рассредоточено, как полагается, но оно и сосредоточено в момент маневра, когда я ощущаю состояние моей машины, как свое собственное. Вот такое дело, братцы. Понятно?

- Это кажется мечтой.

- Искусство приходит не сразу, а в результате опыта.

Беседа увлекла не только осоавиахимовцев, но и самого Серова. Узнав, что они тоже готовятся ко Дню авиации и даже создали свою пятерку наподобие серовской, он особенно оживился и попросил, чтобы они показали свое умение в воздухе.

Ребята произвели на его глазах несколько полетов. Он внимательно следил в особенности за совместным пилотажем звена. Потом провел разбор полетов. Обещал и в дальнейшем держать связь с аэроклубом.

Обрадованные в высшей степени осоавиахимовцы провожали его до самолета.

- А какая ваша любимая песня, Анатолий Константинович?

Он ласково окинул их взором и подумал: "Вот люди моложе его, совсем зеленая, новая поросль летунов, и вот он разговаривает с ними, как "старичок"! Однако, весело тряхнув головой, он ответил:

- Любимая песня дальневосточников - "По долинам и по взгорьям".

Уже возле самолета он объяснил курсантам "змейку" - маневр, который применял Серов, когда необходимо было уходить из-под вражеского обстрела. Показал движениями кисти руки этот полет зигзагами с неожиданными поворотами, мешающими противнику использовать стрельбу с упреждением

(то есть не прямо по движущейся цели, а впереди нее, когда стрелок угадывает ее направление).

- Сейчас покажу, - вдруг сказал он новым друзьям.

По его приказу они отбежали от самолета. Серов поднялся в воздух и действительно показал эту фигуру, к великому восхищению осоавиахимовцев.

Спустя некоторое время Серов узнал, что молодые пилоты, втайне от начальства, уходя за облака, пробовали проделать "змейку". Анатолий Константинович добился, чтобы им разрешили тренироваться открыто.

* * *

Наступил День советской авиации.

Венцом праздника были признаны полеты пятерки.

Вел пятерку Анатолий Серов.

Пять ярко-красных небольших самолетов с быстротой снарядов пересекли голубое небо и одновременно стали набирать высоту. Вот они разом, как один, низвергаются с высоты в пике и так же одновременно выходят из него, могучим и гордым ревом сотрясая воздух.

Все пять машин, как одно целое, совершают петли, развороты, переходят из одной фигуры в другую, ни на миг не теряя дистанции. Они словно привязаны к своему ведущему невидимой нитью.

Общий восторг вызывает "веревочка" - групповой штопор, когда самолеты один за другим с нарастающей скоростью ввинчиваются в воздух и переходят в пике. Рев самолетов при выходе из пике сменяется затем спокойной и ритмичной музыкой пяти стальных сердец.

Еще более сложная и красивая фигура - "карусель" - привлекает внимание публики. Пять самолетов, совершая мертвую петлю, идут друг за другом в вертикальный круг все ниже и ниже, затем, выравниваясь в кильватер, уходят. Самолет, находящийся в верхней точке, производит "бочку", за ним то же делают второй, третий и так далее.

Радио передавало подробности этого невиданного еще группового пилотажа. Вот пятерка умчалась, провожаемая любовными взглядами многотысячных зрителей. В небе появляются два истребителя и вступают в воздушный "бой".

Готовясь к празднику, Серов долго выбирал, с кем ему "подраться". Наконец он остановил выбор на Борисе.

- Смирнов не только имеет боевой опыт, но он командовал в Испании эскадрильей, и у него исключительное самообладание. Подерусь-ка я с тобой, Борька!

С каким захватывающим интересом следили зрители за

воздушным единоборством. "Сбитый" Серовым, как было условлено, Смирнов с вертикальной горки перешел в штопор. Летчик так увлекся, что сделал гораздо больше витков, чем полагалось. Мотор стал захлебываться. После Борис Александрович говорил:

- Я до того довел эффект, что у меня уже мотор забрало. Тут я сразу - в сторонку от аэродрома, отошел подальше. Сел благополучно.

В воздухе осталась одна машина - самолет Серова.

У находившихся на аэродроме родных Анатолия замерло сердце. Боевые товарищи, как всегда, почти с научным интересом следили за каждым моментом полета, за каждой фигурой, отмечая серовские особенности и приемы. Казалось, слышно характерное серовское: "Ну, сейчас покажу!"

Все те фигуры, которые перед тем демонстрировала пятерка, совершал теперь один Серов. Фигуры производились им беспрерывно, одна за другой.

Виртуозность идеально послушной машины, стремительность ее "свечей" и пике, красота и сила ее петель, переходящих в иммельманы, когда самолет внезапно меняет направление, обманывая противника; головокружительные штопоры и "бочки" - весь этот динамичный, воинственный пилотаж давал зрителям представление о сложности беспощадного воздушного боя и демонстрировал силу и красоту летного искусства. Летчик словно сам наслаждался свободным каскадом фигур. Он играл истребительной машиной, как может играть ею только пилот самого высшего класса, он танцевал в полном смысле, как птицы, о которых когда-то давно говорил, мечтая, русский летчик Петр Нестеров. Это производило сильное впечатление не только от бесстрашия пилотажа, но и как эстетически прекрасное зрелище.

С земли неслись восторженные крики, возгласы:

- Да здравствуют наши советские летчики!

Люди срывали с головы шляпы и шапки и бросали их в воздух, махали руками или вдруг замирали, прослеживая рискованную фигуру.

Закончив свою праздничную работу в воздухе, Серов должен был улететь на базу и не видел, как летали осоавиахимовцы. Но он расспрашивал других и с удовольствием узнал, что его знакомство с курсантами аэроклуба не прошло для них даром. Они летали не на "И-16", как Серов, а на учебном тренировочном самолете "УТ-1", разница в мощности моторов была значительная (ПО и 1250 лошадиных сил!), но нагрузка на крыло была одинаковая, и можно было производить сложный пилотаж. Осоавиахимовцы показали даже такую же, как Серов, "карусель" с

петлями и "бочками".

Праздник оставил у многотысячных зрителей незабываемое впечатление силы и отваги нашей чудесной молодежи.

Отдых не получается

Осенью командование настойчиво предложило еще не отдохнувшему после возвращения из Испании Серову поехать на юг и как следует подремонтироваться. Серов не чувствовал себя уставшим. Напротив, сил как будто еще прибавилось в нем. Молодость двадцати восьми лет кипела вовсю и требовала полного выражения себя в труде и исканиях.

Но пришлось подчиниться. Уже отправились в Сочи Миша Якушин и Боря Смирнов. Серов тоже сел в поезд и последовал за ними. На другой день Валя послала ему письмо. Не получив через положенное число дней ответа, она позвонила в Сочи по телефону Якову Владимировичу Смушкевичу. К телефону подошла его жена и, смеясь, ответила:

- Не волнуйтесь, Валя! Они уже выехали обратно. Встречайте завтра на вокзале.

И в самом деле, не прожив на курорте и пяти дней, Серов, как только получил письмо Вали, вдруг почувствовал, что скучает по ней, и тут же объявил:

- Некогда мне тут загорать.

За компанию с ним помчались обратно и его неразлучные друзья. Закупили побольше мандаринов и радовались и посмеивались, рассчитывая сделать женам сюрприз своим появлением. Каково же было их изумление, когда жены встретили их на вокзале. Серов бросился к Вале.

- Тигрица! - ласково прошептал он и закружил ее в объятиях.

Снова счастливо и безоблачно побежали дни первого года их супружества... и последнего...

Под этим ясным небом радости, трудов, успехов единственное, что томило Валю, была ее тревога за Анатолия. Он это видел.

- Чтобы ты никогда не пугалась за меня, я возьму тебя в полет. Ты увидишь, что можешь быть уверена во мне, моя Лапарузка. Летим!

Валентина сидела в задней кабине, видела перед собой широкую, сильную спину мужа, чувствовала себя спокойно и радостно. С любопытством осматривала горизонт и землю и, к удовольствию Толи, быстро и легко ориентировалась, точно указывая ему все знакомые пункты, районы, площади и здания, узнав даже здание киностудии, где она снималась.

- Тебе надо учиться на штурмана, у тебя исключительные способности аэронавигатора, - весело говорил Анатолий.

Он был счастлив. И оттого работалось ему еще лучше.

Серов получил новое правительственное задание и, простившись с Валей, уехал на запад со своими старыми боевыми друзьями. Наше правительство предложило военную помощь Чехословакии, которой угрожало гитлеровское вторжение. Серов готов был полететь в бой за свободу чехословацкого народа, как он сражался за народ Испании. С дороги он посылал жене фототелеграммы, советовал следить за здоровьем.

Однако чехословацкое буржуазное правительство предпочло капитулировать перед Гитлером и прочими участниками Мюнхенского соглашения, чем принять помощь СССР. Наши летчики вернулись с границы к себе домой.

Новый год встречали все вместе - так сказать, вся серовская дружина. Ходили покупать елочные игрушки, на елку позвали близких и их ребятишек. В полночь пришло приглашение в Кремль. Там они были встречены радушно, как в родной семье, и вместе с членами ЦК и правительства подняли бокалы за новый 1939 год.

Анатолий Серов уже учился в Академии Генерального штаба РККА, много времени, как всегда, отдавал военной и летной работе.

Валя порой по нескольку дней оставалась одна, томясь беспокойством, но всячески уверяя себя, что с Анатолием ничего не случится. Она видела его самолет - красный с синими и белыми полосами, - серовский скоростной истребитель или, как он его любовно называл "красный пузырик". Видела, как заряжали, как запускали мотор. Вот он сел в машину, махнул рукой Лапарузке, поднялся, взял курс и через секунду исчез в вышине. Была в нем такая сила, такая уверенность, что, казалось, беспокоиться не было никаких оснований.

Серов встретился с другом своей юности Виктором Недосекиньгм.

Виктор уже давно потерял след Анатолия - с 1935 года. Наводил справки, но ничего не мог узнать. Весною 1938 года он приехал в Москву на сессию Верховного Совета. Надеялся отыскать друга. Думал, как лучше взяться за поиски. Его, Виктора, жизнь бежала по гражданским рельсам, он строил Уралмашзавод, народное хозяйство на Урале, а Анатолий летал по "военной тропе", по поднебесью. Где ж тут встретиться!

- Думаю, ну, просто человек забыл, оказался в таких обстоятельствах, что не до воспоминаний. Может и так быть в жизни. Был друг, хороший друг, но потом забыл. Но я своего чувства к Тошке не утратил. Приехал, думаю, а вдруг его нет в Советском Союзе, или он задание такое выполняет, что люди

смеяться будут надо мной, скажут, ишь чего захотел - найти Серова!.. Было ведь так!.. А желание огромное. В поезде ехал, не спал, думал, как мы встретимся...

После нескольких попыток достал телефон Серова и тут же позвонил. К телефону подошла домработница Таня.

- Где Серов?

- А кто это говорит?

- Его закадычный друг.

- Он уехал смотреть картину "Девушка с характером"...

На другой день задолго до девяти Недосекин позвонил опять. Трубку взял Анатолий. Узнав голос Виктора, растерялся от неожиданности. Сговорились встретиться вечером.

После заседания сессии Недосекин разыскал Серова в бильярдной Дома актера.

- Я его окликнул, - рассказывает Виктор, - он бросил играть, подошел, обнял по-дружески, так, что у меня чуть кости не затрещали. "Как давно я тебя не видел, Витька! Ну, поедем, покажу тебе москвичей". Весь вечер возил меня по своим товарищам-летчикам, писателям, актерам. Познакомил со своей женой Валентиной и ее теткой Марией Михайловной, и все вместе поехали в клуб писателей. Расстались уж поздно ночью. Я взял его адрес, и каждый вечер мы встречались, вспоминали старое, делились новым и не могли вдосталь наговориться.

Виктор за это время сильно продвинулся вперед по своей "мирной тропе". Завод они закончили строительством в 1933 году, долго осваивали его, боролись за своевременную выдачу продукции. Когда внезапно возник пожар на заводе, Виктор вместе с рабочими спасал оборудование, вытаскивая из огня ценные машины, конструкции.

Недосекин был начальником второго механического цеха. Был парторгом цеха, секретарем парткома завода, секретарем райкома, секретарем городского комитета партии, стал депутатом Верховного Совета.

В следующий раз друзья встретились в мае 1939 года. Серов был уже членом совета авиации, слушателем Академии Генерального штаба.

Весь конец 1938 и начало 1939 года Серов провел в напряженной работе, главным образом, в летной инспекции. Это были настоящие крылатые будни организатора и воспитателя боевых летных кадров.

- Время не ждет, - говорил он. - Нужно спешить! Атмосфера в воздухе грозовая. Нам нужно сделать еще очень много, чтобы не быть захваченными врасплох.

Его интересовала работа в институте, особенно искания

принципов конструкции новой сверхскоростной машины. Занятия в Центральном аэродинамическом институте (ЦАГИ) были необходимой частью его каждодневной работы. Серов предъявлял конструкторам требования по увеличению скорости, маневренности, грузоподъемности и боевой эффективности истребителя. Вопросы скоростной посадки, как мы знаем, занимали его, и он уже делал опыты в этом направлении. Находил время и для ежедневной тренировки своей пятерки.

- Мы каждый день должны работать в воздухе, тренироваться и в одиночку и всей пятеркой. Иначе не только не продвинемся вперед, но еще и отстанем, начнем забывать то, чем теперь владеем.

Для Серова не было скучных дел, бесцветных будней. Его повседневная работа была постоянно освещена огнем творческой мысли. Поэтому и другим работать с ним было интересно.

Некоторым старшим командирам казалось рискованным сразу пересаживать летную молодежь с "И-5" на скоростной "И-16", к тому же одноместный, на котором нельзя было хотя бы на первых порах послать с летчиком и инструктора. Серов и его помощники подбирали опытных летунов и занимались с ними, чтобы они, в свою очередь, подготавливали других.

Отечественная промышленность к этому времени выпустила скоростной учебный двухместный самолет УТИ-4, отличавшийся большой чуткостью к управлению, маневренностью и хорошей скоростью. По указанию Серова проводились сборы командиров для тренировки по маршрутным полетам и пилотажу на этих машинах, а также и по "слепым" полетам, т. е. в закрытой кабине, когда ведешь самолет только по приборам.

Всегда ему казалось, что сделано еще слишком мало!

- Нам столько дает народ, мы обязаны добиться, чтобы наша авиация двигалась вперед семимильными шагами! Надо спешить жить! - повторял он слова Николая Островского. - Учиться, читать, мыслить, искать! Не представляю себе советского летчика, поглощенного только практикой и не знающего радости изучения теории и истории. Передовой летчик - это растущий и мыслящий человек.

Вместе с тем Анатолий каким-то чудом находил время для того, чтобы побывать у школьников, поговорить с пионерами, с комсомольцами, перелить в них избыток своего кипучего темперамента, заразить своими мечтами. Однажды на вопрос ребят о том, каким должен быть советский герой, он ответил:

- Обыкновенный советский человек. Этот человек крепко любит родную землю, Родину нашу. Он готов отдать за нее свою жизнь - каплю за каплей! Он беспощаден к ее врагам. У него

твердый, волевой характер, он смел и отважен. Но этого мало. Умение, знание, владение техникой своего дела - необходимые качества отважного советского человека, будь он летчик, инженер, поэт! Таков наш советский строй, что в любой профессии люди могут расти, становиться любимыми народом, знатными членами нашего общества. Вот и вы должны расти борцами, сильными, закаленными, идейными гражданами, настоящими людьми, достойными уважения.

* * *

Осенью тридцать восьмого года в нарастающем темпе шла работа всей страны. Совершались знаменитые производственные рекорды, проходили большие перелеты, готовились новые, еще более знаменательные. Валерий Чкалов обдумывал возможность беспосадочного кругосветного перелета или, как он любил признаваться, "полета вокруг шарика". Серов все чаще обращался к мысли о скоростном большом полете на истребителе. Девушки Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова готовились к рекордному полету, и Чкалов взял шефство над ними. В сознании народа была постоянная готовность к тому, что в любую минуту враг может нарушить мирную жизнь, и народ наращивал темпы созидательного труда, укреплял мощь нашей производственной и боевой техники. В этом горячем темпе работали и серовцы.

Герой Советского Союза И. А. Лакеев вошел в пятерку Серова, затем вступил в нее А. П. Николаев, и таким образом образовалась уже не пятерка, а семерка. Лакеев говорил о Серове: "Это был богатырь советского народа. Я видел в нем современного летчика, стремился соревноваться с ним, уважал его за прямоту и неподдельную честность".

"Мин херц! Наше сердце! Наш Анатолий", - сколько душевной привязанности чувствовалось в этих словах, произносимых друзьями.

Героини "Родины"

Круг друзей не замыкался в своем маленьком числе. Хотя они - Серов, Якушин, Смирнов, Антонов, Николаев, Рахов, Лакеев - встречались ежедневно, все они большей частью жили в одном доме на Лубянском проезде, 17, часто вместе завтракали или ужинали, но в их круг, естественно, входили новые и новые люди, строители советской авиации, люди, которые умели, как Серов, преодолевать препятствия и вдохновляться не только большой, но и малой работой.

В этот круг теперь вошли и три летчицы, подшефные Валерия Чкалова.

- Такая девушка и подвиг совершит, и на коньках промчится,

как вихрь, и может танцевать и веселиться, и с душой будет делать любое скромное дело на пользу людям. Она живет, как летит - смело, всей душой, дышит всей грудью. Вот мой идеал советской девушки. Вы его знаете. Их целых три: Полина, Марина, Валентина, - так отвечал Серов на вопросы молодежи.

За полетом этих трех героинь Серов следил внимательно и напряженно. На двухмоторном самолете "Родина" они совершили перелет из Москвы на Дальний Восток и установили международный женский рекорд дальности беспосадочного полета по прямой. Серов писал об этом в своей статье "Крылья мужества":

"На крыльях самолета отважных героинь Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко, Марины Расковой начертано одно слово: "Родина", Когда Чкалов, Байдуков и Беляков прилетели в США, американские журналисты спросили их, что движет вами в ваших героических подвигах? Славные летчики ответили: Родина!

Социалистическая Родина! Вера в нее вдохновляет тысячи и миллионы советских людей на чудесные подвиги. Эта вера превращает рядовых граждан в народных героев, которыми восхищается весь мир. Велико счастье оберегать нашу Родину.

...Кто не помнит старой русской поговорки: "Женщине дорога - от печи до порога"? Три отважные подруги - Гризодубова, Осипенко и Раскова внесли существенную поправку в эту поговорку, проложив дорогу от Москвы до берегов Амура. Они имеют тысячи подруг, доблестных, пламенных патриоток страны социализма.

В конце октября три героини вернулись в Москву, встреченные ликованием и славой. Среди встречавших их в Кремле знатных людей находился Анатолий Серов. Он ближе познакомился с ними, интересовался их дальнейшими планами, особенно работой Полины Осипенко - летчика-истребителя. Его приводили в восхищение особенности ее характера - ее неженская сила воли, упорство и настойчивость прирожденного летуна, вся жизнь которого до краев полна одним: волей к полету все выше, все дальше, все быстрее. Вместе с тем она не была ни суровым, ни сухим или замкнутым человеком. Умела крепко дружить, была внимательна и ласкова к людям. Сердечность и теплота были в самом ее душевном складе.

Анатолий долго беседовал с Полиной. Скоро она уже знала об Урале, о мартенах, о том, как закрывают "летку" в мартеновской печи. Узнала об его испанских друзьях. Так же просто, искренне рассказывала Анатолию о себе.

- Родилась я в бедняцкой семье на юге страны. Горечь

батрачества вкусила рано, еще в детстве. Зато юность прошла и буквально расцветала уже при Советской власти. Комсомол, колхоз, курсы птицеводов - там я училась, а потом в колхозе руководила птичьей фермой - это было мое крылатое войско! смеясь, вспоминала Полина Денисовна. - А учиться не переставала. Днем и ночью готовилась. Поехала в летную школу - к Черному морю. Там сначала работала в столовой. А потом добилась, что меня стали учить полетам! Кончила школу, послали в истребительную авиацию. Командовала звеном...

Освоив многие типы самолетов, Осипенко совершила ряд высотных полетов и побила мировые рекорды. Ее самолет последовательно поднимался на высоту в 5000, 6000, 8000 метров, а в 1936 году - на высоту 9 100 метров. В следующем же году Полина в течение трех майских дней побила три международных рекорда высоты для женщин. Новый мировой рекорд был поставлен ею вместе с Верой Ломако во время блестящего по выполнению перелета на гидросамолете над сушей от Черного до Белого морей в 1938 году. Серийный гидросамолет прошел над сушей сквозь грозовые облака, дожди и бури 2 372 километра за 10 часов 33 минуты.

Отдохнув после перелета "Родины", летчицы приступили к новой работе. Полина Денисовна была направлена в инспекцию истребительной авиации Московского военного округа.

Приняв на себя эту ответственную работу, Полина Денисовна с особой требовательностью, прежде всего к самой себе, занялась личной тренировкой. Она была твердо убеждена, что только тот инспектор имеет право контролировать учебно-боевую подготовку частей Военно-Воздушных Сил РККА и проверять работу инструкторов и командиров, кто умеет летать и вести воздушный бой лучше этих инструкторов и командиров. Скромная и непритязательная, чуждая тщеславия и самонадеянности, Осипенко была замечательным мастером своего дела и вместе с тем чутким и внимательным командиром и товарищем...

Чкалов разбился

15 декабря разбился Валерий Чкалов.

Человек с сердцем орла и умом ученого! Наш старший брат! Человек, который знал технику самолета и его возможности, как никто из нас! Что случилось?!

Серов рыдал, как дитя. Всегда волевой и мужественный, Анатолий при первом известии о смерти того, кто был для него идеалом летчика, почувствовал, как он осиротел и как больно ему знать об этой смерти и жить с мыслью, что Валерия уже нет и никогда он не улыбнется своей широкой добродушной улыбкой, и

не зазвучит его милая окающая речь волжанина, и не поразит летчиков этот летун-изобретатель новой находкой, новым открытием летчика, новым чудесным достижением! Он жил и своей жизнью вдохновлял других...

Но Анатолий видел, что не только его одного ударила смерть Валерия. Летчики, друзья, соратники поникли душой, тяжело переживая утрату. Анатолий опомнился. Он бросился к товарищам, встряхнул их, внушая им новую веру в себя, в будущее. Он призывал образ Чкалова на помощь как символ мужества и вечно юношеского бесстрашия.

- Его суровое лицо с живыми искрами в глазах неотступно стоит в моей памяти, - говорил он. - Еще совсем недавно мы видели его живым, ведущим самолет в декабрьское небо. Сегодня его нет среди нас, этого чудесного летчика с жилистыми руками рабочего человека, грузной морской походкой и озорными мальчишескими глазами. Мы знаем, это был лучший военный летчик нашей страны. Опытные воздушные воины преклонялись перед Чкаловым, перед его безграничной храбростью. Молодые летчики брали с него пример. Чкалов воспитывал героическое поколение гордых соколов нашей страны, воспитывал примером, упорно, настойчиво. И у нас должны вырасти тысячи таких, каким был Валерий. Будем же, как Чкалов!

Новый год

31 декабря друзья собрались у Серова проводить старый год и приветствовать новый. Вспомнили, как под новый 1938 год уезжали из Испании. Да, Испания далеко. И прошел целый год. Но как она близка, и как недавно они были там, под ее ярким небом на выжженных пространствах ее полей и гор! Словно пахнуло ароматами ее степных трав, апельсиновых рощ, пронесся вихрь тяжелой пыли с пепелищ деревни, разбитой фашистскими бомбами... И словно послышался шум боя, выстрелы, крики...

- Выпьем, ребятушки, за наших испанских товарищей, - сказал Серов, встав с бокалом в руке. - Они бьются за будущее всех народов. Выпьем за них, за их доблесть, мужество, за нашу вечную дружбу с ними. За Карлоса!

- За Хосе!

- За Долорес!

- За аустурийцев и тех, кто стал летчиками!

- За Барселону! Она еще не сдается!

Воспоминания - точно сменяющиеся кадры киноленты Проходят перед глазами боевые схватки над крышами Мадрида, Барселоны, Сарагосы, над вершинами и ущельями Сьерра-Гвадарамы, проносятся огни трассирующих пуль в ночных поединках.

В этот новогодний вечер больше думали и говорили о будущем, высказывали друг другу заветные пожелания, всей душой стремились вперед, вперед... Но борющаяся Испания была тут, рядом.

...Прошло около месяца. Друзья узнали, что пала Барселона. Но борьба продолжалась. Фашистские вооруженные силы зверски подавляли народное сопротивление. В марте произошел фашистский переворот. Воцарилась черная диктатура Франко. Но народ не сдался. Борьба продолжалась. Она приняла партизанский характер. Она продолжается...

И весь мир прислушивается к мелодичному и твердому голосу Пасионарии:

"Испания 1936 года, Испания, которая боролась в течение трех лет беспрерывной войны, - эта Испания жива. И нет на свете таких долларов, на которые можно было бы купить ее, нет такого террора, который смог бы покорить ее..."

Двадцатидевятилетие

- Весна всегда имела для меня особое значение, - говорил Анатолий, когда родные и друзья собрались отметить день его рождения. - В самом деле, второго апреля, то есть весною 1910 года, я имел честь появиться на этот свет...

Все взгляды обратились к присутствующим Любови Фроловне и Константину Терентьевичу, за здоровье которых уже были подняты бокалы и которые улыбались друзьям сына, желавшим потанцевать на близкой золотой свадьбе милых родителей Анатолия.

Толя обнял отца и мать одним широким объятием, расцеловал и снова повел свою речь.

- Так вот, весна, май... В мае 1929 года мне комсомол дал путевку в авиацию. Это было мое второе рождение. Маем отмечены начало и конец моей работы в НИИ, в мае мы уехали в Испанию. И женился я в мае!

Посыпались возражения:

- Членом совета авиации тебя назначили в июне!

- А слушателем Академии Генштаба - в ноябре.

- Летную школу когда окончил? Это же и было твое настоящее второе рождение!

- В декабре!

Все расхохотались.

Анатолию Константиновичу было присвоено звание комбрига. Таким образом, в двадцать девять лет Серов стал генералом. Он вступил уже в период зрелости, когда творческая личность проявляет себя особенно сильно, результативно, весомо. Человек глубже осознает свою ответственность перед народом,

перед человечеством. Получив от жизни многое - большие авансы доверия и почета, он принимает их как плату вперед и считает себя обязанным отплатить большими делами, гораздо более значительными, чем сделано им до сих пор. Так именно воспринимал Анатолий Константинович доверие и уважение народа и Советского правительства.

Высшее командование поручило Серову подготовку и проведение предстоящего первомайского воздушного парада. Комбриг должен был возглавить полет скоростных истребителей и затем продемонстрировать групповой пилотаж своей семерки.

Он прилетал в каждую авиационную часть, назначенную к участию в параде. Постоянно был в движении - в самолете, в авто, реже - в поезде. Тщательно, до мелочей (мелочей, впрочем, не бывает, особенно в авиации) проверял подготовку, давал указания, следил за точным выполнением своих приказов.

Семерка ежедневно тренировалась.

Наступил праздник. Первомайский воздушный парад прошел замечательно и, как всегда, явился украшением праздника, радуя народ, восхищенный успехами своих крылатых детей.

Грозными соединениями высоко в небе шли новые бомбардировщики, быстроходные, кажущиеся небольшими и легкими - настолько их очертания были пропорциональны и красивы.

Вихрем промчалась краснокрылая семерка во главе с Анатолием Серовым. В другой группе истребителей, как молния, пронеслась над Красной площадью майор Полина Осипенко. Страна смотрела и слушала у радиоприемников этот чудесный парад. На минуту замолкал голос диктора, и до слушателей доносился удивительный рокот авиационных моторов, голос боевой советской авиации. С трибун Красной площади не спускали глаз с семерки истребителей руководители партии и правительства, представители общественных организаций, многочисленные иностранные гости.

По телефону Серову передали, чтобы после парада он явился на трибуны.

Когда он поднялся на трибуну, его поздравили с отличным проведением воздушного парада и великолепным полетом семерки. Наркомвоен Ворошилов шутливо спросил, оглядев его фигуру:

- Ты что же, начинаешь толстеть?

- Вовсе не толстею, товарищ нарком!

Серов весь подобрался и вытянулся.

- А мне показалось, толстеешь ты, брат. Не люблю толстых командиров. Смотри, не налегай на пельмени.

Серов покраснел и растерянно взглянул на наркома. Откуда тот узнал о его пристрастии к уральским пельменям? Впрочем, узнать было не так трудно. По поводу этого увлечения молодого уральца-генерала ходили шутливые разговоры в среде летчиков и высшего командования, особенно после одного случая, когда Анатолий пришел позавтракать к Евгению Антонову, соседу по дому.

Женя Антонов женился недавно. Смирнов и Якушин были женаты, Анатолий тоже, а 7 ноября 1938 года справил свадьбу и Антонов. Его невесту звали Женей Давыдовой.

Как было уже сказано, Серовы, Антоновы, Смирновы и Якушины жили в одном доме и, хотя у каждого была своя квартира, жили одной спаянной семьей, очень дружно и часто сходились у кого-нибудь из них дома.

Зайдя как-то к Антоновым, Анатолий увидел на столе горячие пельмени.

- Ого! Уральские! Истребить! - заорал Анатолий, и пельмени были поглощены им в мгновение ока. Он попросил еще!

Женя, не желая его разочаровывать, так как знала из его же слов обычай уральцев готовить пельмени в безграничном количестве, чтобы хватило на все добавки и еще оставалось, - живо спустилась вниз, сбегала в магазин и купила еще пачку пельменей. Быстро вскипятила и подала на стол. Через две-три минуты Анатолий потребовал еще! Он был уверен, что пельменей еще много. Женя, спасая честь своей кухни, бегала в магазин еще раза три, покупая каждый раз по три пачки. Анатолий очень хвалил молодую хозяйку за то, что пельмени приготовлены по-уральски, как раз по его вкусу и в должном изобилии.

Серов так и не узнал секрета Жениной "кухни", но среди его друзей долго ходила эта история и вызвала немало веселых шуток.

Так эта история докатилась и до Красной площади в первомайское утро.

Действительно, Анатолий с детства был расположен к полноте и всю жизнь боролся с ней. Спасала его работа, требующая всегда спортивной формы.

...Второго мая Серов с женой был приглашен на майский вечер в Кремль. Как всегда, с ним по-отечески ласково говорили руководители советской страны. Как всегда, было много людей, известных народу своими добрыми, замечательными делами, старых и молодых, оживленных, полных неиссякаемых творческих замыслов... Эти встречи заряжали Серова, как и каждого из этих людей, новой радостной рабочей энергией.

А утром третьего мая он уже сбегал вниз по лестнице своего

дома в ранний час и на ходу говорил шоферу:

- Давай "королеву", Сергей, и - на аэродром. Потом поедем в институт проверять кислородное оборудование, а уж затем - в академию. Вечерком с членами семерки рассмотрим задачи новых опытов группового пилотажа. - И, пряча в боковой карман записную книжку, улыбался: - Скучать некогда. Поехали!

...В начале мая Серов еще раз встретился с уральцами, приехал и Виктор Недосекин. Анатолий встретил его в прихожей и крепко обнял. Домработница охала:

- Опять наш ураган людям кости ломает! Смотри, гость уже задохнулся в твоих ручищах-то!

За столом Виктор рассказывал о работе, отвечал на вопросы Анатолия о товарищах по Надеждинскому металлургическому заводу.

Виктор привез приветы, рассказывал о достижениях в труде старых друзей. Игорь Климов, один из лучших доменщиков Урала, дважды занимал первенство во Всесоюзном соревновании металлургов. Коля Свиридов - на Уралмаше. Был техником, потом - старший инженер. Им спроектировано не меньше шести тысяч инструментов разных наименований. Сейчас - заместитель начальника инструментального отдела завода.

- А Никола Сухоруков?

- Начальник отдела техники безопасности. Как и раньше, воспитывает нашу молодежь, новое пополнение. Ваня Туев награжден орденом Красного Знамени за бои против басмачей. Сейчас заведует военным отделом горкома партии в Надеждинске. Получил квалификацию летчика-наблюдателя. Помогает местному аэроклубу, который создавали при твоей помощи.

- Смотри, Виктор, аэроклуб Надеждинска - на твоей ответственности. Урал дает первоклассных летчиков, и наш Надеждинск не должен плестись в хвосте. Вот я сам скоро приеду, посмотрю, полетаю с ребятами. Пускай прокладывают новые трассы - вперед и выше.

Прощаясь с уральцами, Анатолий приговаривал:

- Обнимите за меня всех, кто помнит Тошку Серова. Передайте, что Тошка гордится тем, что он кость от кости уральских горняков.

- Приезжай к нам! Приезжай, ждем!

- Обязательно приеду! Скоро!

Одиннадцатое мая

Сколько раз Анатолий уходил в полеты? Сотни, много сотен раз! И никогда, ни у него, ни у его близких не возникала мысль о возможном несчастье. Уверенный, спокойный, веселый, он

передавал эту уверенность другим, всем, кто его любил.

Да разве можно было сомневаться в успехе, когда Серов садился в машину? Он налетал немало тысяч часов на истребителе, полеты на котором исчисляются минутами. В каких только условиях не 'приходилось ему выполнять боевые и тренировочные задания! Самолет он знал в совершенстве.

Как же случилось, что Серов погиб при воздушной катастрофе? Весть о его гибели казалась невероятной, немыслимой ошибкой.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?..

9 мая 1939 года Серов вылетел с товарищами на тренировочные полеты. Сборы были назначены в КУНС (Курсы усовершенствования начальствующего состава) для тренировки по слепым полетам. Полина Денисовна Осипенко также решила принять участие в этих занятиях.

Утром, собираясь на аэродром, Анатолий шутил и балагурил, напяливал свой шлем на голову так, что одно "ухо" шлема задралось кверху, подмигивал жене:

- Разве плохой мальчик?

- Будь там осторожен, пожалуйста!

- Ты уж не волнуйся. Одиннадцатого прилечу попить чайку и обратно. Все уложила в чемоданчик? Побольше положи чистых воротничков, ведь с нами будет дама! Надо быть приличным!

На дворе ждала "королева" - подарок испанских друзей. Быстрым движением забравшись в машину, приказал:

- На Центральный.

На аэродроме ждали товарищи. Слышались шутки, смех.

- У нас в Лебедяни, - мечтательно говорил Антонов, - в это время вишни зацветают. Так пахнет по утрам - ну, что твой рай.

- Товарищ комбриг, самолеты готовы к вылету, - доложил Виктор Рахов, как только Серов выскочил из машины.

- Давайте, давайте, пора. По самолетам!

И, уже сидя в кабине, Анатолий оглядел аэродром и спросил у дежурного:

- Майор Осипенко? Не прибыла?

- Ей только что сообщили, что вы летите сегодня. Сейчас прибудет.

- Пусть догоняет. От самолета!

Дежурный отбежал. "Ишачки", промчавшись по дорожке, оторвались и одновременно взлетели. Через несколько секунд их уже не видно было в утреннем мареве.

Полина опоздала на несколько минут. Как только ее самолет был заправлен горючим, она влезла в кабину и, поднявшись высоко над землей, помчалась вслед товарищам.

Здание и аэродром КУНС находились за чертой областного города, километрах в четырехстах от Москвы, среди широких и ровных полей среднерусской полосы.

Приземлившись на аэродроме и выйдя из машин, летчики отошли в сторонку покурить, когда увидели на горизонте приближающуюся с запада точку.

- Полина летит, - сказал кто-то.

С особым вниманием летчики следили за полетом. Ветерок поднял с земли легкую дымку пыли и тем мешал летчице при заходе на посадку сделать правильный расчет. Но вот ее самолет приземлился. Летчики подбежали к машине. Все вместе направились к выстроившимся по полю "УТИ-4" тренировочным самолетам, на которых предстояло выполнять задания по слепым полетам. Летчиков сопровождал начальник КУНС майор Абрамычев.

Он объяснял:

- Это чрезвычайно чуткая машина. Она реагирует на малейшее движение пилота. В первый раз слепые полеты на ней я вам рекомендую производить с нашими инструкторами, опытнейшими специалистами в этом деле. Кроме того, мы располагаем прекрасным тренажером.

Тренажер - в данном случае аппарат для тренировки в помещении.

Серов предложил:

- Давайте сегодня поработаем с тренажером, а завтра - летать.

Так и решили. Под руководством инструкторов весь день работали с тренажером, по очереди забираясь в кабину слепого полета и выполняя по светящимся приборам задания инструктора. Лучше всех это удавалось Серову. В перерывах он рассказывал товарищам о своих ночных полетах на Дальнем Востоке, расспрашивал Полину Денисовну о ее дальних перелетах, когда нередко приходилось вести машину исключительно по приборам.

К вечеру Анатолий улетел на ночевку в Москву. Полетели навестить жен и некоторые другие летчики. Полина Осипенко осталась тренироваться с тренажером в КУНСе.

Вечером Валя уснула рано. Ее разбудили объятия мужа.

- Прилетел!..

- Здравствуй, Лапарузка! Как ты себя чувствуешь, родная?

- Знаешь, он уже стучится... Вот послушай...

Через несколько месяцев у них должен был родиться ребенок. Его они ждали с большими надеждами, волнениями, как это всегда бывает. Анатолий проявлял особенную чуткость и ласковость к Вале.

Утром она пришила ему чистый воротничок и дала другой в запас.

- Ты мне мало воротничков даешь. Мне нужно дней на пять.

- Завтра прилетишь, получишь еще один.

- Ты, Валя, уж не поспи сегодня с утра. Собери мне маленький чемоданчик дней на пять. Пока я буду на аэродроме, Сережа к тебе вернется, ты с ним пришли все.

- Завтра непременно прилетай.

- Прилечу. Вместе в кино пойдем.

Он ушел. Валя подбежала к окну. Во дворе пронзительно пела сирена: Серов знал, что Валя прислушивается и подавал знак прощания.

Валя все приготовила. В руки шоферу передала записку для Толи и сама удивилась - никогда раньше она не посылала ему записок на аэродром.

Шофер Сергей Яковлев прибыл на аэродром к моменту вылета. Серов поставил чемоданчик в кабину, а записку спрятал в боковой карман на груди.

- По самолетам!

Прощаясь с Сережей, Серов еще раз вспомнил о жене:

- Если что будет нужно Валентинке, ты сделай; брат. Она, ты знаешь, собирается сына мне родить. Позаботься о ней, дружок.

- Есть, товарищ комбриг.

Самолет взвился в воздух, сделал круг над аэродромом, это Серов послал прощальное приветствие, как всегда делал.

И умчался...

Десятого утром начались тренировочные полеты. В первый день по настойчивому совету Абрамычева летали с инструкторами. Но на завтра было решено летать друг с другом.

- С машинами познакомились, - сказал Серов. - А вообще мы ведь летали в слепых полетах, и ночью летали и даже дрались в ночных условиях. Так что даже лучше, если мы сами будем инструктировать друг друга. Разделимся на пары: один в закрытой кабине, другой за инструктора - в открытой. После каждого полета будем меняться местами.

Вечером он сделал разбор произведенным полетам, сообщил план на завтра и с книжкой в руках улегся на койку. Это была книжка о Суворове. Анатолий знал ее и опять с интересом просматривал, перечитывал отдельные места. Сила духа и душевная простота великого полководца была ему сродни и всегда пленяла. Но читал он недолго. Как всегда, сон его наступал почти сразу и был крепок - сон богатыря.

Полина Денисовна за два Дня пребывания на курсах приобрела много друзей. Общительная и доброжелательная, она

быстро перезнакомилась с девушками - дежурными по общежитию, расспрашивала, учатся ли они, советовала не бросать учебу ни в коем случае, учиться и учиться и ставить себе высокую цель в жизни.

- И добиваться ее!

Очень обрадовалась она майору Абрамычеву. Ведь он был ее первым учителем, инструктором на Каче! Они встретились как старые хорошие друзья. Абрамычев гордился своей ученицей и был счастлив, что она снова была с ним.

- А помните, Сергей Ильич, как я сделала первый самостоятельный полет? - смеясь, спросила Полина.

- Как же! Уж я переволновался! Вижу, идет моя ученица правильно и вдруг козлит прямо на глазах. Я кричу ей: "Газ!.. Газ!.. На второй круг!.."

- А я не слушаюсь и сажаю машину в полном порядке. Вы подбежали тогда к самолету, я высунулась, мне стыдно и смешно от радости, что вот - слетала одна, ору вам: "Ой, товарищ командир, я ведь думала, что уже сижу!.." Потом вспомнила все ваши указания: при посадке не зажимать ручку управления, не добирать, а уж при самом приземлении энергично добрать ручку. Правильно?

- Когда она спрашивает!

Оба расхохотались.

- Потом потерял вас из виду. Вас послали служить в строевую часть. И вдруг вижу в газете ваш портрет! Полина Осипенко - участница перелета от Черного до Белого моря. Ну, другой такой не могло быть. Я сразу узнал вас.

- Помните, мы еще встретились на аэродроме? На сборах? Я тогда готовилась к перелету на самолете "Родина" с Гризодубовой и Расковой. Помните, Сергей Ильич?

- Вы тогда попросили меня...

- Да, разрешить мне полетать с инструктором на истребителе. Ведь у меня образовался перерыв. Захотелось проверить себя, потренироваться на "ястребке".

- Что правда, то правда, вы всегда были требовательны к самой себе, Полина Денисовна.

- Это ваша школа. Я так рада, что мы снова встретились. Покажите, как вы тут живете. - Они шли по территории курсов. Полина осматривалась кругом. - Жаль, здесь так мало зелени. Ни сада, ни скверика. Негде поиграть ребятишкам. А у ваших инструкторов и других работников курсов ведь есть ребята?

- Да ведь КУНС здесь недавно. Только что построились. Вот школа, штаб... Там - общежитие, дом комсостава. Вот здесь устроим клумбы. Сад разобьем на пустыре, видите? Перетащим

сюда лес, а то он чересчур далеко от нас. Здесь будет городок со школой и клубом. Верите? Приезжайте к нам, увидите.

- Верю, конечно. Сейчас мы строимся повсюду, вся страна строится и будет строиться всегда и все лучше, удобнее! Иначе не может быть.

Стоя на крыльце общежития, Полина задумчиво смотрела в мглистую весеннюю даль. Недавно прошел дождь, и в мелких чистых лужицах ярко отражалось золотисто-розовое небо. Будто по земле были разбросаны осколки зеркала. Но потом отражения погасли. Тихо спустился вечер. Над горизонтом зажглась первая звездочка и вдруг пропала в туманной дымке.

Метео предсказывало утренние туманы. И правда, утро одиннадцатого мая было пасмурно. Легкая облачность что-то не собиралась рассеиваться.

Летчики встали в шесть часов утра и пошли завтракать. Серов торопил:

- Сейчас можно летать. Быстро, друзья, кончайте и пошли на аэродром.

На аэродроме находились летчики из разных военных округов, прибывшие для тренировки. Собрались и все серовские инспектора. Пока шла проверка людей, были приготовлены самолеты.

Горючего брали на сорок минут - время, рассчитанное для одного полета.

До двенадцати часов надо было сделать пять полетов. Каждый самолет летал в отведенной ему зоне.

Якушин с товарищем вылетели первыми. Серов с Осипенко - вслед за ними. Полина Денисовна, сидя в закрытой кабине, вела самолет. В передней, открытой, кабине Анатолий Константинович корректировал полет.

Через сорок минут машины вернулись на аэродром. Стали заряжаться ко второму полету. Серов подошел к Якушину.

- Ну как, Миша, дела-то? Приборы в порядке?

- Ничего. Сам знаешь, сидеть в закрытой кабине не очень приятно. Но приборы хорошие. А у вас как?

- Да вот Полина жалуется. Что-то не ладится с "пионером".

"Пионер" - прибор, являющийся комбинированным указателем поворота и скольжения. Неточные показания этого прибора в условиях слепого полета могут привести к штопору. Может быть, Серову и Осипенко следовало отказаться от полета на этой машине. Точность прибора скорей всего нужно было проверить в полете с открытой кабиной. На эти вопросы ответа нет, так как причина катастрофы не установлена.

Во второй полет в закрытую кабину сел Анатолий

Константинович. А Полина Денисовна заняла свое место в передней, открытой.

Поднялись, полетели хорошо. Серов, за ним Якушин и другие.

* * *

Находясь в закрытой кабине, опытный летчик все внимание сосредоточивает на работе приборов, не доверяя обманчивому представлению о положении самолета. Отличный мастер ночных и слепых полетов, обогативший свой опыт ночными боевыми операциями в сражениях с фашистами, Серов уверенно вел машину, следя за стрелками приборов, за ртутным шариком "пионера" и держа самолет на заданной малой высоте.

Следует повторить, что "УТИ-4", двухместный учебно-тренировочный самолет типа скоростного истребителя, - чрезвычайно чуткая машина, требующая исключительной бдительности во время полета и пилотирования. Малейшая оплошность, легко поправимая на другом самолете, на этой машине влекла за собой аварию или даже катастрофу, в особенности на таком незначительном расстоянии от земли.

* * *

Вернулся из второго полета Михаил Нестерович Якушин.

Впоследствии он рассказывал об этих минутах:

- Прилетаю, сажусь. Посмотрел кругом - никого нет. А он должен был раньше меня сесть. Вот смотрю: садятся Рахов, Смирнов... Что же Толя?! Отгоняю тревожные мысли. Наверно, был раньше нас и уже снова пилотирует, а вот мы отстали... Торопим друг друга, зарядились, идем в третий полет. Я выполнил задание, иду на аэродром, сажусь. Я сам пилотировал самолет. Сел идеально, у знака "Т". Вижу, сели другие самолеты, думаю: "Толя видел мою посадку. Сейчас скажет - молодец, хорошо сел! Ведь такая посадка в его вкусе".

Но Серова Якушин не увидел. Как только Михаил Нестерович приземлился, к нему подбежал летчик Литвиненко.

- Выключай мотор. Серова и Осипенко нет.

Поднялся сильный ветер. Летчики собрались в кучу. Рахов побежал за начальником курсов. Его начали расспрашивать, прилетали ли Серов и Осипенко.

- Нет, - ответил Абрамычев, и кровь схлынула с его щек.

- Может, вынужденная?

Абрамычев оглядел горизонт.

- Товарищ Рахов, пройдите в их зону, посмотрите. Лакеев уже вылетел туда.

Через несколько минут самолет Рахова оторвался от земли и полетел в зону Серова и Осипенко.

Виктор шел бреющим полетом, напряженно осматривая землю. Вдруг у него сжалось сердце.

Впереди на земле он увидел темную массу народа. Люди бежали со стороны расположенного невдалеке села, потом вдруг останавливались, застывали на месте. Они окружали что-то на земле.

Рахов смотрел перед собой, вглядываясь в видневшуюся точку. Еще надеялся: может быть, Серов тут, поблизости, вылез из машины и ходит, осматривает ее. Но... в таком случае он никогда бы не допустил людей так близко к самолету.

Наконец Виктор увидел, что произошло.

- Вижу - вся машина разбита: мотор, фюзеляж, все... Одни крылья и хвост вздернулись кверху... Чувствую, что дрожу весь и будто шлем стал подниматься на голове...

* * *

Зона, в которой пилотировали Серов и Осипенко, находилась в двадцати километрах от аэродрома и проходила над селом Высоким. Прямо под трассой бежало шоссе на Москву. Налево виднелась рощица в первой весенней листве. Кругом - необозримые поля.

Пять-шесть колхозных лошадей пощипывали траву. По проселку вышел на шоссе письмоносец. Остановившись, он смотрел на самолет. На высоте приблизительно четырехсот метров самолет сначала летел к рощице, потом сделал круг, полетел по прямой назад, затем вернулся, начал виражить и внезапно перешел в штопор.

По заданию самолет должен был летать только по прямой и делать мелкие виражи. Фигуры высшего пилотажа на малой высоте в слепом полете были исключены.

Чтобы выйти из штопора, машина должна перейти в пикирование, потерять определенную высоту, чтобы набрать необходимую скорость и выйти в режим горизонтального полета. По-видимому, летчик пытался это сделать, перевел самолет в пике, но высоты не хватило. Не успев выйти из пикирования, машина врезалась в землю мотором.

...На аэродроме ждали. Волновались, надеялись. Якушин говорил:

- Ну, пусть они будут немного ранены. Никак нельзя допустить более мрачной догадки.

Появился самолет Лакеева.

Якушин вспоминал об этой тягостной минуте:

- Мы ждем, чтобы узнать, что там случилось. Стоим здесь, на старте, и ничего не знаем... И вот летит к нам Лакеев, и мы видим вдруг, как он показывает нам руками вот так, крест! Значит, или

тяжелораненые или мертвые. Мы с Борисом Смирновым пошли на то место. Видим, стоит Евгений Антонов. И так стоит, как-то согнулся весь, что понятно стало - случилось непоправимое...

Немедленно о катастрофе было сообщено в Москву. На место несчастья прилетела правительственная комиссия. Командарм 2 Яков Владимирович Смушкевич подошел к разбитой машине, взглянул и быстро отошел в сторону. Там он стоял и плакал, как ребенок.

Кабина Серова была открыта. В последний момент Анатолий открыл ее, вступая в единоборство со смертью и глядя ей прямо в глаза...

Анатолия и Полины не стало.

Смерть их была мгновенной.

* * *

12 мая радио оповестило страну и весь мир о гибели двух гордых соколов нашей Родины.

Останки их привезли в столицу. Урны были выставлены в Колонном зале Дома Союзов. Бесконечные вереницы советских людей стекались проститься с героями. Тысячи букетов, повязанных алыми лентами, легли к подножию двух постаментов и образовали вместе с ними высокий холм. На склоне этого цветущего холма стояли большие портреты Анатолия и Полины.

В почетном карауле сменяли друг друга соратники Серова и Осипенко, Герои Советского Союза - Громов, Гризодубова, Раскова, Ляпидевский, Молоков, Водопьянов и многие другие прославленные летчики. Шестеро любимых друзей, летчиков-истребителей стояли у праха своего замечательного флагмана: Михаил Якушин, Борис Смирнов, Евгений Антонов, Виктор Рахов, Иван Лакеев, Александр Николаев.

Два дня и две ночи не прекращался доступ в Колонный зал. По Пушкинской улице нескончаемой процессией шли летчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы, рабочие, служащие, студенты. Люди приходили, прощались. Юноши и дети с серьезными, заплаканными лицами, отдавали последний салют бессмертным героям. Анатолий и Полина любили детей, и дети стремились походить на них.

Симфонический и духовой оркестры исполняли Бетховена, Шопена, Чайковского.

14 мая в шестнадцать часов тридцать минут к урнам подошли члены правительства, представители высшего командования, Герои Советского Союза. Руководители партии и правительства, подняв катафалки, вышли на улицу. Звуки траурного марша сменились "Интернационалом". Процессия направилась к Красной площади, где плотными рядами, построившись в колонны, стоял

народ.

В небе появилась группа самолетов. Впереди летел флагман Герой Советского Союза И. Т. Еременко. За ним шли бомбардировщики и истребители. Едва они скрылись из глаз, как молнией пронеслась осиротевшая серовская семерка краснокрылых истребителей, прощаясь со своим любимым вожаком.

Начался траурный митинг. Перед народом вновь прошла вся великолепная жизнь двух прекрасных людей...

Раздался орудийный салют. Торжественные прощальные залпы среди глубокой тишины. Отданы последние почести.

Древняя стена Кремля навсегда приняла урны с прахом народных героев.

Народ дает бессмертие своим детям

"Правда" писала в эти дни: "Имена Анатолия Серова и Полины Осипенко знала вся страна, знал мир. Они были знамениты, окружены славой. На них смотрели с восторгом и любовью всюду, где они появлялись. Но большевистская скромность и простота охраняла их от тщеславия.

...Они ушли из жизни молодыми, в расцвете своей прекрасной зрелости... Они ушли из жизни, а тысячи таких же, как Серов и Осипенко, приходят на их место, и сотни тысяч придут. Память о них рождает новых героев. Они были любимыми детьми народа, а народ бессмертен, и он дает бессмертие своим героям".

Это были простые советские люди, близкие и родные, подлинные народные герои. Они вышли из самых глубин народа и воплотили в себе лучшие черты нашего великого народа. Его бесстрашие, революционную энергию, талант, жизнерадостность.

Гибель двух замечательных советских летчиков опечалила и наших друзей за рубежом. Из многих стран мира пришли радиограммы, письма, выражавшие печаль и сочувствие советскому народу. "Ваши герои будут бессмертны, и будущие поколения будут слагать о них легенды", - писал товарищ из Франции.

Из Бельгии шли слова: "Я был потрясен вестью о потере советской авиацией лучших детей ее: Полины Осипенко и Анатолия Серова. Прошу Вас верить, что не только советский народ скорбит об этой утрате, но что с ним вместе скорбит весь международный пролетариат. Я тем увереннее говорю это Вам, что как делегат профессиональной делегации я всегда соприкасаюсь с рабочей массой, которая также выражает Вам свою скорбь и соболезнование. Прошу Вас от моего имени и от имени моих товарищей принять эти скромные строки как

выражение нашего глубокого горя и сочувствия. Просим Вас передать эти строки семьям погибших".

Коммунисты из Франции послали в Москву свой горячий прощальный привет героям А. Серову и П. Осипенко. Они писали: "Выражаем наше глубочайшее сочувствие семьям погибших летчиков, наших славных товарищей, погибших за свободу и славу СССР".

Советское правительство вынесло решение об увековечении памяти Серова и Осипенко и об оказании поддержки их семьям. Город Надеждинск переименован в Серов. Надеждинский район стал Серовским. Надеждинский металлургический завод получил имя комбрига А. К. Серова. В городе Серове воздвигнут памятник Анатолию Серову. Имя Серова присвоено аэроклубу в Свердловске. В Москве Лубянский проезд, где жил последний год Анатолий, называется теперь проездом имени Серова.

Отец Анатолия Константин Терентьевич передал три Красных знамени, возложенных на урну Анатолия, городу его имени. Идет социалистическое соревнование между цехами завода, рудниками и копями за честь получить эти знамена.

Родина Полины Денисовны Осипенко село Новоспасовка теперь село Осипенко. Имя Осипенко в Москве носит улица, на которой жила Полина Денисовна. Ее имя присвоено Одесской авиашколе, Бердянскому учительскому институту и Днепропетровскому областному аэроклубу.

В апреле 1970 года исполняется 60 лет со дня рождения А. К. Серова. Но ему было всего лишь 29 лет, когда:

Смерть,
Осмелев,
В захлебе моторного гула
Подкралась к нему
И швырнула,
И придавила к земле... {14}

И мы видим его не старше 29 лет, прекрасным юношей, всю душу и все сердце открывшим людям целиком и навсегда.

Таким молодым, радостно самоотверженным помнят его все. Помнят его и на его родине, на Урале. Взрослые. И дети. Дети, которые не видели его. Но с какой страстью они ступают по его следам! Как бережно собирают его письма, фотографии, воспоминания о нем.

В городе Серове старшие школьники организовали музей. Они завязали переписку и дружбу с соратниками Анатолия Серова, ведут состязания спортивных команд и развертывают учебные соревнования за право иметь значок "Победителя приза имени Героя Советского Союза А. К. Серова".

И нередко то громко, то проникновенным шепотом перечитывают его письмо, вот эти чудесные строки, которые звучат как святой завет:

"Партия поставила меня на эту работу и требует от меня справиться с нею лучше, чем справлялись с ней предыдущие товарищи. Я обязан это выполнить как коммунист, и я выполню, обязательно выполню ее поручение. Награда же за это меня ждет известная. Поеду учиться с громадным опытом практической работы, опять же по заданию партии, для которой быть полезным - это вся моя жизнь".

К читателю

Вы прочли биографическую повесть о замечательном советском летчике Анатолии Константиновиче Серове. Его короткая, но бурная жизнь была полна ярких примеров героизма. Всю свою энергию он отдавал любимому делу - летному искусству.

Далеко не всегда бывает, чтобы после тридцатилетней давности имя того или иного летчика вспоминалось бы так часто.

О Серове вспоминают не случайно.

В тридцатых годах, пожалуй, не было ни одного человека в рядах Военно-Воздушных Сил Красной Армии, кто бы не знал Серова. Его блистательные полеты у границ нашей Родины на Дальнем Востоке, экспериментальная работа в институте на поприще летчика-испытателя и, наконец, участие в Национально-революционной войне в Испании в 1937 году принесли ему заслуженную славу и огромную популярность.

Именно этот период в жизни Серова стал самым ярким и значительным.

В числе советских добровольцев, сражавшихся в Испании против фашизма, Анатолий Константинович за короткое время стал как бы эталоном мастерства и смелости ведения неравных ожесточенных воздушных боев, и, наряду с этим, его пламенный дух подлинного интернационалиста проникал в каждого стоявшего рядом в строю.

Имя республиканского летчика Матео Родригеса стало известно не только на фронтах Испании, но и за ее пределами. Однако в те дни немногие знали, что "Матео" вовсе не испанец, а русский хороший парень, родом с Урала, и что он приехал в Испанию не ради поиска славы или романтики, а по зову сердца с единственной целью помочь испанскому народу в его борьбе за правое дело.

Пожалуй, самой отличительной чертой характера Анатолия Серова являлась страстная, неудержимая напористость, которой почти невозможно было противостоять. Она проявлялась везде: в

бою, в труде, в решении сложных проблем, но притом проявлялась не грубо, а убедительно, обоснованно.

Вернувшись из Испании, Серов с присущей ему энергией взялся за передачу боевого опыта молодым; необстрелянным летчикам. В то время эта задача была одной из важнейших в укреплении Военно-Воздушных Сил Советской Армии и очень ответственной. Серов решительно шел на внедрение нового. Он смело и убедительно высказывал свои мысли Сталину и Ворошилову и находил поддержку.

Вся огромная деятельность Анатолия Константиновича в авиации теперь уже стала историей. Но славные традиции мужества, смелости и героических подвигов во имя Родины живут и умножаются нашим молодым поколением военных летчиков.

Мы думаем, что книга Зинаиды Чалой будет читаться с большим интересом, и особенно той частью молодежи, которая готовится обрести свои крылья.

Б. А. СМИРНОВ, генерал-майор авиации, Герой Советского Союза

М. Н. ЯКУШИН, генерал-майор авиации 1970 год

Наш любимый друг и боевой товарищ!{15}

Среди многих тысяч замечательных военных летчиков нашей страны Анатолий Серов был лучшим военным летчиком-истребителем.

Такую оценку А. К. Серову давала вся масса летного состава. Его знали все военные летчики, им гордились, его бесконечно любили, стремились подражать и учиться у него, желая стать таким же летчиком, каким был Серов. Чтобы иметь такую огромную популярность и получить такую высокую оценку мастеров советской авиации, надо обладать большим летным талантом, твердой волей, бесстрашием, храбростью и отличным знанием авиационной техники. Этими качествами в полной мере обладал А. К. Серов, и поэтому он так резко выделялся среди всего летного состава. На войне в борьбе с врагами Серов показал классические образцы воздушных боев. Он не знал поражений и из каждого воздушного боя выходил победителем. На примерах и опыте воздушных боев Серова учится и будет учиться весь летный состав Военных Воздушных Сил Красной Армии.

В повседневной учебно-боевой подготовке А. К. Серов проводил огромную и напряженную работу по обучению летного состава боевым действиям, особенно воздушному бою. В этой области А. К. Серов сделал очень много полезного и ценного для нашего воздушного флота.

Наиболее характерной и сильной чертой А. К. Серова было то, что, зная отлично летное дело, он всегда считал, что знает

еще мало. Поэтому он очень много работал над собой, много учился и много летал. Авиация была его родной стихией, которой он отдавал все свои силы и все свое время.

Серов был настоящий друг и товарищ. Это был кристально честный и прямой человек.

А. К. Серов мог стать таким богатырем летчиком-истребителем потому, что начиная с самых юных лет его жизнь протекала правильно и хорошо. Здоровая и жизнерадостная рабочая среда, непрерывная физкультура и умелая учеба, хорошо организованная общественная работа - вот основа роста и воспитания Серова.

З. Чалая в своей книге правильно описывает жизнь и работу Серова.

Будем же стараться в своей жизни брать пример с А. К. Серова. Это лучший образец для нашей молодежи, особенно для тех, кто хочет стать летчиком.

Я. СМУШКЕВИЧ, командарм, дважды Герой Советского Союза

1940 год

Основные даты жизни Анатолия Серова

1910 г., 2 апреля - родился в с. Воронцовка, на Воронцовском медном руднике.

1918 г. - переехал с семьей в Богословск (ныне Карпинск).

1919-1923 гг. - учился в Богословской школе первой ступени.

1924-1925 гг. - учился в Турьинской семилетней школе (г. Краснотурьинск).

1925 г. - переехал с семьей в Надеждинск (Серов).

1925 г. - поступил в ФЗУ Надеждинского металлургического завода.

1926 г. - вступил в комсомол.

1926-1929 гг. - работал учеником сталевара, затем сталеваром в мартеновском цехе металлургического завода (г. Серов).

1929 г., май - направлен в Вольскую теоретическую школу военных летчиков.

1930 г., 1 июня - окончил Вольскую теоретическую школу военных летчиков.

1930 г., 29 июня - поступил в Оренбургскую школу военных летчиков.

1931 г., 17 декабря - окончил Оренбургскую школу военных летчиков.

1931 г., декабрь - начал службу в Ленинградском военном округе в Гатчине, где служил до августа 1933 г.

1933 г. - вступил в члены ВКП(б).

1933 г., август - 1935 г., октябрь - служил на Дальнем Востоке

в эскадрилье истребителей.

1935 г. - присвоение звания старшего лейтенанта.

1935-1936 гг. - обучался в Военно-Воздушной академии им. Жуковского.

1936 г., май - служил летчиком-испытателем.

1937 г., 14 мая - уехал добровольцем в Испанию.

1937 г., июль - А. Серов и М. Якушин награждены орденами Красного Знамени за первые в истории ночные воздушные бои, в которых каждый из них сбил фашистский бомбардировщик.

1937 г., июль - Серов, командир эскадрильи, участвует в операциях прикрытия с воздуха разгрузки пароходов с оружием и продовольствием для республиканцев и затем в боях на Арагонском фронте.

1937 г., сентябрь - организовал и осуществил штурм фашистского аэродрома в Гарапинильосе силами истребителей, уничтожил свыше сорока фашистских бомбардировщиков и истребителей, а также запасы горючего и бомб. Испанское республиканское правительство ходатайствовало о присвоении Серову звания Героя Советского Союза.

1937 г., октябрь - А. К. Серов награжден вторым орденом Красного Знамени.

1938 г., январь - возвращение в СССР.

1938 г., январь - присвоение звания полковника.

1938 г., 2 марта - за подвиги в борьбе с фашизмом в Испании А. К. Серову присвоено звание Героя Советского Союза.

1938 г., май - назначен начальником летной инспекции.

1938 г., май - женился на Валентине Васильевне Половиковой

1938 г., 28 июня - назначен членом совета авиации.

1938 г., ноябрь - назначен слушателем Академии Генерального штаба РККА.

1939 г., 9 февраля - присвоено звание комбрига (генерал-майор).

1939 г., 11 мая - трагически погиб при авиационной катастрофе.

1939 г., 14 мая - состоялись похороны А. К. Серова на Красной площади в г. Москве. Урна с прахом Героя замурована в Кремлевской стене.

Примечания

{1} Особая Краснознаменная Дальневосточная армия.

{2} Альберт Янович Лапин - командующий ВВС ОКДВА. Участник гражданской войны, соратник В. К. Блюхера.

{3} В. Г. Рахов - Герой Советского Сюза, член "пятерки" Серова, погиб при Халхин-Голе в воздушном бою.

{4} Борис Смирнов. Испанский ветер. Записки летчика, М.,

"Советский писатель", 1963.

{5} Е. С. Антонов. Погиб в 1942 г.

{6} Под знаменем Испанской республики. Изд-во "Наука", 1965. Воспоминания. М. Н. Якушин. В первой битве с фашизмом, стр. 499.

{7} Под знаменем Испанской республики. Изд-во "Наука", 1965. Воспоминания. М. Н. Якушин. В первой битве с фашизмом, стр. 500.

{8} Игнасио Идальго де Сиснерос. Меняю курс. М., Политиздат, 1967, стр. 396.

{9} Мамита миа - матушка моя (исп).

{10} Долорес Ибаррури. Единственный путь. М., Политиздат, 1962.

{11} Сб. "Под знаменем Испанской Республики". Игнасио Идальго де Сиснерос. Глазами испанского патриота. Стр. 470, 471, 476, 480-482. М., "Наука", 1965.

{12} Игнасио Идальго де Сиснерос. Меняю курс. М., Политиздат, 1967.

{13} В. Г. Рахов - Герой Советского Союза, погиб в 1939 году в воздушном поединке с врагом на Халхин-Голе.

{14} С. Кирсанов. Серову.

{15} Предисловие к книге З. Чалой "Анатолий Серов", вышедшей в изд-ве "Молодая гвардия" в 1940 году.